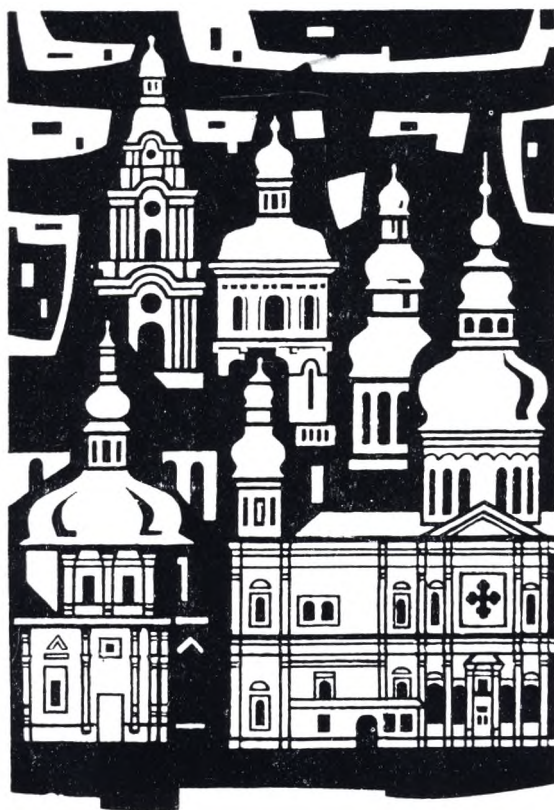




ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРЫ ПО СТРОИТЕЛЬСТВУ МОСКВА ● 1967



М. ЦАПЕНКО

Архитектура
Левобережной
Украины
XVII-XVIII
ВЕКОВ

УДК 72.03«16»«17»(477.5)

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга посвящена каменной архитектуре Левобережной Украины примерно за столетний период ее развития, а именно с 70-х годов XVII в. по 70-е годы XVIII в. В той мере, как это представлялось необходимым для общего хода исследования, в книге также рассмотрены памятники архитектуры Киева и некоторых других населенных пунктов Правобережья.

Период после воссоединения Украины с Россией в 1654 г. занимает особое, исключительно важное место в истории украинской культуры, искусства и зодчества. В эту пору воссоединенные с Россией области Украины переживают экономический и культурный подъем. Здесь ускоряются процессы формирования украинской нации, постепенно складывается современный украинский язык, развивается светская литература, расцветает театр, живопись, самобытное народное искусство. На примыкающем к русским границам Левобережье, где находились Глухов и Батурин, игравшие роль столичных украинских городов того времени, бурно развивается архитектурно-строительная деятельность. Правобережная Украина, кроме южной ее части и Киева, почти до конца XVIII в. находилась под властью польской шляхты. Экономические и социальные условия в XVII и XVIII вв. не благоприятствовали развитию архитектуры в этой части Украины.

В силу исторических обстоятельств на Левобережье и Поднепровье были созданы оригинальные, глубоко самобытные архитектурные произведения, в которых проявился строительный гений народа. Национальная архитектура этого времени ярко и полно выражает характер общественной жизни со всеми ее противоречиями. Строительство гетманских дворцов,

общественных зданий, культовых ансамблей в городах и населенных местах явилось прямым следствием подъема, переживаемого Украиной после долгих лет борьбы за национальное освобождение.

Украинские буржуазные националисты пытались исказить сущность рассматриваемой эпохи, связывая расцвет национальной культуры только с деятельностью феодальной верхушки общества — гетманов и казацкой старшины.

Главным стимулом общенародного расцвета искусства и зодчества было укрепление национального самосознания народа, пламенное стремление выжить и победить в борьбе против социального и национального гнета. Важную роль сыграл также братский союз, тесный экономический и культурный обмен, установившийся с Россией.

Оценка украинской архитектуры в искусствоведческой литературе нередко основана преимущественно на внешнем виде памятников и прежде всего на архитектурном декоре. Однако при всем значении декора в памятниках рассматриваемого периода главным является объемно-пространственная основа сооружения. Именно поэтому выявление главенствующих типов сооружений лучше всего способствует определению национальных особенностей украинской архитектуры. Национальная архитектурно-строительная специфика проявилась также в композиционных приемах расположения зданий на улицах, площадях, в кварталах населенных пунктов. Всякая попытка обрисовать развитие украинского зодчества без учета ансамблевого строительства будет неполной. Эта область в истории украинской архитектуры еще совсем не изучена, в нашем распоряжении нет ни одного серьезного и сколько-нибудь полного труда, посвященного истории зарождения и развития городских поселений на Украине в эпоху освободительной борьбы и формирования украинской нации.

Выдвигая в центр настоящего исследования проблемы ансамблевого строительства и объемно-пространственный принцип архитектурного построения, автор считает необходимым отметить, что эти вопросы не получают в данном труде исчерпывающего освещения. На многие из поставленных вопросов можно дать лишь приближенный ответ. Причины, обусловившие некоторую неполноту исследования, связаны с тем, что в годы Великой Отечественной войны разрушен ряд ценнейших памятников национальной архитектуры, ранее не изученных, а также утрачены некоторые архивные материалы по истории украинской архитектуры.

Изучая данный период истории украинской архитектуры автор уделит главное внимание вовсе неизвестным или малоизвестным и незаслуженно забытым памятникам. В этом, а не в создании всеобъемлющего труда по истории зодчества Левобережной и Поднепровской Украины видел он свою основную задачу.

Значительный интерес для исследования украинской архитектуры представляет малоизвестный строительный трактат, изданный в Польше

в 1659 г.¹. Изложенный в духе трудов по архитектуре в период итальянского Возрождения, этот любопытный трактат содержит много рекомендаций по строительству местного характера. Если учесть, что власть польской шляхты в XVII в. распространялась не только на Правобережье, но временами и на значительные районы Левобережной Украины, то можно допустить, что этот труд был здесь известен и оказывал в какой-то мере влияние на способы строительства и характер архитектуры. Автор дает строителям и заказчикам чисто практические указания — как выбирать место для строительства, готовить строительный материал, делать фундаменты, стены, лестницы, окна, кровли и т. д.

Применительно к местным условиям в этом сочинении содержатся замечания такого характера: «... в Италии, где жарко, стараются, чтобы в доме было холодно, а в Польше, где зимой холодно, чтобы в доме было тепло... Там, где тесно в городах, дома высокие. В Польше, где владения большие... нужен простор». Далее дается любопытное сопоставление итальянских и местных приемов планировки: «... итальянские архитекторы делают анфиладное размещение комнат, но этот прием для нас мало подходит, ибо гуляет ветер и нет интимности». Как увидим ниже, безанфиладная планировка действительно преобладала в архитектуре Украины того времени. Автор трактата выражает явное предпочтение домам одноэтажным, а не многоэтажным: «Дворец на один этаж лучше со всех точек зрения и более уютный, и легче делать, и лестниц не нужно». Эти замечания прямо соответствуют планировке дворов и хуторов казацких старшин, характеру украинских населенных мест вообще.

Из дореволюционных изданий выделяется «История русского искусства» под редакцией И. Э. Грабаря, где подведены итоги работ Павлинова, Никольского, Новицкого, Сулова и других исследователей, уделявших известное внимание также и украинской архитектуре.

Главы, написанные Г. Павлуцким, содержат ценный по тому времени фактический материал. Однако Павлуцкий представил одностороннюю картину развития украинского зодчества этого периода как простое заимствование западноевропейских барочных архитектурных форм. Кроме того, многие весьма известные архитектурные памятники здесь даже не названы.

В целом можно сказать, что, за немногим исключением, большинство дореволюционных работ носит характер скорее просветительно-популяризаторский, чем профессиональный (работы Лукомского, Шамурина, Шумицкого и др.).

¹ Krotka nauka budownicza Dworów, Pałaców, Zamków podług Nieba i Zwyczaju Polskiego. Krakow, 1659. Впервые опубликована в России в сборнике «Pamiętnik Sztuk Pienknych», z. I, Warszawa, 1850. С подробными комментариями книга переиздана в Польше в 1957 г.

В первые послереволюционные годы количество публикаций по истории украинской архитектуры возросло, но по своей направленности и методологии эти работы мало отличались от предшествующих. Единственной в своем роде была монография С. Таранушенко о Покровском соборе в Харькове (1923 г.), которая и сейчас может являться образцом научной полноты исследования.

В предвоенные годы на страницах журнала «Архітектура Радянської України» появились статьи Холостенко, Симикина, Безсонова и др., содержащие новый фактический материал. Однако до образования Академии архитектуры Украинской ССР в 1946 г., изучение памятников украинского зодчества велось все же в незначительной мере. Планомерное изучение истории украинского зодчества по существу началось с образования научно-исследовательского института теории и истории украинской архитектуры, который в 1957 г. подвел итог своей деятельности изданием первого тома «Очерков истории архитектуры Украинской ССР».

Как по методологии, так и по полноте представленного материала, это издание намного превосходит все то, что публиковалось ранее. Однако многие важные памятники Левобережья все еще не были изучены и здесь даже не упомянуты.

Следует особо сказать о работах, изданных за рубежом. Их авторы — как правило, лица, эмигрировавшие из Украины после Октябрьской революции. Наиболее отчетливо направленность этих работ выражена в книге Д. Антоновича «Скороченный курс українського мистецтва», вышедший в Праге в середине 20-х годов.

Антонович отрицает национальную самобытность украинской архитектуры. По его утверждению, Украина лишь с запозданием воспроизводила европейские архитектурные стили — готику, ренессанс, барокко, рококо и т. д. Вопреки очевидным фактам, автор отрицает какую бы то ни было связь украинского зодчества с русским. Столь же бездоказательно Антонович утверждает, что наиболее значительные памятники созданы на Украине немецкими и итальянскими зодчими.

Аналогичные утверждения изложены Антоновичем и в другой его книге, посвященной немецкому влиянию на украинское искусство. Откровенная предвзятость, упрощенное представление о западных влияниях, как единственной движущей силе развития украинского искусства и зодчества, по существу ставят эту книгу вне науки¹.

Следует добавить, что все зарубежные работы рассматривают украинскую архитектуру только как разновидность пластического искусства. В них отсутствуют сведения о градостроительстве, принципах планировки, способах возведения зданий и т. д.

¹ Antonowytsh D. «Deutsche Einflüsse auf die Ukrainische Kunst». Leipzig, 1942.

Таким образом, до 30—40-х годов систематической научной разработки вопросов истории украинской архитектуры в сущности не было. Авторы обычно оперировали весьма ограниченными фактическими данными, а их концепция во многих случаях отличалась ограниченностью и предвзятостью. В особенности недооценивались народные истоки и традиции украинского зодчества, а также влияние русской архитектуры. Только в последнее время появились работы, отчасти восполняющие этот пробел. Однако полного освещения истории архитектуры Левобережной и Поднепровской Украины мы до сих пор не имеем.

Настоящая работа написана по материалам, значительная часть которых собрана автором за годы его работы в Институте теории и истории архитектуры и строительной техники АСИА УССР в 1951—1960 гг. (в настоящее время киевский Научно-исследовательский институт теории, истории и перспективных проблем советской архитектуры Госкомитета гражданского строительства и архитектуры при Госстрое СССР). Научным консультантом данной работы был академик Игорь Эммануилович Грабарь.

Автор выражает сердечную благодарность научным организациям и лицам, оказавшим ему помощь представлением необходимого материала: киевскому Научно-исследовательскому институту истории, теории и перспективных проблем архитектуры, Центральным республиканским научно-реставрационным мастерским, отделу архитектурно-строительного контроля Госстроя УССР, Государственному Софийскому заповеднику в Киеве; искусствоведам С. Таранушенко и П. Мусяенко, консультировавшим автора по ряду вопросов и представившим некоторые материалы; архитекторам Ю. Асееву, Г. Гикало, Г. Логвину, Е. Ляпуновой, Ю. Нельговскому и А. Сухоруковой, помогавшим автору в обмерных работах на местах, а также архитекторам И. Ткачикову и К. Лопяло, принявшим на себя труд изготовления ряда чертежей.

■

ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ АРХИТЕКТУРЫ НА ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ И ПОДНЕПРОВСКОЙ УКРАИНЕ В XVII—XVIII вв.

Основой материальной и общественной жизни Украины в XVII—XVIII вв. являлся феодальный строй, натуральное хозяйство.

Развитие культуры, искусства и архитектуры в этот период протекало в условиях ожесточенной вооруженной борьбы украинского народа против национального и социального гнета польско-литовской шляхты и местных феодалов. К тому же народ вел вековую жестокую борьбу с татаро-турецкими захватчиками.

В тяжелых исторических обстоятельствах предшествующего периода (XVI — начало XVII в.) каменное строительство на Украине велось в незначительной мере и носило специфический оборонный характер. Ввиду постоянной угрозы со стороны татар и турок здесь была большая подвижность населения, и населенные пункты носили преимущественно сельский характер.

На Правобережье строились в основном замки польской шляхты, укрепленные города, а также культовые здания католической и униатской церкви. В коварных замыслах порабощения украинского народа католицизму отводилась не последняя роль. Разумеется, на Правобережье одновременно с этим существовали и развивались местные, национальные архитектурно-строительные традиции. Даже в расположенном далеко на западе Львове уже в XVI в. велось строительство в традиционно украинских архитектурных формах (церковь Успения). Знаменитая Сутковецкая церковь на Подоліи (XV — XVI вв.), по всей видимости, послужила прообразом весьма распространенных на Левобережье тетраконховых церквей. Общие для всей Украины строительные традиции несомненны.

Распространению архитектурно-строительных традиций с западных районов Украины на восточные особенно способствовало массовое переселение народа с Правобережья на Левобережье во второй половине XVII в. Спасаясь от притеснений польской шляхты после разорения Чигирина турками, в 1678 г. на Левобережье переселялись все, кто мог, причем не только с движимым, но и с недвижимым имуществом: даже деревянные церкви были разобраны и на возах переправлены за Днепр. По Андрусовскому договору между Россией и Польшей 1667 г. на всем Правобережье, за исключением Киева, восстанавливались права польской шляхты. В целях предотвращения столкновений между поляками и русско-украинскими войсками и населением вдоль границы была установлена особая безлюдная полоса, а все жители переселены на левый берег Днепра. Тогда-то на Левобережье были основаны города Ахтырка, Сумы и многие другие населенные пункты.

К середине XVIII в., когда власть польской шляхты на Правобережье фактически сошла на нет, произошел частичный обратный отлив населения с Левобережья на Правобережье. Таким образом, эта своеобразная диффузия населения способствовала взаимопроникновению и развитию общенациональных архитектурно-строительных приемов.

К первой половине XVII в. на Поднепровье и Левобережье происходят большие изменения экономического, политического и культурного характера. Они совершаются под знаком всенародной, освободительной борьбы с национальным и социальным гнетом. Кульминационным периодом этой борьбы, возглавленной Богданом Хмельницким, была середина XVII в.

Польско-литовские магнаты, а позже украинские старшины строили крепости и укрепленные замки-резиденции, опасаясь не только внешних врагов, но и подневольного народа. Они стремились к росту городов, так как сосредоточение населения в городах было выгодно в экономическом отношении; многие города были личной собственностью феодалов и монастырей. Горожане организовывались в цехи, что способствовало специализации труда в различных отраслях, в том числе и в строительной, и тем самым стимулировало рост строительного производства.

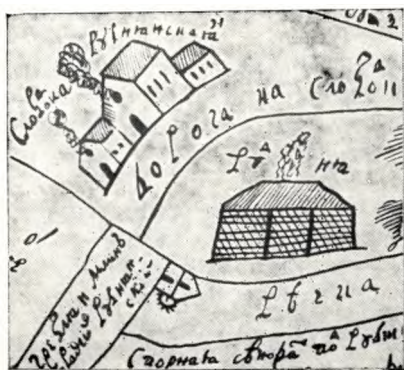
Другая часть населения, спасаясь от зверской эксплуатации и национального гнета, уходила в малонаселенные и пустующие южные и юго-восточные районы, и там возникали поселения совсем иного типа. Так создавалось украинское казачество. Его центром была знаменитая Запорожская Сечь, в разное время размещавшаяся в различных местах на нижнем течении Днепра. «В южной Руси заложилось славное Запорожье и дух казачества разлился по всей Украине», — писал Карл Маркс¹.

В нашу задачу не входит выяснение социально-политической и экономической роли казачества. Но его дух не мог не сказаться на развитии ар-

¹ К. Маркс. Стенька Разин. «Молодая Гвардия», 1926, № 1, стр. 107.



Глухов в середині XVIII в. Рисунок — реконструкція Г. Логвина



Гути и рудни в селе Деменки на Черниговщине. Из плана 1732 г.



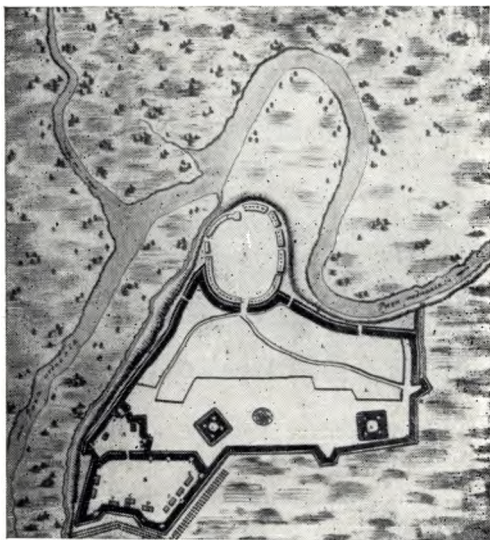
хитектурно-строительной деятельности, особенно на способах расселения. Напомним, что со времен Хмельницкого и до введения в 1782 г. общерусского административного деления Левобережная Украина по казачьему образцу была разделена на полки и сотни, что прямо соответствовало военной организации Запорожской Сечи. Это деление определяло численность городов и в какой-то мере их характер, облик и структуру.

Возникновение на Украине особых организаций — братств, ставших очагами патриотического движения, сыграло большую роль в деле культурно-просветительного воспитания народа. В ремесленных цехах, связанных с братствами, воспитывались такие специалисты, как каменщики, художники, чеканщики, графики и др.

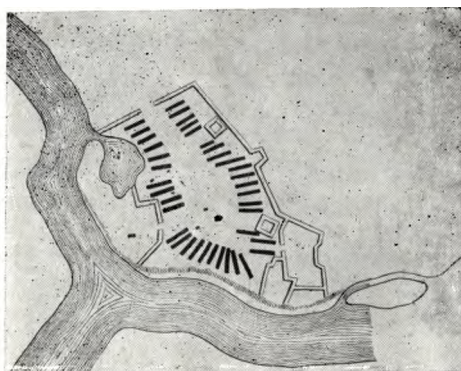
Во всенародном культурном движении на Украине огромную роль сыграла знаменитая Киевская академия, которая была одним из самых известных и древних высших учебных заведений в славянских странах Восточной Европы. В начале XVIII в. здесь одновременно обучалось от 1 000 до 2 000 «спудеев» (студентов), в том числе из многих стран. В 1701 г. русское правительство признало академию общеобразовательной. Здесь воспитывалось много выдающихся деятелей русской и украинской культуры: Григорий Сковорода, художники Левицкие (отец и сын), братья Григоровичи-Барские, граверы Щирский и Мигура, композиторы Бортнянский и Березовский и многие другие.

Некоторое время здесь учился Ломоносов. Почти весь казацко-запорожский генералитет получал образование в Киевской академии.

Разумеется, и в ту пору, когда Киевская академия была общим высшим учебным заведением, основное место занимали в ней религиозные дисциплины. Но сравнительно большое внимание уделялось преподаванию светских наук — философии, математики, географии, астрономии, а также архитектуры. До середины XVIII в. архитектура была составной частью курса математических наук, а впоследствии выделилась в самостоятельный предмет. С 1768 г. преподавание архитектуры было введено также в Харьковском коллегиуме.



План новой Запорожской Сечи, 1774 г.



*Расположение куреней в старой
Запорожской Сечи (нач. XVIII в.)*

В развитии архитектурных знаний на Украине большую роль сыграло также граверное и типографское дело.

Европейские идеи в различных областях культуры проникли на Украину в XVII в. посредством завозимых сюда различных изданий из Венеции, Германии, Голландии, Чехии, Польши и других стран. Западноевропейские издания по вопросам архитектуры, живописи и граверного искусства получили местное название «кужбушки» (от нем. Kunstbuch).

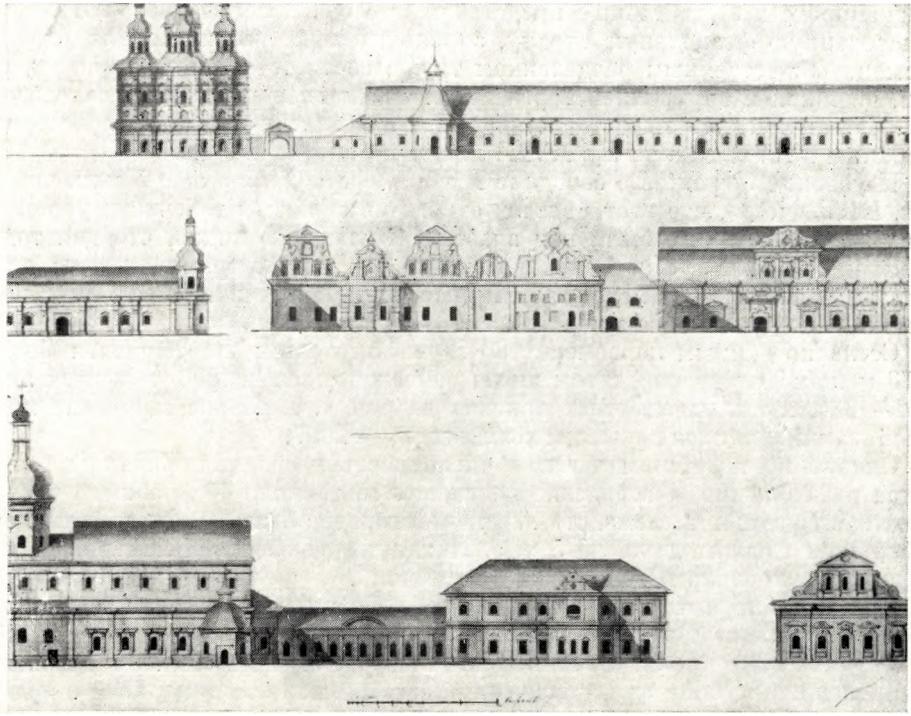
Местное граверное искусство в XVII в. достигает на Украине ис-

ключительного расцвета. Его центрами были Киев, Львов, Острог, Чернигов, Новгород-Северск и другие города. Высокоразвитое типографское дело на основе местных традиций осваивало и перерабатывало западноевропейские изобразительные мотивы. Большую роль в украинской графике XVII—XVIII вв. играли архитектурно-декоративные мотивы, что также являлось способом популяризации архитектурных форм («Патерик», 1661 г., «Акафист», 1693 г., «Апостол», 1693 г., «Анфологион», 1678 г., и др.). На Приднепровье и Левобережье особенно славились духовные и светские издания Киево-Печерской, Черниговской и Новгород-Северской типографий.

В горниле социальной и национальной борьбы складывалось и закалялось национальное самосознание украинского народа; в его культурное развитие, во все сферы искусства вливались живительные силы. Возникали и ширились соответствующие учреждения, что требовало возведения специальных зданий. Монастыри, которые по условиям того времени были центрами просвещения и письменности, включают в свои ансамбли множество разнообразных зданий гражданского и воспитательного значения — бурсы, коллегииумы, школы, «шпитали», «сиропитательные» дома и т. д.

К середине XVII в. обособленность хозяйственной жизни постепенно отходит в прошлое, растет торговля и товарно-денежное обращение, усиливается специализация труда, постепенно развивается мануфактурное производство. В руках феодалов накапливаются огромные богатства, что создает благоприятные условия для развития монументального строительства.

Следует указать на одно заблуждение, которое довольно долго бытова-



Здания Киево-Печерской лавры (XVII—XVIII вв.). Чертеж А. Меленского (нач. XIX в.)

верхний ряд — церковь на Экономических воротах, кельи; средний ряд — больничная церковь, книжный магазин и книжная лавка (Ковнировский корпус), типография; нижний ряд — трапезная, на стоятельные кельи, наместнические кельи

ло в украинской историографии. Буржуазная историография большей частью изображала Украину даже середины XVII в., особенно ее Левобережье, как страну крайне отсталую в экономическом отношении и к тому же малонаселенную, пустынную. Из этого следовала «теория» о якобы благотворной цивилизаторской польско-литовской миссии в украинских землях (так называемая «культура польского плуга»). Советские историки доказали, что дело обстояло далеко не так.

Исторический процесс протекал на Левобережье таким образом, что лишь на рубеже XVII — XVIII вв. здесь создаются условия для резкого скачка в развитии производительных сил. Однако уже в середине XVII в.

Поднепровье и Левобережье представляют собой довольно большую, густонаселенную феодальную страну, со значительно развитым для своего времени общественным разделением труда, соответствующим производством, внешней и внутренней торговлей и значительным количеством городов. Романтические представления о безбрежных пустынных просторах Украины в XVII в., а то и в XVIII в. сильно преувеличены.

Население Украины в середине XVII в. составляло около 5 млн. человек. Если учесть, что этот подсчет относится только к той части украинских земель, которые были под властью Польши, то видно, что для того времени это была густонаселенная страна¹. В тех же границах в городах Украины жило по одним подсчетам около 20% населения, т. е. 1 млн. человек², а по другим — около 24%, т. е. 1200 тыс. человек³.

Согласно данным переписи 1666 г.⁴ в 36 городах Левобережья было 9976 мещанских дворов, в том числе ремесленников — 2528, торговых людей — 824, и так называемых панских дворов, т. е. дворов городских жителей, занимающихся сельским хозяйством, — 2667.

Однако по новейшим данным численность населения Украины была в два раза больше, а городское население составляло 40% общего числа жителей. Средняя численность населения городов была 2—4 тыс. человек, в больших городах даже до 5 тыс. Накануне освободительной войны на Украине было около 1000 городов и местечек⁵.

Чрезвычайно интересные сведения об Украинских городах середины XVII в. приводит турецкий путешественник Эвлия Челеби, побывавший на Украине в это время. Он пишет, что в городе Лубнах «имеется арсенал, великолепные пушки, за городскими воротами стоит семь церквей с колоколами. Трое ворот, шесть бастионов и башен ее — прочные, а рвы глубокие. Внутри крепости насчитывается четыре тысячи домов, крытых тесом, с верхними этажами. В общей сложности в крепости тысяча лавок». О городе Черкассы Челеби пишет, что это многолюдный город, в котором «около тысячи крытых тесом домов»⁶.

К середине XVII в. вопрос стоял так: либо украинский народ погибнет в тяжелой и неравной борьбе, либо должен мобилизовать до предела на-

¹ Баранович А. Украина накануне освободительной войны середины XVII в. М., 1959, стр. 133.

² Кафенгауз Б. Экономические связи Украины и России в конце XVII — начале XVIII в. В сб.: «Воссоединение Украины с Россией. 1654—1954». М. 1954, стр. 422.

³ Баранович А. Там же, стр. 139.

⁴ Романовский В. Развитие городов Левобережной Украины после воссоединения Украины с Россией. В сб.: «Воссоединение Украины с Россией 1654—1954». М., 1954, стр. 407.

⁵ К о м п а н О. Міста України в другій половині XVII ст. Київ, 1963, стр. 57, 71, 347.

⁶ Э в л и я Ч е л е б и, Книга путешествия, М., 1961, стр. 80—81.

циональные силы и в союзе с единокровным русским народом отстоять свое существование. В области идеологической для успеха этой борьбы нужны были разнообразные средства, ведущие к повышению национальной культуры и просвещения. Поэтому усиленно строятся культовые комплексы — монастыри, куда входило множество разнообразных, в том числе воспитательных и учебных зданий.

По свидетельству современников, на Украине тогда было много грамотных даже среди бедного люда, что для того времени необычно. В этом отношении интересным свидетельством являются записки известного путешественника середины XVII в. Павла Алеппского, который говорит, что все взрослое население «страны казаков» (как он неизменно называет Украину) было в ту пору грамотным.

В условиях возрастающей борьбы украинского народа против феодального гнета и национального порабощения общественно-политическая и философская мысль в передовых кругах того времени постепенно начинает развивать некоторые элементы материалистических воззрений.

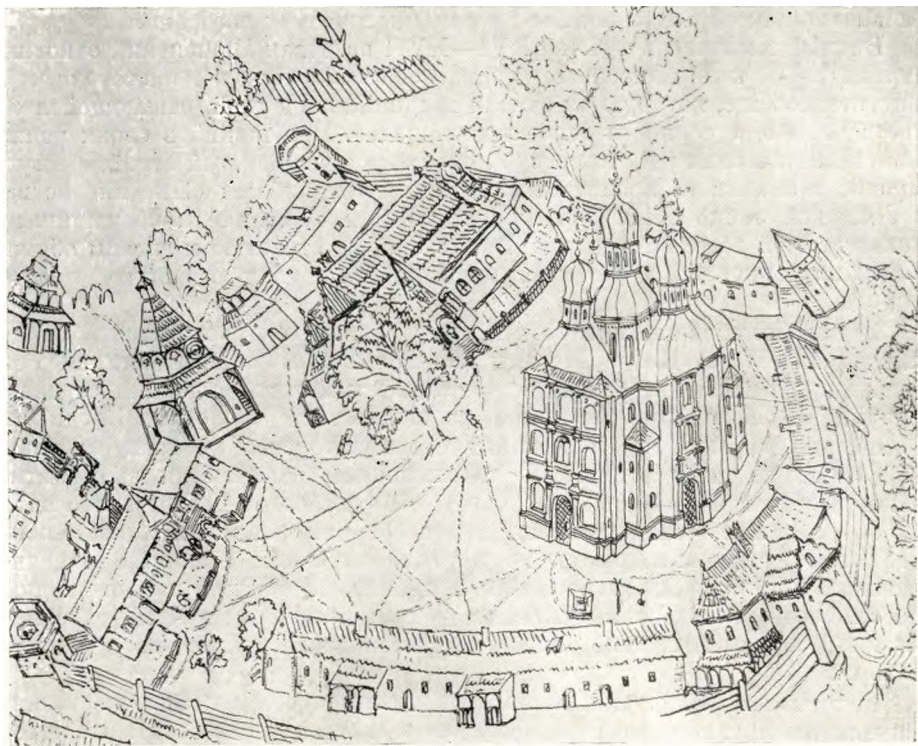
Видный мыслитель рубежа XVI—XVII вв. Иван Вишенский относился отрицательно к идеалистической философии Платона и Аристотеля, к софистике вообще, которую он считал вредной лженаукой, пытающейся «белое в черное, а черное в белое превращать». Вишенский в своих религиозно-полемических работах резко критиковал феодальный строй, выступал против социального неравенства. В таких трудах, как «Писание ко всем в Ляшской земле совместно живущим» или «Писание к убежавшим от православной веры епископам», Вишенский со страстью и гневом обрушивался на церковных и светских магнатов, выступая в защиту простого народа.

В подобных же полемических трудах видных просветителей XVII—начала XVIII в.: Петра Могилы, Лазаря Барановича, Иоаникия Голятовского, Иннокентия Гизеля и др. также заметны тенденции отделения разума от веры, прогрессивной философии от теологии. Среди этой обличительной полемической и антиполонизаторской литературы особенной страстью и поэтическим вдохновением отличаются знаменитый «Плач» Мелетия Смотрицкого (1610), «Пересторога» неизвестного автора (1606), а также «Палинодия или книга обороны» Захария Копыстенского (1622). Эти работы написаны не мертвой латынью, а живым народным языком, с привлечением пословиц и присказок, образов народных дум и песен. Они преследовали одну цель — противостоять агрессии католицизма и полонизации вообще, будить патриотическое чувство народа, призывать к борьбе.

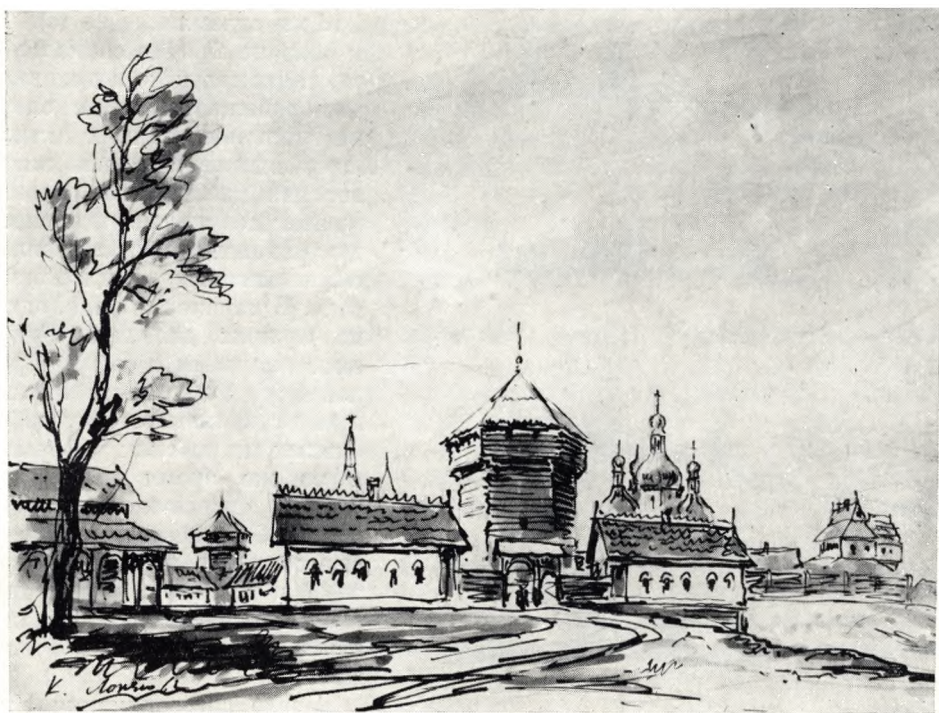
Религиозные по форме, но наполненные прогрессивным общественным содержанием, такого рода философские и литературные воззрения находили свое развитие и воплощение в разнообразных видах искусства. В сфере монументальных художественных образов эта тенденция проявилась в

культовом зодчестве, которое именно по этим причинам становилось повсеместным. В культовом зодчестве все более намечается отход от великокняжеских традиций, вырабатываются новые типы, формы и образы, соответствующие духу времени, тем более что фундаторами и покровителями церковного строительства являются не только духовные лица, а главным образом видные деятели освободительного движения в лице казацкой верхушки.

Вплоть до середины XVII в., т. е. до той поры, когда национально-освободительная борьба достигла своей кульминации, происходит своеобразное соревнование двух противоборствующих сил. Польская шляхта пытается с помощью католицизма распространить свое влияние на массы и продвинуться как можно дальше на восток. Иезуитский, доминиканский и францисканский орден устраивают свои кляштры и коллегииумы не толь-



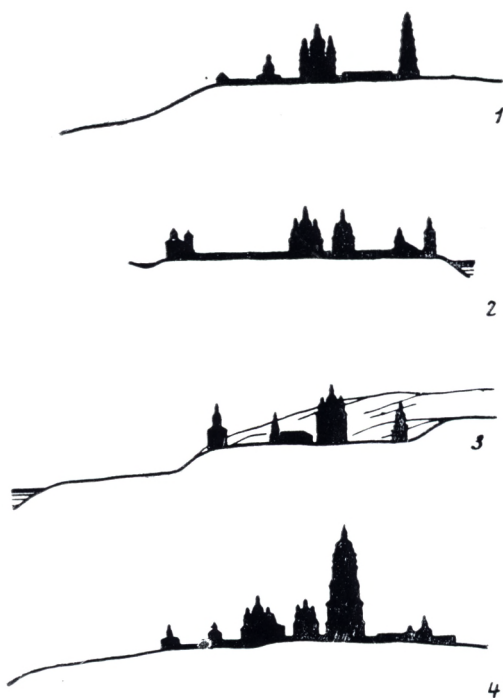
Крутицко-Батуринский монастырь (XVII—XVIII вв.). Фрагмент рисунка (XVIII в.)



Крупницко-Батури́нский монастырь. Вид с северной стороны. Рисунок — реконструкция К. Лопяло

ко на Правобережье, но и далеко на Левобережье — в Чернигове, Переяславе и даже Новгород-Северске. В противовес этому далеко на Западе, во Львове — не говоря о Поднепровье — в братских школах уже в XVI в. преподается родной украинский язык. Это был определенный культурный и политический вызов, контрмера против ополячивания. Тот же идейный смысл лежит в основе огромных и дорогостоящих работ по реставрации древних православных храмов в Киеве, которые в первой половине XVII в. осуществлял Петр Могила.

В передовых кругах особое внимание уделяется просветительству и развитию издательской деятельности. В 1570—1583 гг. русский первопечатник Иван Федоров живет и работает на Украине, а в издании украинских книг принимает активное участие другой видный печатник того времени белорус Скорина.



*Расположение ансамблей на рельефе. Схемы.
М 1:5000*

1 — Троицкий монастырь в Чернигове; 2 — Густынский монастырь; 3 — Выдубецкий монастырь; 4 — Киево-Печерская лавра

Это же стремление не только к обороне против социального, национального и духовного порабощения, но и к контрастному наступлению, т. е. к активному вытеснению колонизаторских тенденций, можно проследить и в последующие десятилетия в области философии, литературы и в искусстве. В начале XVIII в. один из видных деятелей Киевской академии Феофан Прокопович становится активным сторонником прогрессивных петровских реформ и в то же время выступает против схоластических суеверий. Он защищал передовые научные теории Коперника и Галилея, утверждая тем самым светское начало в жизни, что было особенно важно.

После воссоединения Украины с Россией бурный культурный подъем находит свое выражение, в частности, в росте количества школ. Так, на Левобережье в середине XVIII в. было около 1 000 школ. Учитывая чис-

ленность населения того времени, такое количество школ было очень значительным.

Осмысление родной истории также способствовало росту общественного самосознания и выразилось в распространении так называемого казачьего летописания в начале XVIII в. Главным образом это работы, посвященные освободительным войнам Хмельницкого, написанные Самовидцем (1702); Грабянкой (1710); Самойлом Величко (1720), и ряд других. Эта тенденция проявилась и в народном эпосе. В знаменитых украинских думах с большой художественной силой воспеты преданность родине, храбрость, свободолюбие и трудолюбие («Невольник», «Казак Голота», «Маруся Богуславка» и др.).

Общую для всех видов украинского искусства линию развития гуманизма и народности можно проследить в области живописи, художественной резьбы и других видах народного творчества. Еще в XV—XVI вв. русские, украинские и белорусские мастера расписывали светские и культовые здания в польских землях Сандомирской, Краковской и Любельской областей. Это говорит о тесных контактах и высоком уровне живописного мастерства трех братских народов в ту пору. Реалистические элементы можно проследить в таких композициях, как, например, росписи замка в Олесько Львовской области (XVII в.), росписях Благовещенского собора в Нежине, Троицкой надвратной церкви Киево-Печерской лавры (XVIII в.).

В XVII—XVIII вв. святые на иконах часто представлены в украинских национальных одеждах, причем в религиозных композициях нередко изображаются известные деятели освободительного движения и прежде всего почитаемый народом Богдан Хмельницкий. Этот же реализм и особое предпочтение местных сюжетов весьма распространены в гравюре, что видно на примере изображения гетмана Сагайдачного, штурма казаками турецкой крепости и города Кафы, частого изображения Киево-Печерской лавры и т. д.

В этот период продолжают развиваться и расцветают народные художественные ремесла, что связано с деятельностью целого ряда соответствующих цехов — иконописного, ювелирного, ткацкого, «людвисарского» (литейного), гончарного и др. Стремление к реалистическому изображению образов и форм, навеянных природой и взятых из жизни, красочность, нарядность, сочетание ярких тонов, любовь к сочному богатому орнаменту и рисунку — характерные черты народного декоративного искусства. Эти черты можно проследить уже в декоративном оформлении знаменитого Пересопницкого Евангелия XVI в. Эти же черты в специфическом преломлении нашли свое выражение и в архитектурных формах, в сочных изгибах украинских «бань» и пышном убранстве зданий.

Традиции народной художественной резьбы, богатого орнаментального убранства предметов обихода, оружия и т. д. проявились в таком виде искусства, как резьба иконостасов. В XVII—XVIII вв. украинские народные мастера создали подлинные шедевры, например иконостасы Софийского и Выдубецкого соборов в Киеве, церкви в Сорочинцах и др.

От плоскостности византийского иконописания ко все большей экспрессии, жизненности, народности — таков путь развития изобразительного и декоративного искусства Украины в XVII—XVIII вв.

Народные черты нашли свое выражение, в частности, в распространении парсунной (портретной) живописи, а также в таком чисто национальном явлении, как тип художника-стихотворца, прославлявшего средствами живописи и стихами знаменательные даты, народных героев и т. п. В народном обиходе широко использовались излюбленные сюжеты «казака-

бандуриста» и «казака Мамая». Расписывались и украшались нравственно-поучительными надписями стены, потолки и двери зданий, а также различные предметы домашнего обихода и даже пчелиные улья. В художественном восприятии мира большую роль играла музыка, также наделенная чертами высокой гражданственности. В репертуар знаменитых украинских народных певцов-бандуристов, как правило, входили «Думы» о наиболее ярких событиях освободительной борьбы, а также шуточные, лирические и бытовые песни. Занятие музыкой было настолько любимым в народе, что в ряде городов — Киеве, Львове и др. — существовали цеховые организации музыкантов, а в Глухове в XVIII в. существовала специальная музыкальная школа. Не случайно при царском дворе в XVIII в. было много украинских музыкантов и певцов.

С музыкальной деятельностью связан и такой излюбленный вид художественного творчества, как театр, имеющий на Украине давние традиции. С первой половины XVII в. получают распространение театральные представления в школах и в Киево-Могилянской коллегии. Наряду с религиозно-назидательной темой эти действия проникнуты также социально-сатирическими элементами. В них высмеиваются паны и шляхта, прославляется освободительная борьба, как, например, в трагедии «Милость божия».



*Типы укреплений украинских городов Левобережья в первой половине XVII в.
(по Боплану)*

верхний ряд — Кобыляки, Кременчуг, Голтва, Полтава, Хорол, Лукомля; средний ряд — Лубны, Миргород, Лютенки, Зиньков, Гадяч, Ромны; нижний ряд — Ичня, Лохвица, Моковчин, Борзна, Батурин, Конотоп



Фрагмент заглавного листа «Анфологиона», изданного в 1678 г. в Новгород-Северске с изображением зданий Спасского монастыря

В репертуаре народных кукольных театров, так называемых вертепах, нередко антикрепостнические мотивы.

Уже в начале XVIII в. в трактате Феофана Прокоповича «Об искусстве поэзии» была изложена теория сценического искусства того времени.

Большая популярность музыкальной культуры и театра на Украине в XVII—XVIII вв. имеет прямое отношение к устройству и декоративному убранству интерьера культовых зданий — ярусное построение, удобное для размещения молящихся и певчих, композиция алтарной преграды, характер декора и т. д. Напомним, что еще в XI—XII вв. по акустическим соображениям в верхних частях зданий устраивались голосники, т. е. особые резонаторы в виде вмурованных в кладку глиняных сосудов.



Таким образом, главные общественные усилия в XVII—XVIII вв. нацелены на процессы формирования украинской нации в самом широком и всеобъемлющем значении этого понятия. Эти процессы, а также развитие производительных сил повлекли за собой рост строительства и его техническое совершенствование.

Нарядность и богатство орнамента, яркие тона, реализм художествен-



Фрагмент карты Антона Вида (XVI в.). Показаны города: Киев, Чернигов, Новгород-Северск, Стародуб, Почеп, Радогость, Гомель, Кричев

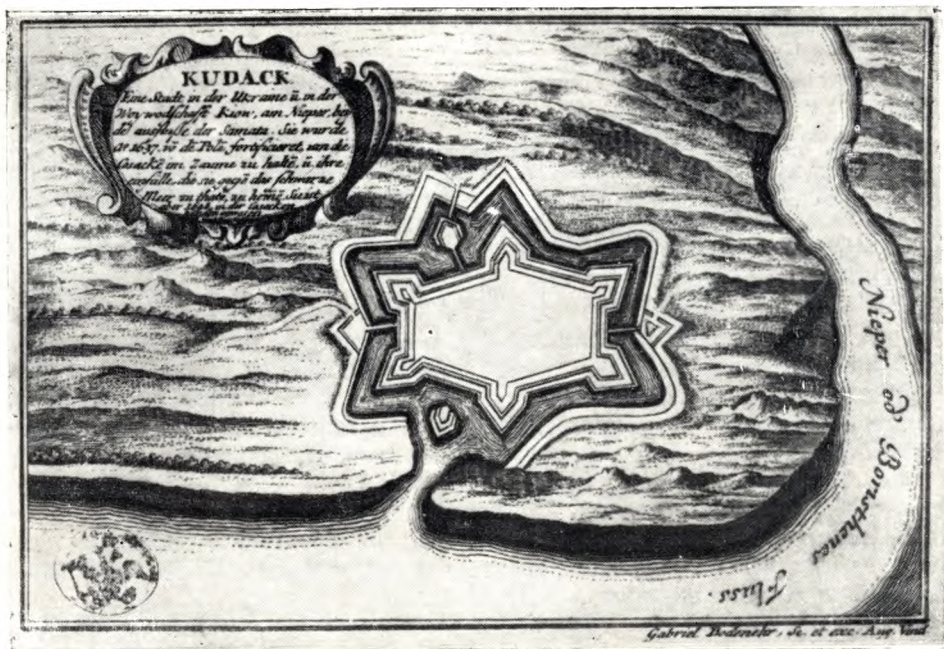
ного восприятия — все эти черты, характерные для 'украинского' пластического и изобразительного искусства в целом, находят свое отражение в архитектуре, в четкой ясности центральных зданий, отличающихся изысканностью линий и богатством пластики.

В первой трети XVIII в. наряду с развитием экономики, ростом производства и торговых связей происходит дальнейшее классовое расслоение общества. Казацкие верхи постепенно порывают с народной основой; в пределах российской империи усиливается регламентация художественных вкусов. Возрастает значение строительства светских и различного рода специальных зданий, вырабатываются новые типы сооружений, вводится специальное архитек-

турное образование. Местные традиции монументального зодчества обогащаются и в какой-то мере синтезируются с западноевропейскими и русскими архитектурными приемами.

Основными заказчиками монументального строительства на Левобережье были украинские феодалы в лице казачьей верхушки — гетманов, так называемой генеральной старшины, а также полковников, сотников и т. д. Большое строительство осуществлялось крупным духовенством.

Классовый характер общественных взаимоотношений между казачьей верхушкой, простым казачеством и городским людом очевиден. Но надо помнить и о том, что в этих взаимоотношениях, естественно, не было на-



Крепость Кодак на Днепре (1637 г.). Чертеж XVII в.

ционального гнета, а гнет религиозный носил менее ожесточенный характер, чем на захваченном шляхтой Правобережье. Казацкую верхушку и народ до поры до времени объединяла единая цель борьбы против польской шляхты. Поэтому на Левобережье национальные традиции в монументальном строительстве проявлялись в неизмеримо большей степени.

Различие исторических условий, сказавшихся на развитии культуры и искусства Левобережной и Правобережной Украины, с большой силой подчеркнуто в одной из работ Т. Г. Шевченко. В написанной по-русски повести «Прогулка с удовольствием и не без морали» великий поэт-революционер писал:

«... Что же говорят пытливому потомку эти частые темные могилы на берегах Днепра и грандиозные руины дворцов и замков на берегах Днестра? Они говорят о рабстве и свободе. Бедные малосильные Волынь и Подолия! Они охраняли своих распинателей в неприступных замках и роскошных палатах... А моя прекрасная, могучая, вольнолюбивая Украина туго начиняла своим вольным и вражьем трупом неисчислимые огромные курганы. Она своей славы на поталу не давала, врага деспота под ноги топтала и свободная, нерастленная — умирала. Вот что значат могилы и руины» (Шевченко Т. Повна збірка творів. т. II, стр. 553. Київ, 1949).

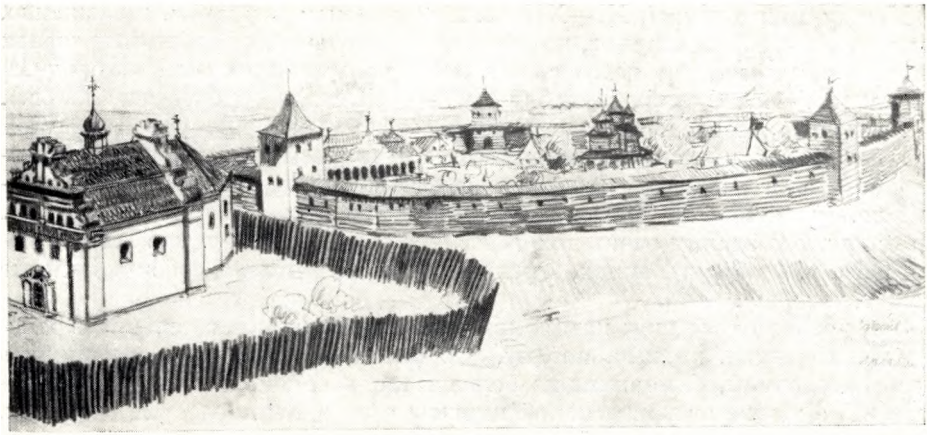
Казачество в определенную пору было важнейшей движущей силой. Его верхушка покровительствовала монументальному, главным образом культовому, строительству на всем Левобережье и Поднепровье.

Все гетманы, начиная с Хмельницкого и кончая Апостолом, были фундаторами и покровителями ныне несуществующего Гадячского монастыря; Хмельницкий числился его почетным ктитorem. Гетман Самойлович был фундатором Густынского, Мгарского и Полтавского Крестовоздвиженского монастырей; Стародубский полковник Миклашевский «своим коштом» строил Георгиевский собор Выдубецкого монастыря и три церкви в Стародубе — Михайловскую, Николаевскую и Преображенскую. С именем Черниговского полковника Якова Лизогуба связан ряд известных памятников — знаменитая, так называемая полковая канцелярия и церковь Екатерины в Чернигове, придел в соборе Черниговского Елецкого монастыря, церковь и каменница в Седневе. Рыхловский монастырь был фамильным монастырем гетмана Многогрешного. Михайловскую церковь в Переяславе строил полковник Лобода; Прилукский собор — полковник Галаган; церковь в Сорочинцах — гетман Апостол, в Лютенках — полковник Борохович. Гамалеевский монастырь, а также церковь Предтечи в Стародубе были построены гетманом Скоропадским; генеральный хорунжий Гамалея в этом монастыре построил церковь.

При участии Мазепы строилось и реставрировалось много памятников в Киеве и Чернигове. Полковник Сулима построил хорошо сохранившуюся церковь первой половины XVII в. в селе Сулимовке. При Богдане Хмельницком фактической столицей Украины был город Чигирин и родовое имение Хмельницкого около него — Субботов. Культовое, оборонное и дворцовое строительство в этих местах целиком определялось заботами гетмана. Наконец Межигорский монастырь под Киевом был постоянным приписным монастырем войска Запорожского; на его содержание Запорожская сечь не жалела средств. В особом почете у запорожских казаков были также Братский и Никольский монастыри в Киеве.

Естественно, что фундаторы и другие заказчики и меценаты из казацкой верхушки оказывали влияние на состояние строительства, его объем, типы зданий, а в известной мере и на стилистические особенности архитектуры, поскольку по их заказу и на их средства возводилось преобладающее число памятников монументального зодчества. Это тем более очевидно, что до 30—40-х годов XVIII в., строго говоря, почти не существовало архитекторов и авторских проектов в современном понимании. Вкусы и художественные воззрения, предпочтение определенных методов строительства исходили от заказчиков и претворялись в произведениях, создаваемых народными мастерами-зодчими.

Сохранились документы, из которых явствует, что гетманы давали указания о характере возводимых по их распоряжению зданий. Однако в тех



Замок Богдана Хмельницкого в с. Субботове (XVII в.). Рисунок — реконструкция Г. Логвина

случаях, когда вмешательство фундаторов в строительство было незначительным, народные зодчие работали фактически самостоятельно.

Вышедшая из народных низов казацкая верхушка, которая все больше отдалялась от народной жизни с той поры, как были завершены усилия в борьбе с иноземным порабощением, осуществляла монументальное строительство в народных традициях, но применительно к своему общественному положению, имущественному состоянию, правам и быту. Даже в культовом строительстве отражались не только религиозные требования, но и светские и имущественно-сословные запросы казацкой верхушки.

Однако во второй половине XVII в. казацкая старшина, за отдельными исключениями, еще многими нитями была связана с корнями народной жизни. Среди казачества не было культа родовитых древних фамилий, передававших из поколения в поколение определенные традиции.

Быт украинской казацкой старшины, разумеется, отличался от жизни простого казака, но это различие не было столь разительным, как в последующие времена. Церковная обрядность была еще в той или иной мере народной. Этот стиль простого домашнего уюта явно ощутим в украинских церквах в отличие от пышного, богатого, очень далекого от обыденной жизни интерьера католических костелов.

Утверждение личности человека, завоевавшего свободу в борьбе за национальную независимость, овладение материалом и подчинение архитектурного пространства масштабу человека — вот к чему стремились зодчие той поры.

Между архитектурой XI—XII вв. и изучаемым периодом, несомненно, были промежуточные звенья, но они мало изучены. Эти утраченные звенья следует искать прежде всего в архитектурных памятниках Новгород-Северска (XV—XVII вв.), Путивля (XV—XVI вв.), Трубчевска (XV в.), б. Челнского монастыря около Трубчевска (XVI в.), Севска (XVI—XVII вв.). Особенно следует выделить находящиеся в земле остатки древнего собора в Новгород-Северске, предварительно датируемые XIV—XVI вв. (раскопки Н. Холостенко). Нельзя не обратить внимания на то, что план этого здания очень похож на планы ряда памятников XVII и даже XVIII в. (собор в Ромнах, Фроловский собор в Киеве, собор в Даневке около Козельца).

Эти древние традиции накапливались и развивались в северных районах Левобережья, видимо, потому, что они переносились и сохранялись здесь населением, бежавшим из более южных районов от татарских нашествий, а также от притеснений шляхты в западных областях Украины. Лесной покров северных районов благоприятствовал укрытию населения, а также способствовал сохранению и развитию архитектурно-строительных традиций.

Что же касается архитектуры собственно южноукраинских земель, о ней также трудно сказать что-либо определенное. Мы почти ничего не знаем о строительстве в этой части Украины в XIV—XVI вв., кроме того, что в ряде пунктов еще во времена великого княжества литовского (XV в.) существовали замки и укрепленные пункты Хаджибей (район Одессы), Казыкermen (район Каховки), Кичкас (район Запорожья) и др. В архивах сохранились планы некоторых укреплений, например план крепости Кодак, построенной в начале XVII в. на Днепре поляками с помощью французских инженеров.

Следует сказать в связи с этим, что в архитектуре рассматриваемого периода особую роль играл оборонный фактор. Это характерно как для строительства на Левобережье, так и на Правобережье.

Буржуазные историки-националисты называли все, что возведено на земле Украины, украинской национальной архитектурой. Но достоинство украинской национальной культуры не пострадает от обоснованного разграничения того, что в действительности строилось по народным традициям, и того, что было возведено на украинской земле по традициям иных народов. Нет ничего украинского в образах и формах польских костелов на Правобережье и кое-где на Поднепровье, хотя эти здания строились на украинской земле и возможно даже украинскими мастерами.

Восточные границы Левобережья являются этнической границей между украинским и русским народом. Эта граница никогда не представляла собой определенной черты на карте. Как прежде, так и сейчас в районах, которые по административному делению считаются русскими, живет много украинцев, а в украинских районах много русских.

В таких городах, как Новгород-Северск, Путивль, и даже в недалеко от Киева расположенном Чернигове, смешение русских и украинских архитектурных форм несомненно. Следует к тому же напомнить, что еще до 1654 г. слободская Украина, в том числе такие города (или поселения, из которых потом выросли города), как Харьков, Сумы, Ахтырка, Изюм, Чугуев и др., входили в состав Русского государства. Естественно, что развитие городского строительства, а также строительство оборонных, так называемых засечных линий осуществлялось здесь по опыту строительства центральных русских районов.

В заключение напомним, что могущественный природный фактор — лесной покров — создавал наиболее общую и устойчивую строительную традицию объемно-пространственных композиций, определяемых свойствами дерева. Влияние деревянной архитектуры, которая была господствующей в течение чуть ли не тысячи предшествующих лет, является неоспоримым и в ту пору, когда все большее распространение получало строительство из кирпича.



СОСТОЯНИЕ СТРОИТЕЛЬНОГО ДЕЛА

Строительные материалы

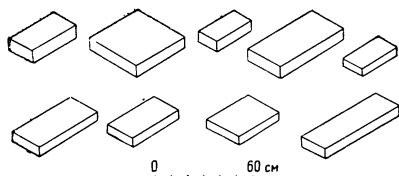
Изучаемые нами памятники в настоящее время расположены в Черниговской, Полтавской, Харьковской, Сумской, а также частично в Черкасской, Кировоградской и Киевской областях УССР. В то время к Украине относился также ряд районов и населенных мест, ныне входящих в состав РСФСР, в том числе такой крупный по тому времени город, как Стародуб.

Лесной покров северных районов Левобережья состоит из ценных для строительства хвойных и лиственных пород; ранее он был более густым, чем теперь.

Мягкий и умеренный климат, достаточное, но не чрезмерное количество осадков, обилие судоходных рек и плодородных земель — все эти условия были привлекательны для заселения и развития строительства в рассматриваемых районах. Следует подчеркнуть особую роль густой речной сети в экономике того времени; реки были не только наиболее удобными транспортными путями, но и основным источником используемой в хозяйстве энергии.

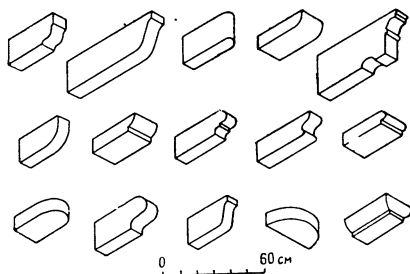
Природно-климатические особенности Левобережья не только благоприятствовали строительству, но и в известной мере определяли его характер. Так, из-за отсутствия скальных грунтов исключалось широкое строительство из камня. Монументальное строительство велось из кирпича, ибо почвы Украины изобилуют необходимым для этого сырьем.

Умеренность климата Левобережья не требовала устройства особых крыш — высоких или совсем плоских. Здесь делали кровли со средним уклоном примерно 45°, что в известной мере определяло внешний облик зданий и их объемно-пространственную схему.



Большемерный кирпич в кладке зданий

верхний ряд — собор Молчинского монастыря в Путивле (XVI—XVIII вв), Троицкий собор Густынского монастыря (XVII в), Собор Крестовоздвиженского монастыря в Полтаве (нач. XVIII в.), надвратная колокольня Спасского Новгород-Северского монастыря (XVII в.), собор Крестовоздвиженского монастыря в Полтаве; нижний ряд — замок в Вишневце (на Правобережье) (XVIII в), трапезная Спасского Новгород-Северского монастыря (XVII в.), замок в Вишневце (два образца)



Фигурный кирпич в кладке зданий

верхний ряд — Изюмский собор (XVII в.), замок в Вишневце (XVIII в.), собор Путивльско-Софрониевского монастыря (XVIII в.), Изюмский собор, замок в Вишневце (на Правобережье); средний ряд — Изюмский собор, собор Молчинского монастыря в Путивле (XVII—XVIII вв), замок в Вишневце (два образца), Георгиевский собор Выдубецкого монастыря в Киеве (XVII в.); нижний ряд — собор Молчинского монастыря в Путивле (XVI—XVII вв.), замок в Вишневце, Георгиевский собор Выдубецкого монастыря, Изюмский собор, собор Выдубецкого монастыря (XVII в.)



Паруса и своды Николаевского собора в Нежине (XVII в.)



Паруса и своды церкви в с. Воронезь Сумской обл. (XVIII в.)

Характерные для северных храмов небольшие оконные проемы не свойственны украинской архитектуре. Освещенность зданий здесь больше благодаря развитым световым проемам, чему благоприятствовал более мягкий климат и издавна существовавшее стекольное производство.

При обилии леса здания строились преимущественно из дерева. Возведение зданий из кирпича в интересующий нас период занимало в общем объеме строительства далеко не основное место. Об этом свидетельствуют и некоторые дошедшие до нас графические документы. На изображениях украинских городов XVII—XVIII вв. видно, что они были преимущественно деревянными (Ушаковский план Киева, рисунки Кальнофойского и Вестерфельда).

Однако именно в этот период крупные монастырские комплексы, являющиеся по существу крепостями, постепенно перестраивались; правда, еще и в середине XVIII в. в них было немало деревянных зданий. О перестройке зданий из деревянных в каменные свидетельствуют многочисленные описи, составленные при секуляризации ряда монастырских имений в 1770—1780 гг.¹ В архивах хранятся также дела XVIII в., из которых видно, что строительство более мелких культовых зданий велось почти исключительно из дерева².

Любопытным литературным документом, отразившим тенденцию постепенного вытеснения деревянного строительства каменным являются стихи Климента Зинovieва (кон. XVII в.).

«... тесле церкви робят, тьлько не так славно
(дело их древняное; и не так тривало)
А мурь вечностью ся здавна называют
(котрых много и по днес везде заставляють)
Ведлуг прислвїя «той правє що мурє»
(бо той тьлько будинки крєпкє будє)
А хто колвєк дрєвнєнє вьставєт клєцє
(тоє лєтвє до гурь вшєндзїє огнєм лєцє)
Прєто муровцїков вєлмє поважат трєба
(и зычити їм довгїх лєт, а потєм нєба). . .»³

Подавляющее большинство жилищ и других строений казацкой знати — гетманов, полковников, сотников, есаулов и т. д. — также было деревянным, в силу чего они до нас и не дошли. Сохранились лишь немногочисленные каменицы, которые, как правило, были нежилыми строениями и предназначались для хранения имущества, казны и т. д.

¹ ЦГИАЛ, ф. 834, оп. 2, ед. хран. 2445, 1786 г. Описи Нежинского, Гамалеевского, Мгарского, Глуховского и других монастырей.

² Черниговский областной архив, ф. 712, оп. 2, д. 7. Опись Каташинского, Макашинского, Ново-Млынського, Любечского и других монастырей.

³ Черниговский областной архив, ф. 712, оп. 3, д. 258, 171, 136, 120, 128; ф. 769, оп. 1 и 2, д. 632, 682, 719, 802 и др.

³ Памятки Українсько-Російської мови і літератури, т. VII, Львів, 1912, стр. 112.

Смешение строительства деревянного и каменного привело к тому, что приемы деревянного зодчества были усвоены новым строительством из кирпича. Трансформацию этих традиционных приемов применительно к новому материалу можно обнаружить на ряде памятников. Размеры и очертания основного элемента деревянного сооружения — прямоугольного или восьмиугольного сруба в среднем 5×6 м, как мы увидим ниже, являются основным модулем каменных сооружений как культового, так и гражданского строительства. Эти структурные размеры, очевидно, восходят еще к деревянному зодчеству XI—XII вв.¹

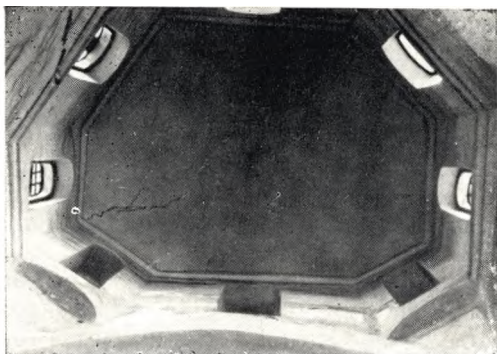
Распространение строительства из кирпича можно объяснить рядом причин. Уже тогда происходило постепенное уменьшение лесного покрова². Но главным было то, что крепостные сооружения из дерева легко горели и тем самым снижалось их оборонное значение. Развитие военного дела, рост производства и торговли, а также рост имущественного состояния казацких верхов — все это требовало строительства прочных негорючих сооружений и складов для военного снаряжения, казны, продовольствия, товаров и т. д.

Казацкая старшина, вследствие возросшего престижа, также не могла довольствоваться незначительными по размеру деревянными постройками. Требовались здания более величественные, с развитыми и усложненными архитектурными формами. К тому же простота общественной жизни постепенно сменялась более сложными взаимоотношениями различных классов населения. Понадобилось строительство магистратов, ратуш, цеховых домов, школ, «шпиталей», типографий и т. д. Строительство стало более развитым и разнообразным и потребовало различных строительных материалов и в первую очередь огнестойкого кирпича.

Кирпичное строительство не могло бы развиваться так успешно, если бы на Левобережье не было больших запасов высококачественной глины, песка и вяжущих материалов. Эти материалы здесь издавна разрабатывались. Кирпич, изготовленный из киевских глин, всегда считался первосортным, и не случайно киевские храмы, возведенные из местного сырья, нерушимо стоят вот уже почти тысячу лет.

¹ Юрченко П. Дерев'яне зодчество України. Київ. 1949, стр. 5.

² На отрицательную роль уничтожения лесов вообще и прежде всего для строительства было обращено внимание в этих районах еще в XVIII в. Так, наместник Румянцев в своем наказе от 25 июня 1765 г. писал следующее: «Леса, по большей части в монастырских и урядовых вотчинах лежащие, без присмотра выводятся, и о содержании и употреблении оных по свойствам никаких в сем искусстве понятий здесь не имеют. Надлежит иметь рассуждение, каким образом употреблять оные по свойству и надобности и как предостеречь не только оных крайнее через неумеренную сидку вина опустошение, но и размножение, где их недостаточно, изыскивая к тому искусных людей, старание прилагать...» («Россия», полное географическое описание нашего отечества, под ред. В. Семенова, т. VII, 1903, стр. 44).



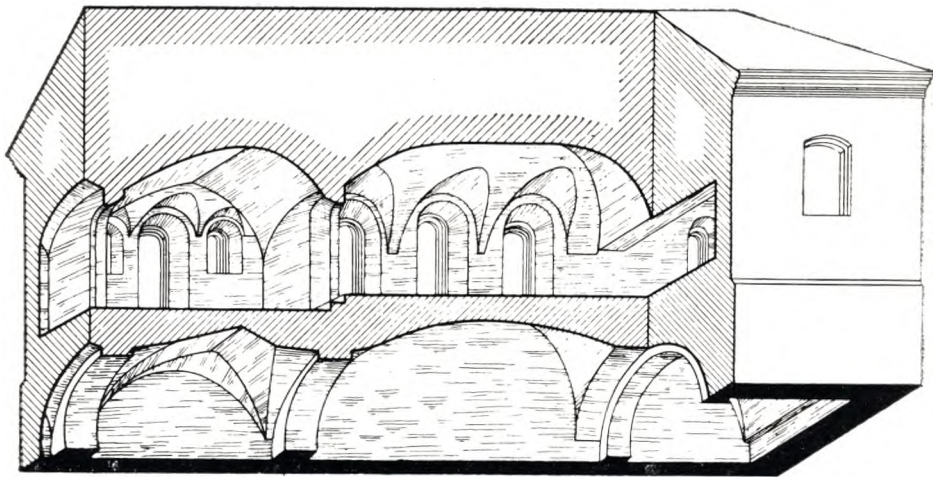
*Николаевский собор в Нежине (XVII в.).
Сплюснутая форма бокового купола*

В строительстве исследуемых районов кирпич применялся не только для кладки стен, но и для фундаментов. Лишь как редкое исключение мы встречаем в строительстве естественный камень.

В старину предпочитали трудные для выполнения сводчатые перекрытия, ввиду их долговечности и огнестойкости, более простым, балочным. Пожары в ту пору были страшным бичом деревянного строительства. Архивные и другие материалы содержат бесчисленные упоминания об уничтоже-

нии огнем не только отдельных зданий, но целых архитектурных комплексов и даже городов¹. Огнестойкие и прочные сводчатые перекрытия

¹ В 1679 г. пожар истребил почти весь Новгород-Северск. В 1748 г. огнем был почти полностью уничтожен город Глухов; он вторично горел в 1781 г. и в третий раз — в 1784 г. В 1718 г. страшный пожар нанес огромный урон строениям Киево-Печерской лавры. В 1785 г. полностью были уничтожены огнем все деревянные здания Гамалеевского монастыря, а кирпичные подверглись значительным разрушениям. Таких примеров можно привести множество.



Кельи Благовещенского монастыря в Нежине (XVIII в.). Аксонометрический разрез

оказывались более предпочтительными и по соображениям обороны. Всем этим объясняется также и необычное пристрастие строителей того времени к устройству сводчатых подвалов в культовых, жилых и хозяйственных зданиях.

О развитии кирпичного производства можно судить по таким данным: в Черниговском наместничестве в 1780-х годах существовали 44 предприятия по производству кирпича, принадлежавших разным лицам и ведомствам — казачьим старшинам, военнослужащим, купцам, мещанам, монастырям, казне¹. В середине XVIII в. кирпичные заводы были построены в Глухове и Батурине в связи с развернувшимся строительством в этих гетманских столицах.

На Северщине и Полтавщине было издавна распространено производство извести и поташа. В Новгород-Северском наместничестве в 1781 г. числилось 14 предприятий по производству извести. Много поташных предприятий существовало как часть предприятий по производству стекла на так называемых гутах². Таким образом, каменное строительство было обеспечено качественными строительными растворами. Химический анализ известковых растворов говорит о том, что они по существу не отличаются от состава современных³.

Также издавна славилась глины Левобережья; в конце XVII в. глина из района Глухова считалась в России лучшей и вывозилась в центры империи на фарфоровые заводы. Кроме глин на Черниговщине были большие запасы известняков.

Украина с глубокой древности славилась производством стеклянных изделий, которые довольно рано начали применяться и в строительстве. Путешественники начала XVIII в. отмечали, что немалое число домов и церквей были здесь не со слюдяными, а со стеклянными окнами.

В 1762 г. на Черниговщине действовала 21 гута, а по данным 1781 г. — 28. В отличие от стекольных предприятий России, которые усиленно насаждал Петр I, украинские гуты были предприятиями маленькими и примитивными. В начале XVIII в. эти гуты представляли собой просто деревянные сараи, где вырабатывалось стекло⁴.

Производство металла для строительных целей на Украине в XVII в. было организовано слабо. В большинстве случаев железо привозилось из

¹ Шафронский А. Черниговского наместничества топографическое описание, М., 1846.

² Нестеренко О. Развитие промышленности на Украине, Київ, 1959, стр. 184.

³ Отобранные автором образцы растворов из кладки стен Молчинского монастыря в Путивле (XVII в.), каменицы в Прилуках (XVII в.), собора Николая в Нежине (XVII в.), Преображенского собора в Прилуках (XVIII в.) и колокольни Троицкого монастыря в Чернигове (XVIII в.) были исследованы в 1959 г. в Киеве в лаборатории Института строительных материалов АСИА УССР (см. Вісник АБіА, УРСР № 3, 1962).

⁴ Модзалевский В. Гуты на Чернігівщині. Київ, 1926, стр. 21.



Трапезная Троицкого монастыря в Чернигове (1677—1679 гг.). Интерьер

России. Но все же в ограниченном количестве и невысокого качества металл для строительства (например, металлические стяжки сводов) вырабатывался на Левобережье из болотной руды и древесного угля¹.

Техника кирпичного строительства в XVII в. распространялась в первую очередь вблизи русских границ. В это время московская школа строительства из кирпича достигла высокого расцвета (архитектура Москвы, Ярославля и других городов). Кирпич на Украине служил главным образом стеновым материалом, его декоративные возможности использовались в гораздо меньшей степени, чем в московской архитектуре.

¹ Вырабатываемый на Украине металл назывался «ржавым железом» и употреблялся прежде всего для строительных целей. Но в ряде городов, например Глухове, Ромнах, Коропе, Кролевеце, которые являлись местами постоянного дислоцирования «войсковой арматы», т. е. главной артиллерии казацких войск, было развито производство взрывчатых веществ и изготовление артиллерийского вооружения.

Точных стандартных размеров кирпича в ту пору не существовало. Не только в постройках одного комплекса, но даже в одном здании можно обнаружить кирпич различных размеров. Наиболее распространенный размер $32 \times 16 \times 8$ см. Размер кирпича, установленный московским Приказом каменных дел, был $28 \times 14 \times 7$ см.

Кирпичное производство того времени примечательно тем, что наряду с обычным плоским изготовлялся желобчатый кирпич, называемый также литовским или пальчатым¹. Кроме кирпича обычных размеров в большом количестве употреблялся также кирпич большемерный. В кладке Троицкой

¹ Применение желобчатого кирпича, видимо, вызвано тем, что ложка являлась плоскостью наибольшего соприкосновения с другими кирпичами и, следовательно, желобчатая поверхность увеличивала сцепление вяжущего раствора. Такое предположение допустимо потому, что раствор в кладке по объему раньше занимал несравненно большее удельное место, чем теперь. В Киево-Черниговских храмах XI—XII вв. он занимал почти половину их общего объема (Нариси історії архітектури Української РСР. Київ, 1957, стр. 23).



Дом Лизогуба в Чернигове (XVII в.). Интерьер

церкви Густынского монастыря обнаружены кирпичные блоки размером $34 \times 34 \times 8$ см, в соборе Георгиевского монастыря в с. Даневка — $45 \times 45 \times 8$ см, в зданиях Братского монастыря на Подоле в Киеве — $47 \times 47 \times 11$ см. Эти кирпичи-блоки применялись только тогда, когда без блоков естественного камня или без особого металлического крепления нельзя было сделать карниз значительного выноса из обычного кирпича.

Почти во всех зданиях с развитой пластической обработкой применялся фигурный кирпич; им выкладывались карнизы, пилястры, цоколи, оконные и дверные наличники и т. д. Форма этих кирпичей воспроизводила как известные профили классической архитектуры — вал, полувал, выкружка, каблучок и т. д., так и оригинальные, иногда довольно сложные очертания национального декоративного убранства.

Большой интерес представляет вопрос о прочности кирпича XVII—XVIII вв. Специальные испытания физико-механических свойств показали, что исследуемые кирпичи оказались в 2—5,5 раза прочнее, чем требуется по современному стандарту¹.

В качестве кровельного материала употреблялась глиняная черепица, часто покрытая поливой, дерево в виде шелевок и гонта («тертицы»), а также железо. С помощью черепицы или гонта покрывалась поверхность довольно сложного очертания.

Культура керамического производства сказалась также на декоре зданий, в том числе и на характере интерьера. Для наружной декоративной обработки употреблялись разного размера и рисунка поливные, многоцветные плитки и розетки. В создании интерьера керамика участвовала как строительный и в то же время как декоративный материал в виде кахлей — керамических плиток особой конструкции, покрытых поливой. Стены кирпичных зданий в большинстве случаев с обеих сторон покрывались штукатуркой и по народной традиции белились.

Общее стремление к нарядности и живописности проявилось и в широком применении настенной лепки.

Строительные конструкции

Фундаменты кирпичных зданий обычно выполнялись из того же кирпича, что и стены, нередко с очень глубоким заложением основания. Из кирпича выложены фундаменты Софийской колокольни в Киеве (конец XVII в.). В Троицком и Петропавловском соборах Густынского монастыря основания кирпичных фундаментов залегают на глубину более 2 м, а в церкви Ильи в Суботове — до 3 м.

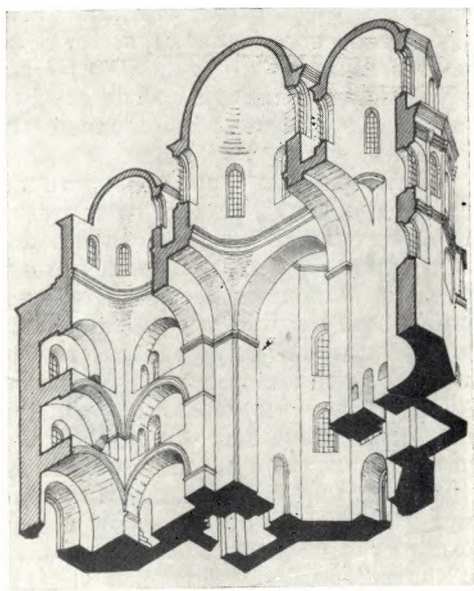
¹ Кирпичи Братского собора в Киеве (XVII в.), пристройки XVIII в. Пятницкой церкви в Чернигове, колокольни Киево-Печерской Лавры в Киеве (XVIII в.) были испытаны в лаборатории Института строительных материалов АСИА УССР (Вісник АБІА УРСР, № 3, 1962).

В кирпичной кладке XVII—XVIII вв. соблюдается перевязка швов, но в то же время нет строгой закономерности в способах укладки кирпича. Например, в нижних частях Георгиевского собора Выдубецкого монастыря два-три ряда тычков чередуются с рядами ложков, а в некоторых местах кирпич положен на ребро. То же самое наблюдается в более ранних строениях Густынского монастыря (вторая половина XVII в.) и в более позднем соборе Гамалеевского монастыря (начало XVIII в.). Изготавливаемый в напольных печах кирпич отличался разной степенью обжига (по цвету от темно-красного, спекшегося, до светло-желтого). В кладке эти разные по прочности кирпичи обычно перемежаются.

Пилястры, лопатки и полуколонны в зданиях XVII—XVIII вв. играют двоякую роль: как конструктивный элемент и как декоративное средство. О конструктивном назначении пилястр и лопаток говорит то, что в большинстве случаев они применялись в выступающих угловых частях зданий, где было особенно важно обеспечить устойчивость стен. Некоторую аналогию с деревянным зодчеством здесь можно усмотреть в том, что деревянная клеть обычно рубилась на Украине «с остатком»¹.

С помощью сводов перекрывались помещения разнообразной конфигурации — квадратные, вытянутые, граненые, круглые. Посредством различных очертаний арок устраивались проемы в стенах и распределялась нагрузка на опорные столбы. Преобладающими типами сводов были цилиндрические (в том числе полуциркульные, плоские, овальные, коробовые), а также сомкнутые, крестовые, сферические, шатровые и конусовидные. Очень часто делаются распалубки.

Большинство гражданских зданий — каменицы, бурсы, кельи, трапезные и т. п. — бесстолпные; редко встречаются одностолпные (трапезная Никольского монастыря в Киеве, конец XVII в., и трапезная Новгород-Се-



Троицкий собор Густынского монастыря (1672—1676 гг.). Аксонометрический разрез

¹ Юрченко П. Дерев'яне зодчество України. Київ, 1949, стр. 10.

верского монастыря, середина XVII в.), и двухстолпные (трапезная Софрониевского монастыря, XVII в.). В большинстве культовых зданий, построенных до 20-х годов XVIII в., арочные конструкции имеют не циркулярные очертания, а слегка стрельчатые, с завывшением по центру. Очевидно, это вызвано стремлением придать большую жесткость арочным проемам.

Каков же был запас прочности в сооружениях этого времени? Нами была предпринята попытка дать ответ на этот вопрос, для чего был выбран Георгиевский собор Выдубецкого монастыря, по которому имелись обмерные чертежи, а само здание находилось в процессе реставрации и было доступно для исследования. Инженерный расчет на определение прочности кирпичной кладки этого здания показал, что он равен 3-кратному в сечении по подошве внутреннего столба-пилона и 13-кратному в нижних частях барабана центрального купола (расчеты инж. Б. Петрова).

Переход от четверика к цилиндру или восьмиерику решался с помощью паруса. Больше всего применялись паруса сферические, а также ступенчато-ярусные или же их комбинации.

Кроме парусов, украинские зодчие прибегали и к более простому приему: они постепенно суживали подкупольный объем, уменьшая его размеры, и на заданной высоте придавали ему форму восьмиерики или цилиндра, обходясь без переходных конструкций. В интерьере этот переход выглядит наподобие срезанного поверху сомкнутого свода, как, например, в Николаевской церкви в Глухове, соборе в Прилуках, Гамалеевском соборе и Фроловском соборе в Киеве.

Не только в конструктивных приемах, но и в общей композиции одно-, трех-, и пятикупольных каменных церквей явно различимы приемы, заимствованные из аналогичных и более древних по происхождению деревянных сооружений. Основой в том и другом случае является пространственная ячейка, идущая от деревянного сруба. На Левобережье и Поднепровье преобладал восьмиугольный сруб как более выгодный в конструктивном и планировочном отношении¹. Граненые формы выступающих частей каменных церквей соответствовали этому виду сруба, что стало определенной традицией.

Любопытно, что в описаниях деревянных церквей Левобережья Павлом Алеппским мы узнаем много характерных черт, перешедших в архитектуру каменных церквей. Так, например, Павел Алеппский отмечает, что деревянная церковь Успения в Переяславе (давно не существующая) имеет крестообразный план и пять куполов, каждый ее неф отделен большой аркой, в западном нефу устроены двухэтажные хоры². Такая структурная

¹ Юрченко П. Дерев'яне зодчество України. Київ, 1949, стр. 27.

² Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном архимандритом Павлом Алеппским, вып. IV. М., 1897, стр. 189.

характеристика вполне может быть отнесена, например, к каменному Троицкому собору в Густыни, построенному на три десятилетия позже.

Интересно, что в украинском пятиглавии центральный барабан и особенно боковые не представляют собой правильной геометрической формы. Главный барабан бывает овальным или в виде четырехугольника со срезанными углами и слегка выпуклыми сторонами, а боковые — в виде овала чечевицеобразной формы.

Отличительной особенностью украинских высотных каменных и деревянных зданий является то, что в них не устраивались внутренние перекрытия, все пространство было открытым снизу доверху. Чередование восьмиугольника со срезанным шатром и наклон стен внутрь создавали в деревянных зданиях сильную перспективу при взгляде снизу вверх (так называемая стереоскопическая перспектива); некоторую аналогию этому можно усмотреть и в каменных зданиях, например в церкви Николы Каменного в Путивле (1737 г.).

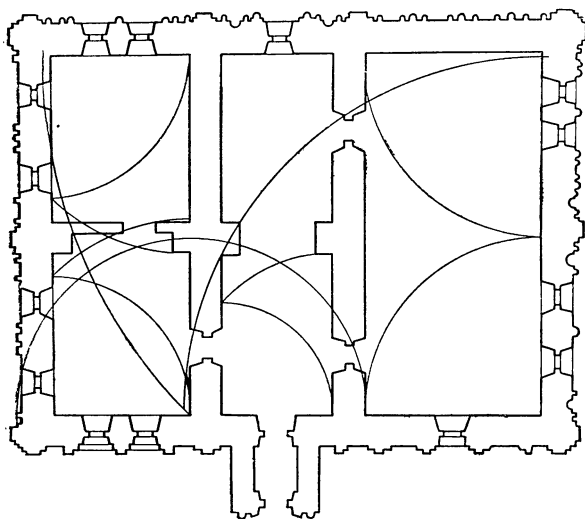
Культовые здания Украины поражают обилием света. Оконные проемы часто имеют вытянутую форму, очень логичную при общем пропорциональном строе здания.

Если в зданиях XI—XII вв. кровля делалась прямо по сводам (так называемое позакомарное покрытие), то в украинских зданиях XVII—XVIII вв. кровлю поднимали над сводами. Этот конструктивный прием определенным образом изменил силуэт здания и сказался на архитектурной композиции в целом. Именно таким приемом создавались знаменитые украинские «бани» — грушевидные упругие купола, поставленные один на другой и разделенные барабанами и перехватами.

Предпринятый нами анализ планов наиболее типичных культовых сооружений показывает, что основой их является подкупольный квадрат, стороны которого равны в среднем 6—8 м. Традиционность этой модульной единицы восходит к глубокой древности. Это явствует из того факта,



Екатерининская церковь в Чернигове (1715 г.). Аксонометрический разрез



Дом Лизогуба в Чернигове (XVII в.). Пропорциональный анализ плана. Построен на соотношении стороны квадрата и его диагонали

что размеры подкупольных квадратов древнерусских памятников XI—XII вв. (Софии Киевской Спаса - Преображенского собора в Чернигове и др.) равны 7,7 м, т. е. практически находятся в тех же пределах¹.

Выполненный нами графический анализ планов и разрезов культовых и гражданских памятников (дом Лизогуба, Екатерининская церковь и трапезная Троицкого монастыря в Чернигове, собор в Изюме, собор в Давенке около Козельца, церковь в Сорочинцах и др.) показывает, что в основе их пропорционирования было иррациональ-

ное соотношение сторон квадрата и его диагонали. Это легко достигается разбивкой путем засечек с помощью шнура и колышков. Впрочем, в некоторых памятниках применены кратные соотношения (например, Покровский собор в Харькове).

Наиболее характерным для культового зодчества типом зданий, в которых ярко проявилось своеобразие национальных приемов, были однокупольные тетраконхи, трехкупольные трехчастные здания и пятикупольные здания крестообразного плана.

Организация строительства

В Московском государстве уже в XVI в. составление чертежей для крупного «государевого» строительства являлось обязательным, что явствует из указа Ивана IV в 1562 г. В 1583 г. в учрежденном Приказе каменных дел была введена специальная должность «подмастерья», в обязанности которого входило составление смет и «примерных» чертежей². В изучаемых районах Украины централизованная организация строительства началась много позже.

¹ Афанасьев К. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М., 1961, стр. 195.

² Бутылин А. Из истории строительного чертежа в России. Л., 1955.

Как уже говорилось, украинские зодчие широко применяли заранее изготовленный лекальный и крупноразмерный кирпич. Уже из одного этого факта следует, что заготовка делалась в соответствии с существующим замыслом. В ряде случаев, имея определенный замысел, автор держал его только в своей памяти, и нужно удивляться этой памяти и силе пространственного воображения строителей прошлого. Вместе с тем известно, что в эту и даже более древнюю пору в большом употреблении у строителей были проекты в виде моделей. В то же время для нового строительства моделью во многих случаях являлись уже существующие здания, что подтверждают многие документы¹. Кроме того, в контрактах на строительство письменно оговаривались особенности возводимых зданий, состав и размеры помещений и т. д., причем обычно добавлялось, что строение должно быть выполнено «в указанную пропорцию и меру».

Существуют документы о том, что в XVII в. в ряде случаев велось строительство по чертежам в их более или менее современном понимании.

Одним из документов, прямо указывающим на наличие архитектурного чертежа проекта, является письмо гетмана Самойловича от 12 января 1684 г. к игумену Мгарского монастыря Русановичу по поводу строительства главного собора этого монастыря. В письме идет подробный рассказ о том, что «немецкий мастер» Иван Баптист показывал гетману чертежи Черниговского собора, по которым он рекомендовал построить и Мгарский собор. «Показывал нам оный тут абрис Чернеговское пасторское церкви...

¹ Можно указать ряд таких дел:

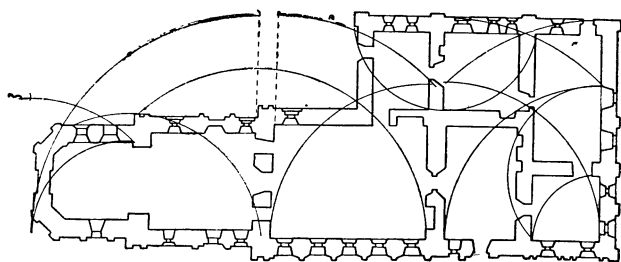
Договор от 1765 г. о постройке «покоев» в Ново-Млынском монастыре. «Абрисом такого как в Крупицком Батуринском монастыре, заделать крепко, гладко, крыша шелованием, окошек в крыше четыре и поддашием, в том и расписался Иван Горстка мастер» (Черниговский обл. архив, ф. 690, оп. 1, д. 9).

Контракт с тульским купцом Романом Петровым, сыном Медведевым о постройке каменной ограды Мгарского монастыря. «...толщиною и крепостью... как в монастырях Густынском или Кирилловском оные имеются». (ЦГИА УССР, ф. 127, оп. 1024, д. 2692, 1783 г.).

Контракт от 8 марта 1762 г. «На дело муровое», т. е. о постройке колокольни в Киево-Петропавловском монастыре. «Зделать колокольню под которую имеет быть погреб со входом пространным и две каменные палаты для поклажи купеческих товаров» и т. д. (ЦГИА УССР, ф. 127, оп. 1024, д. 1636, л. 23).

Контракт о строительстве келий в Софийском монастыре архитектуры учениками Михаилом Ерасовым (Юрасовым) и Филиппом Поповым, которые «подрядились каменных числом осемь келий сделать в два апартамента о трех сводах с комнатами, под которыми всем строением должны быть под сенцами и прихожими келиями погреба... все строение имеют они делать чистою архитектурною работою... наблюдая пропорцию меры и украшение и твердости фундамента стен и сводов». (ЦГИА УССР, ф. 127, оп. 1024, № 1392, 1766 г.).

Контракт Ильи Бродацкого о постройке церкви в городе Лохвице, которую «убавить в вышину... против мур в городе Лубнах недавно выстроенной церкви Свято-троицкой или и ниже мерою в колко мне покажут». (ЦГИА УССР, ф. 229, оп. 1, д. 142, 1763 г.).



*Трапезная Троицкого монастыря в Чернигове
(1677—1679 гг.). Пропорциональный анализ
плана*

...Прето ваше превелеб-
ност, там з ним майст-
вром и о абрисе помыс-
лите извол и який том
мере будет ваш вы-
мысл, о том нам дайте
знати»¹.

В XVIII в. на Ук-
раине в технике строи-
тельства происходит пе-
реворот, распростра-
няются архитектурные
строительные книги и

руководства, развивается профессиональное обучение. В 30-х годах XVIII в. для всей империи разрабатываются универсальные архитек-
турно-строительные мероприятия. Однако почти до конца столетия значи-
тельное количество даже крупных зданий продолжает возводиться без
чертежей². Этому способствовало, в частности, то обстоятельство, что
обычно строительные навыки передавались по наследству; известны це-
лые коллективы родственников одной строительной специальности: «му-
ляры», «тесляры», «тертечники», бригады «муровщицкого художества»
и т. д.

Мы уже неоднократно отмечали, что на Украине строительная тех-
ника и организация строительства значительно отставали. После воссое-
динения гетманы неоднократно обращаются в Москву с просьбой прислать
опытных строителей не только зодчих (Старцев, Аксамитов, Квасов и др.),
но и мастеров-исполнителей, специалистов «мурового дела». Так, в конце
XVII в. Старцев и Аксамитов привозили с собой на Украину большие груп-
пы различных мастеров. В 1688 г. Киевский митрополит Гедеон просил
прислать каменщиков. В 1690—1693 гг. вместе со Старцевым на постройке
Братского и Никольского соборов в Киеве работало 80 каменщиков и 100
«работных людей», прибывших из Москвы. В 1690 г. для строительства в
Межигорском монастыре была затребована из Москвы также большая
группа каменщиков. В 1689 г. в Чернигове снова работала большая группа
мастеров каменных дел, прибывших из Москвы³. Но централизованной
организации строительства на Украине не было ни в XVII, ни в XVIII вв.

¹ Модзалевский В. Будування церков у Лубенському Мгарському мона-
стирі в 1682—1701 рр. «Наше минуле», № 3, 1918.

² О том, что к графическому изображению зданий прибегали редко, свидетель-
ствует тот факт, что к подробным описям строений ряда крупных монастырей, под-
вергшихся секуляризации в 1780 г., не приложено никаких чертежей. Если бы они
имелись, то не было бы необходимости делать столь детальные описания.

³ Харламович К. Малороссийское влияние на великорусскую церковную
жизнь. Казань, 1911, стр. 338.



За сто с лишним лет исследуемого периода украинской архитектуры в технике возведения зданий произошли значительные изменения. Можно выделить следующие главные моменты этого процесса.

Развитие техники кирпичного строительства и приспособление приемов деревянного зодчества к требованиям возведения зданий из кирпича.

Формируются новые типы зданий. В гражданском строительстве совершается переход от простых камерных композиций к более сложным. В культовом зодчестве развивается тип крестовокупольного здания, наиболее типичный для национальной архитектуры данной поры. Основные параметры зданий развивают соответствующие соразмерности деревянной архитектуры.

Разрешается задача возведения сводчатых конструкций с погашением распора без контрфорсов. Оригинальным решением был переход подкупольного четверика к цилиндру и куполу без устройства парусов.

Развивается техника возведения сводчатых перекрытий, главным образом бесстолпных.

Вырабатываются принципы соразмерности, определявшиеся размером главного пространственного элемента в башнеобразных зданиях (подкупольный квадрат и его диагональ) и размером перекрытой сводом ячейки в горизонтальных композициях.

Наряду со строительством по традициям и наглядным образцам ведется строительство по проектам.

В середине XVIII в. появляется профессиональное архитектурно-строительное образование, постепенно распространяются единые для России методы строительства и единая стилистическая направленность архитектуры.



НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПЛАНИРОВКИ ГОРОДОВ И АРХИТЕКТУРНЫХ АНСАМБЛЕЙ

В XVI — XVII вв. в иных случаях трудно провести точные государственные границы Русского государства, Польши, Турции и Украины. Эти границы были довольно неопределенными, зависящими от удачи или неудачи бесчисленных военных столкновений и походов. На юге это своеобразное состояние «ничейности» огромных районов поддерживалось фактом существования Запорожской сечи. Запорожцы фактически не признавали твердых границ, чувствуя себя здесь полноправными хозяевами. Условия проживания в этих районах были совершенно противоположны тем, которые способствуют развитию городской жизни.

Начиная с XVI в. Русское государство строит против татарских набегов оборонительные системы, все более отодвигая их к югу. Самая ранняя линия этой системы называлась «берег» (по берегу реки Оки). Последующая цепь укреплений известна под названием засечной черты (гг. Белев — Одоев, Тула — Венев — Рязань). В 1635 г. была начата постройка белгородской черты — грандиозного комплекса оборонительных сооружений, далеко на юге преграждающих продвижение татар на север по главным путям — Муравской, Изюмской, Каллигусской и Ногайской дорогам. В эту черту входили города Сумы, Ахтырка, Лебедин, Хотмыжск, Белгород, Оскол, Воронеж и др., — всего 27 городов¹.

Таким образом, Северщина и несколько позже Слобожанщина фактиче-

¹ Никитин А. Оборонительные сооружения засечной черты XVI—XVII вв. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 44, 1955, стр. 116; Яковлев А. Засечная черта Московского государства в конце XVII в., М., 1916.

ски являлись окраинами Русского государства. Поселения носили здесь пограничный военный характер. Население состояло в большей части из служилых людей, которые далеко не всегда чувствовали себя здесь постоянными жителями. Эти города заселялись при содействии московского правительства большей частью украинскими выходцами, бежавшими от притеснения польских панов, главным образом с Правобережья, и предназначались для обороны южных и юго-западных рубежей Русского государства. Самые южные поселения такого типа входили в так называемую украинскую линию, сооруженную сравнительно поздно — в 30 — 60-х годах XVIII в. Сюда включалось 17 крепостей-городов; наиболее значительным был город Изюм. Как видим, большинство городов Северщины, Слобожанщины и прилегающих районов, в том числе и такой крупный город, как Харьков, являются городами сравнительно новыми. Они возникли в результате передвижения населения из тех мест Украины, где велась борьба.

После поражения под Берестечком около тысячи казаков со своими семьями и имуществом перешли русскую границу с тем, чтобы поселиться в пределах Русского государства. Русским правительством специально для них был построен город Острогожск на берегу реки Тихой Сосны.

Со второй половины XVI в. и до 1625 г. население Восточной Украины увеличилось более чем в 20 раз, а во второй половине XVII в. на Левобережье возникло около 500 новых крупных поселений.

В результате ожесточенной антифеодальной борьбы, постоянной готовности к нападению извне и угрозы национального порабощения сложился особый жизненный уклад народа, соединившего мирные занятия с военным делом.

Какой же тип поселения представляла собой знаменитая Запорожская Сечь? Это крайне интересный и совершенно неизученный вопрос.

Запорожская Сечь не находилась на одном месте. Начиная с XVI в., она размещалась на нескольких островах и различных участках на берегах Днепра. В основном различают две Сечи — старую, до 1709 г., и новую, с 1734 по 1775 г. — на впадающей в Днепр реке Подпольной, около современного города Никополя.

Старая Сечь была разрушена русскими войсками в 1709 г. в связи с тем, что во время войны со шведами часть запорожцев выступила против России. Часть запорожцев тогда ушла в низовья Днепра во владения крымского хана, но в 1734 г. запорожцы вернулись и на прежнем месте была организована Новая Сечь.

О том, что представляла собой Сечь в XVI и XVII вв., мы знаем из сохранившихся архивных документов. Сечь на острове Базавлуке, заложенная в 1593 г. (у современного села Капуловки Запорожской обл.), состояла из земляных валов и деревянных палисадов, соединенных сторожевыми башнями и опоясанных глубоким рвом. Посередине укрепления нахо-

дилась площадь с расположенными вокруг домами старшин, складами, пушкарнями, кузницами и т. д. Полукругом на площади располагались курени (низкие здания из плетня, обмазанные глиной).

Вот описание Чертомлыцкой Сечи начала XVII в.: «...а в том городе башня, с поля мерою кругом 20 сажен, да в той башне построены бойницы, а перед тою башнею за рвом сделан земляной городок, кругом его мерою 100 сажен, а в ней окна для пушечной стрельбы... А мерою же город Сеча с поля от речки Прогною до речки Чертомлыка сто сажен, а около того города обрзан ров в вышину 5 сажен... А межою же весь Сеча город будет кругом около 900 сажен... Строил тот город Сичу кошевой атаман Лутай...»¹.

Сохранились обстоятельные сведения о Новой Сечи и ряд ее планов 1740—1774 гг.

Советские исследования развенчали националистические и романтические представления о Запорожской Сечи как только о военном товариществе. Запорожцы не только воевали. Они занимались земледелием и ремеслом и даже торговали. Эта разносторонность общественной жизни запорожцев особенно характерна для XVIII в. И в то же время Сечь никогда не была обычным городом с разветвленной сетью улиц и площадей. Запорожцы жили в куренях — длинных деревянно-земляных сооружениях². Кроме куреней была церковь и незатейливые хозяйственные постройки. Главным планировочным компонентом являлись укрепления — земляные рвы и валы.

Обобщая наши знания о Сечи как поселении, можно сказать следующее. По существу Сечь являлась военным табором особого рода, совсем непохожим на укрепленный город западноевропейского образца. Хотя в Сечи одновременно проживало несколько тысяч или даже десятков тысяч человек, она представляла поселение, лишенное обычных городских черт, никакой разветвленной планировочной системы городского типа здесь не было. Одна площадь посередине, окруженная куренями и хозяйственными строениями, — вот и все. Практическая, главным образом военная, целесообразность, традиционная склонность к свободному размещению строений и учет природных факторов — вот главные особенности Сечи как поселения. Уместно напомнить, что основной чертой запорожского военного искусства был «бой табором», для чего требовались простейшие

¹ Голобуцкий В. Запорожское казачество. Киев, 1957, стр. 262.

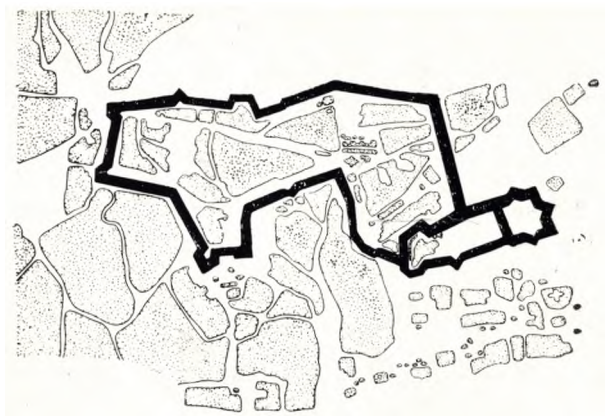
² Подобного рода курени и церковь изображены в нижнем левом углу плана Запорожской Сечи 1774 г. Эти здания вряд ли показаны с документальной точностью. Особое сомнение вызывает церковь, которая выглядит на этом рисунке необычной для украинской архитектуры (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 21763, план крепости Запорожской Сечи, 1774 г. Планы Запорожской Сечи 1742 и 1774 гг. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 21963—1, 21963—III). План 1742 г. подписан инж. Де Боскетом, известным по строительству в Киеве. Эти планы составлены офицерами русской армии в годы, когда осуществлялся контроль над Сечью.



Гадяч. План XVIII в.

четырёхугольные укрепления с использованием даже самых обыкновенных повозок. Таким образом, даже фортификационные укрепления, и те запорожцы умудрялись делать подвижными.

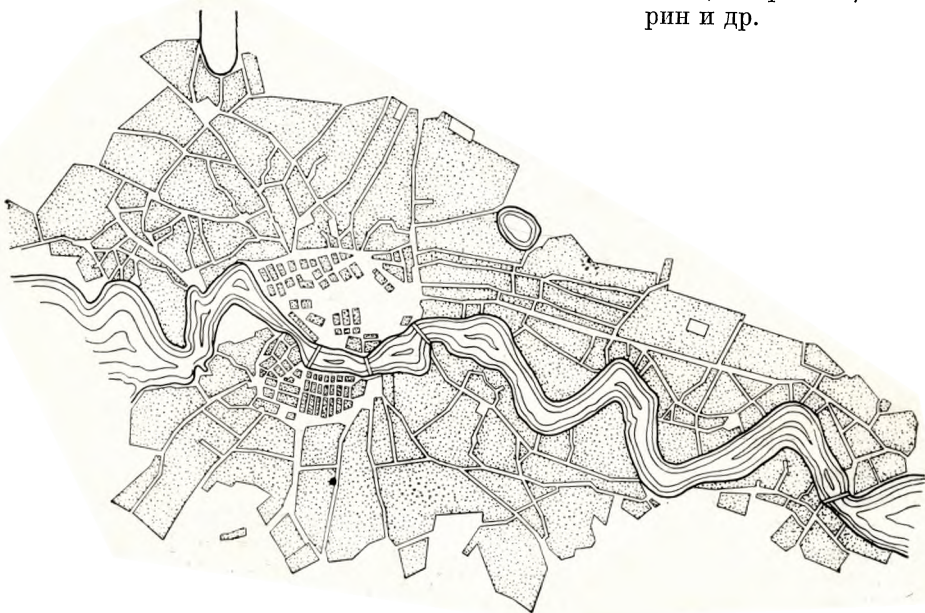
Как и другие народы, украинцы предпочитали селиться по берегам рек. На высоком правом берегу расположены Киев, Чернигов, Путивль, Новгород-Северск, Полтава, Ромны, Сумы, Гадяч, Лубны, Хорол и многие другие. В сочетании с другими факторами природы река придавала украинским городам очень живописный колорит. Река, кроме важнейшего хо-



Лубны. План XVIII в.

зяйственного значения в жизни населения, являлась также надежной военной преградой. Размещенные на возвышенности населенные места укреплялись дополнительно рвами, валами и стенами, и по крайней мере с одной стороны их защитой являлась река.

Расположение на возвышенном берегу иногда приводило к резкому топографическому разделению города на две части — нагорную и равнинный подол — Киев, Чернигов, Чигирин и др.



Нежин. План XVIII в.

Гораздо реже города располагались также и на ровном месте и на столь незначительных реках, которые вряд ли могли иметь оборонное значение. Объяснить это можно тем, что расположение поселений на оживленных речных магистралях не всегда было желательным с точки зрения мирных занятий жителей. На ровном месте расположен Переяслав. Таково же топографическое положение Нежина, Козельца, Коропа, Кролевца, Конотопа и других городов. В этих случаях естественные преграды — болота, леса, крутые овраги и т. п. — дополнялись искусственными оборонными сооружениями.

Городские ансамбли

В создании архитектурных ансамблей городские укрепления — их расположение, конфигурация и характер — играли существенную роль. Сейчас от этих крепостных сооружений лишь кое-где остались незначительные следы на поверхности земли (в Киеве, Чернигове, Новгород-Северске). Города и многие крупные населенные пункты были окружены стенами, рвами и валами. Переброшенные через рвы, легко разбирающиеся мосты вели к городским воротам. Весь этот комплекс сооружений придавал поселениям грозный и в то же время очень живописный вид. Конфигурация опоясывающих сооружений была различной — в виде четырехугольника и овала и более сложных очертаний, что зависело от топографии местности, а также являлось результатами исторических наслоений. Пер-



Стародуб. План XVIII в.

первоначально укрепленное ядро было небольшим. Площадь городов на составленных в начале XIX в. регулярных планах в десятки раз больше первоначального ядра.

Земляная крепость, образующая центр города Лебедина, имела прямоугольный план, приближающийся к четырехугольнику. Расположение кварталов внутри укрепления соответствовало направлению оборонительных валов. В западной части находилась площадь в виде вытянутого прямоугольника¹. Если судить по плану, то застройка площади носит случайный характер, но это представление может оказаться ошибочным, если бы удалось восстановить объемы этой застройки.

Первоначальное ядро города Нежина было радиально-концентрическим². Не очень ярко выраженным, но все же радиально-концентрическим был план Чугуева, в центре которого находилось первоначальное укрепленное ядро прямоугольной формы. Более четкую радиально-концентрическую схему наблюдаем в Путивле³.

Следует подчеркнуть, что радиально-концентрическая форма не была единственной в планировке городов XVII — XVIII вв. Наряду с такой структурой существовали различные варианты линейного построения плана, что определялось характером рельефа, расположением реки или направлением дорог. Таков, например, план города Сумы 1768 г.⁴, который можно назвать многолучевым или трапециевидным. Планировка кварталов внутри стен повторяет очертания укреплений. Внутри главной крепости находится первоначальное ядро, что в известной мере аналогично устройству так называемых бургов в западноевропейских городах. Разрастание первоначального ядра вызвало строительство новых укреплений, опоясывающих выросшие пригороды (посады). Это можно видеть на примере города Переяслава, где первоначальная прямоугольная в плане крепость с угловыми башнями уже во времена Хмельницкого была заключена в кольцо дополнительных укреплений.

Первоначальное ядро городов обычно было очень компактным: многоугольные очертания укреплений повторялись направлением улиц, расположенных внутри цитадели. Такова была наиболее древняя часть города Ахтырки⁵. Следует заметить, что в планировке этого города, как и в некоторых других, заметно влияние европейской школы фортификационного искусства⁶. Это проявилось в геометрически правильных очертаниях кре-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1351, д. 141.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 21590, л. 3. План города Нежина, 1803 г.

³ ЦГИАЛ, ф. 1360, атлас Курской губ., 1885 г., л. 25.

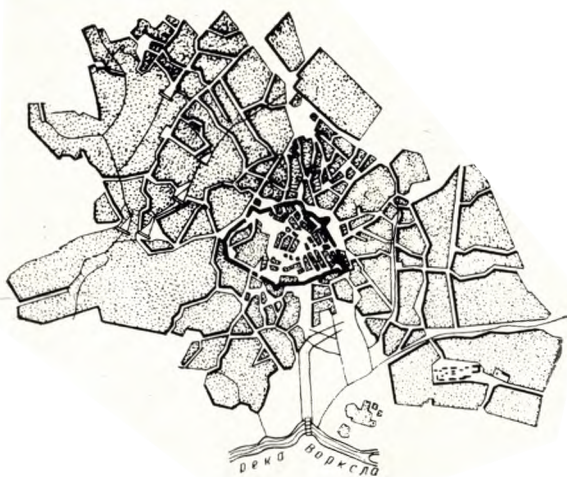
⁴ ЦГИАЛ, ф. 1399, оп. 1, д. 816, л. 7.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1399, оп. 1, д. 816, л. 7.

⁶ Так называемый Вобанов план укреплений. Например, в румянцевской описи Малороссии сказано «замок в Нежине, сделанный по Вобанову манеру» (А. Лазаревский. Обзорение румянцевской описи Малороссии, вып. II, стр. 169. Чернигов, 1872).

постей и в том, что углы укреплений вынесены вперед с таким расчетом, чтобы обеспечить прямой и фланговый огонь. Компактная планировка первоначального ядра Ахтырки характерна для городов равнинной местности.

В тех случаях когда город располагался на возвышенности, можно наблюдать противоположный прием, а именно: разбросанность города и очень сложное, неправильной конфигурации очертание первоначального ядра и укреплений. Но есть одна закономерность: укрепления



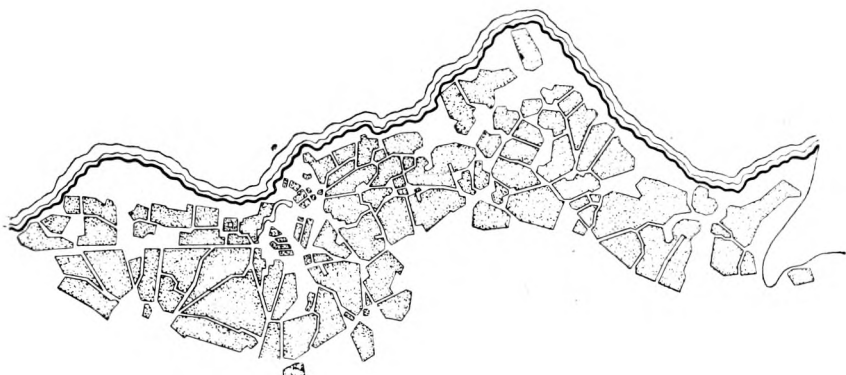
Полтава. План XVIII в.

следуют рельефу местности. Таков, например, план центральной части города Лубны. Известны и более древние примеры подобного рода, как, например, замок на горе Киселевке в Киеве (XVI — XVII вв.). Этот замок опоясывал гору строго по контуру, он как бы «надет» на нее.

Военнооборонительные требования влияли на построение планировочной сетки города главным образом тем, что определяли направление основной магистрали к укрепленным воротам, через которые проходили въезды и выезды из города. Значение городских ворот как опорных пунктов, которые «держат» сетку основных улиц, а через них и всю планировочную систему с кварталами и площадями, можно видеть на ряде примеров. Так, в Путивле через трое городских ворот под углом примерно 90° проходят три основные магистрали на Конотоп, Глухов и Рыльск. Они сходятся к древнему центру, состоявшему из двух укрепленных частей — так называемый настоящий город и передний городок. Таким образом, река Сейм и упиравшееся в нее полукольцо укреплений с центральным ядром и тремя лучами улиц и составляют планировочную основу этого древнего города.

Не менее ярким примером является план Глухова середины XVIII в.¹ Укрепленное ядро города имеет сложную конфигурацию, так как располо-

¹ ЦГВИА, фонд ВУА, д. 418, № 605, № 590; планы города Глухова. Один из них датирован 1776 г. и является более поздним. Об этом с достоверностью можно судить по тому, что на плане 1776 г. нанесено здание Малороссийской коллегии, а на другом плане его еще нет.



Прилуки. План XVIII в.

жено на возвышенной территории по соседству с озером и заболоченными местами. Заключенный внутри укрепления город под прямым углом пересекается двумя главными магистралями, ведущими к четырем воротам — Московским, Киевским, Путивльским и Белопольским. Направление второстепенных улиц и расположение кварталов подчинены этим основным улицам.

Рассматриваемый план Глухова показателен во многих отношениях и дает возможность выяснить некоторые общие вопросы построения городских ансамблей. Этот план фиксирует планировочные мероприятия «Комиссии национальных строений» в середине XVIII в., когда Глухов предполагалось сделать постоянной столицей Украины¹. Магистраль север — юг выглядит здесь совершенно прямой, дома на ней поставлены строго в ряд по обеим сторонам улицы. Прежде всего следует обратить внимание на разнохарактерность кварталов, они различны по величине и конфигурации. Строения в них располагались свободно, с неравномерными отступлениями от границ улицы. В самом центре тогдашней столицы Украины при многих усадьбах были сады и огороды.

Изучение этого и других планов первой половины XVIII в. показывает, что в городах отсутствовало деление площадей на торговые и административные, да и вообще площади эти скорее напоминали сельские выгоны. Расположение крупных культовых зданий на площадях было также

¹ В украинских архивах сохранилось много неопубликованных документов, относящихся к деятельности в Глухове Квасова и других русских архитекторов, разных мастеров и подрядчиков, а также украинского зодчего Мосципанова, который проходил обучение у Баженова и работал в Глухове и, по-видимому, в Коропе (ЦГИА УССР, ф. 54, оп. 3, д. 7508, 8291, 6738, 7631, 10704, 13137, 11662, оп. 1, д. 517 и др.).

подчинено принципу свободной планировки, что только подчеркивало строгую центричность и симметрию композиции храмов. В русских городах собор ставили так, чтобы городская площадь располагалась у южного фасада (а не у западного, как в Западной Европе) ввиду того, что выход князя и приемы послов происходили через вход в собор с южной стороны. Такой особенности в украинских городах не наблюдается, хотя в зданиях центрического типа очень часто устраивались дополнительные входы с северной и южной стороны.



Глухов. План 1746 г.

В Глухове существовали два комплекса, которые можно рассматривать как архитектурные ансамбли. Это — ныне не существующий Девичий монастырь и центральная площадь с сохранившейся до сих пор Николаевской церковью. Территория монастыря была застроена зданиями, которые следуют периметру окружающих стен, в центре стояла церковь. Несомненно монастырь играл оборонную роль. Это — тот же принцип «крепость в крепости».

Центральная площадь Глухова была довольно большой. Особенно значительной она кажется по отношению к укрепленной части города, длинная ось которой не превышала 800 м. Площадь имеет неправильную форму. Под различными углами на нее выходят разнообразные строения — ныне не существующий Троицкий собор, дома бунчуковых товарищей, мещан, казенные здания и т. д.

Таким образом, говорить об ансамбле старого Глухова можно лишь имея в виду свободную группировку зданий. Однако это не был хаос, случайность или произвол; это особый композиционный прием, бытовавший в народе и ставший традицией.

Интересно сопоставить рассмотренный выше план Глухова середины XVIII в. с планом 1776 г., а также с планом 1803 г.¹

По этим планам можно установить месторасположение культовых памятников, которых в Глухове было очень много для города такого масштаба. В самом городе и его ближайших окрестностях было 14 церквей.

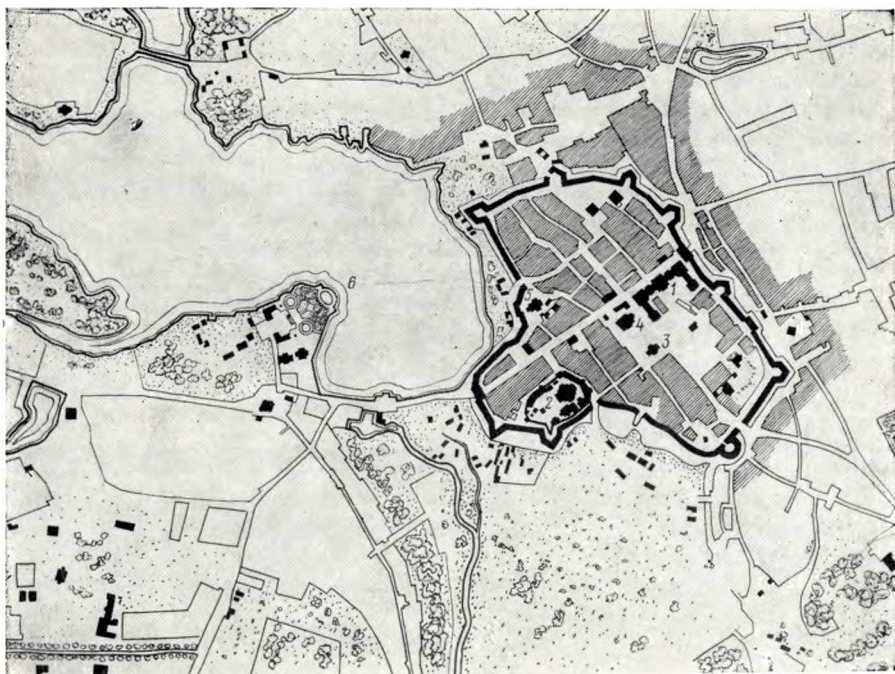
Сопоставление планов делает также ясным вопрос о местоположении здания знаменитой Малороссийской коллегии, оконченной строительством в 1782 г. и считавшейся «восьмым чудом света». На плане 1776 г. «вновь строящаяся каменная Малороссийская коллегия» показана в виде буквы П, с двором, обращенным внутрь квартала и с главным фасадом на основной магистрали. Здание стояло близ московских (северных) ворот, его боковой фасад был обращен в сторону площади².

Если планировка центрального ядра Глухова была очень свободной, то совсем уже сельской была застройка вне этого ядра. Далеко к югу от центральной части города показано старое здание Малороссийской коллегии. На противоположном берегу озера Чернечьа гребля эффектно расположена усадьба графа П. А. Румянцева с двором и регулярным парком по образцу петербургских загородных дворцов³.

¹ ЦГВИА, ф. 21590, д. 1307.

² Остатки этого здания по всей вероятности частично сохранились в одном крыле бывшего здания земства, сожженного во время Отечественной войны. Об этом можно судить по сохранившимся сводам и характеру кладки стен из большемерного кирпича. В начале XIX в. остатки сгоревшего здания Малороссийской коллегии были переделаны в присутственные места, а потом в земство.

³ Следы усадьбы Румянцева различимы и в настоящее время. От дворцовых построек сохранилась только часть подсобного флигеля.



Глухов. План 1776 г.

1 — Малороссийская коллегия; 2 — Девичий монастырь; 3 — Николаевская церковь; 4 — Троицкий собор; 5 — Михайловская церковь, 6 — усадьба Румянцева; 7 — старое здание Малороссийской коллегии

План 1803 г. сохранил центральное ядро по контуру прежних укреплений. Внутри этого ядра в шахматном порядке распланированы кварталы, зато остальная часть города подверглась незначительной перепланировке. Существует еще план 1836 г., на котором нет никакого намека на прежнюю планировку Глухова. На обоих последних планах нет и следа усадьбы Румянцева.

Следует отметить, что на планах Глухова XVIII в. не показаны гетманские дворы, хотя они здесь были. Очевидно они погибли от пожаров, так часто опустошавших этот город. В то же время на планах показано много дворов бунчуковых товарищей, значковых товарищей, войсковых канцеляристов и др. Не обозначены на планах никакие производственные здания — мельницы, винокурни, кузницы, хотя на некоторых планах других городов такие здания есть (например, на плане города Борзны).



Чигирин. Деталь гравюры 1678 г.

В заключение отметим, что на четырех планах Глухова, составлявших-ся через 30—40 лет, показаны большие изменения очертаний берегов, рек, озер и низменностей. По всей вероятности подобные топографические изменения характерны не только для Глухова, но и для других городов, что определенным образом влияло на изменение их планировочной структуры.

При сравнении данных многочисленных архивных материалов и литературных упоминаний о строительстве в Глухове в XVIII в. с реальными результатами строительства выясняется, что было сделано, по-видимому, значительно меньше, чем предполагалось. В конце концов в Глухове было построено всего три крупных здания — Малороссийская коллегия, дом Разумовского и дом Румянцева, а также были проведены некоторые планировочные и благоустроительные работы.

Характер свободной застройки, который можно называть ландшафтным, мы наблюдаем и в ряде других украинских городов. Самым убедительным примером такого рода является план города Борзны 1782 г.¹

¹ ЦГВИА, ф. 418, оп. I, д. 595.

Так же как и в Глухове, через центральную часть города, огражденную рвами и валами, проходит главная магистраль в направлении Москва — Киев. Улицы в цитадели распланированы более или менее регулярно в западной части и более свободно — в восточной. Но за пределами стен улицы расположены совершенно свободно в виде извивающихся линий, веерообразно, полукругами, различными развилками и т. п. Характерны отходящие от главной магистрали тупиковые улицы, что в еще большей мере придает городу сельский вид¹. Рассматриваемый план интересен также тем, что фасады наиболее значительных зданий изображены здесь с помощью ортогональной проекции, в том числе и ветряные мельницы.

¹ Тупиковые улицы, в частности, характерны для болгарских небольших городов, застроенных в XVIII — начале XIX в. (М. Цапенко. Архитектура Болгарии, М., 1953, стр. 198).



Чигирин. План 1678 г.

Остановимся на городе Батурине, который еще раньше был столицей Украины; роль этого города была даже более значительной, чем Глухова, ввиду относительной самостоятельности Украины в первые десятилетия после воссоединения с Россией. Есть упоминания, что Адам Зерникау, которому приписывают строительство собора в Чернигове, в конце XVII в. составил проект укрепления Батурина¹. Имеются также сведения, что для строительства в Батурин в 1700 г. был направлен из Москвы известный зодчий Аксамитов, который примерно в это же время вел строительство и в Киево-Печерской лавре². В украинских архивах сохранилось много контрактов на ведение строительства в Батурине³.

Вследствие изменнических действий Мазепы во время войны со шведами Батурин был надолго превращен в развалины⁴. Лишь в середине XVIII в. Кирилл Разумовский по указу Елизаветы перенес свою резиденцию из Глухова в Батурин.

Разумовский привез с собой в Батурин такое количество свиты, в том числе иностранцев, а также лакеев, конюхов, виноделов, врачей, что всех поверг в изумление. Но на этом собственно и кончилось «возрождение» Батурина. Даже построенный Камероном для гетмана дворец так и не был обжит, ибо упразднение гетманства произошло раньше его завершения. С воцарением Екатерины были окончательно ликвидированы остатки автономного самоуправления на Украине. Было введено единое для всей империи административное деление. Бывшая генеральная и прочая казачья старшина окончательно перекочевала в лагерь российского дворянства. Батурин был забыт на этот раз уже окончательно.

Наиболее полное описание Батурина было сделано в 1654 г. Этот город с трех сторон был окружен земляным валом с дубовым частоколом поверху (четвертая сторона представляла, очевидно, обрыв к Сейму). В городских стенах было трое ворот; над двумя были деревянные башни. Кроме того, было шесть башен по углам.

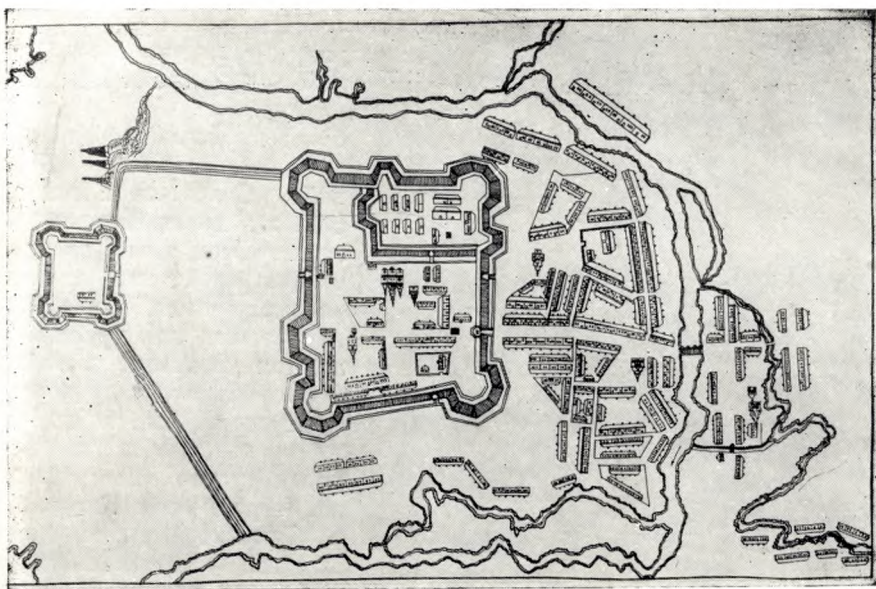
К укрепленному ядру примыкал посад, также окруженный рвом и «стоячим острогом» без башен. Кроме главного ядра и посада «на горе, над озером сделан двор панский», также огороженный рвом и деревянной стеной с четырьмя башнями, из которых только одна была проезжая. Эта ук-

¹ Русский биографический словарь. Под. ред. А. Половцева, т. I. Спб., 1896, стр. 61.

² ЦГАДА, ф. 124, д. 83 — Письмо Петра I к Мазепе, 1700 г.

³ ЦГИА УССР ф. 54. оп. I, д. 11; ЦГИА УССР, Харьков, ф. 1. д. 19972 и др.

⁴ В книге Кириллова «Цветущее состояние всероссийского государства...», изданной в Спб. в 1727 г., о Батурине нет никакого упоминания, а в румянцевской описи Малороссии о нем сказано меньше, чем об обычных селах (А. Лазаревский. Обзорение румянцевской описи Малороссии, т. II, стр. 304). В вышедшей в 1709 г. в Спб. книге «Слово похвальное в честь славных дел светлейшего Римского и Российского Государства... князя Меншикова» сказано: «Батурин град крепкий и местом самый неприступный».



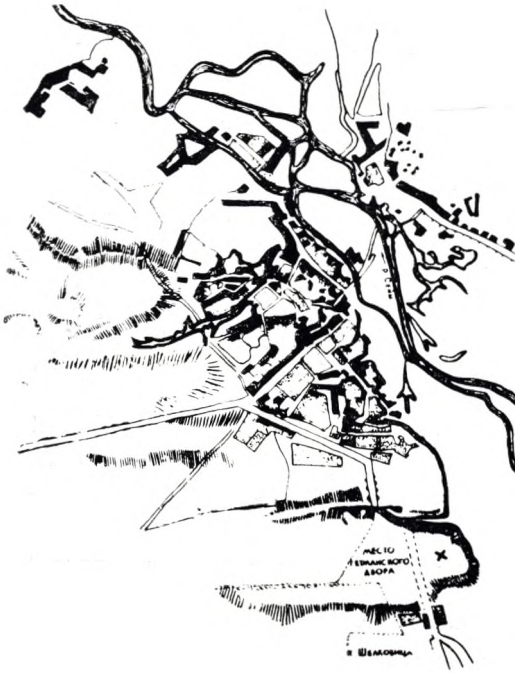
Изюм. План 1768 г.

репленная гетманская резиденция в свою очередь была перегорожена на две части оборонительным рвом и стеной.

Таким образом, гетманский Бату́рин состоял из трех сильно укрепленных частей: собственно города, посада и гетманского дворца. Город относится к типу ярковыраженных городов-крепостей, расположенных на высоком берегу реки (типа Чигирина, Гадяча, Новгород-Северска, Путивля и др.).

Так как Бату́рин в течение многих лет был заброшенным городом, его планы середины XIX в.¹ дают представление и о более раннем периоде, ибо город по существу не подвергался существенным переделкам. Мы видим знакомую свободную планировку улиц и переулков, образующих кварталы разнообразной формы. Обращает внимание обилие зелени, показанной на планах. Отсутствие скученности, тяготение к свободному расселению подчеркивается тем фактом, что гетманский двор располагался за пределами города в 1,5—2 км к югу в районе ныне существующего села Шелковица.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 21680; ЦГВИА, оп. 3, д. 3999.

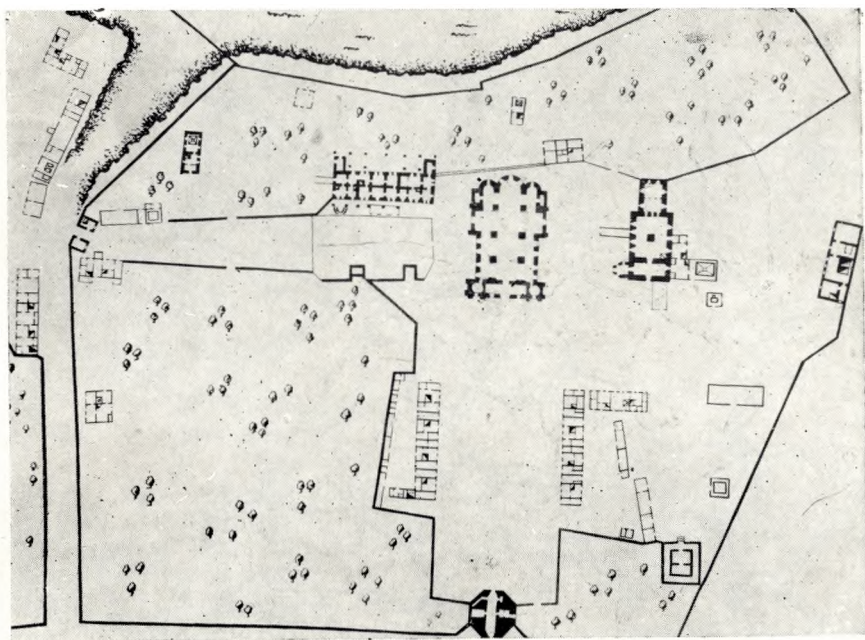


Багурин. План нач. XIX в.

Как уже говорилось, наряду с городами такого типа, условно названными ландшафтными, существовали более крупные города с относительно плотной застройкой. Сохраняя в какой-то степени принцип свободной планировки, такие города во многом отличались от выше-рассмотренных. На Поднепровье они, как правило, являются древними поселениями, их структура представляет многовековые напластования. Остановимся на трех городах такого типа: Чигирине, Чернигове и Киеве.

Столица Богдана Хмельницкого — Чигирин является одним из наиболее интересных городов данного периода с ярковыраженными специфическими чертами. Чигирин был фактической столицей Украины в самый напряженный момент национально-освободительной борьбы;

как резиденция Хмельницкого, он являлся центром, из которого распространялось влияние на многие стороны общественной и культурной жизни Украины. Некоторые представители казацкой верхушки, имевшие обширные владения на Левобережье, настолько были под влиянием всего исходившего от двора могущественного гетмана, что строили свои дома по подобию домов Хмельницкого в Чигирине и Субботове. Кипучая деятельность Хмельницкого требовала многочисленного окружения. При нем находилось большое количество военных и гражданских лиц, ведавших всеми видами командования и управления страной, — полковники, сотники, а также генеральный судья, генеральный писарь, генеральный обозный,скарбничий, бунчуковый и др. Легко представить, что Чигирин был кипучим, густонаселенным городом. Его население вряд ли занималось тут же в городе разведением огородов, пасек и т. д., как это было во многих других городах, в том числе и в Глухове.

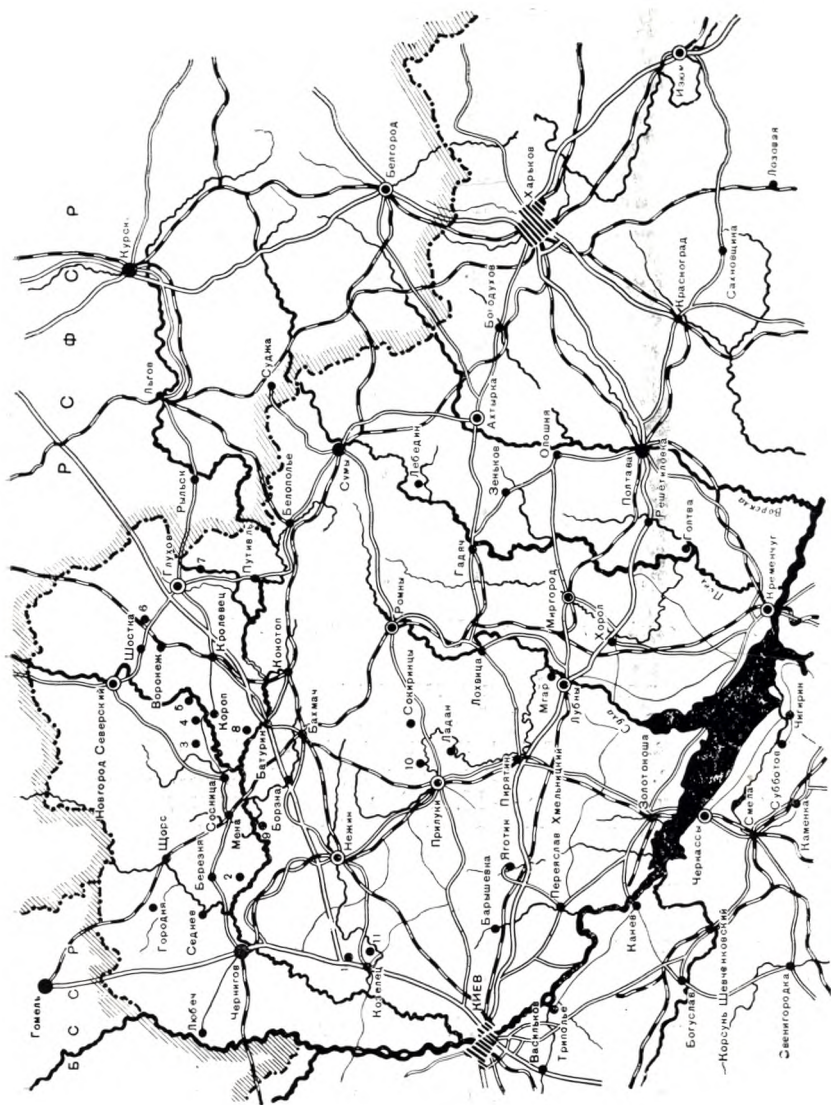


Никольский монастырь в Киеве. План нач. XIX в.

Очень колоритное описание Чигирина, как военной столицы Украины времен национально-освободительной войны, дает Эвлия Челеби. Он пишет: «Ныне это прочная крепость, имеющая три ряда стен..., цитадель ее стоит на крутой скале. Вокруг крепости три ряда непроходимых рвов... Всего в нем (в нижнем городе — М. Ц.) насчитывается десять тысяч крытых дранкой домов с верхними этажами. Были видны двадцать семь колоколен» (Эвлия Челеби. Книга путешествия, М., 1961., стр. 82).

Сохранились два изображения Чигирина XVII в. В верхней части одного рисунка изображена осада Чигирина турками в 1678 году. На другом рисунке в плане показаны укрепления, а главные здания изображены ортогонально. На обоих рисунках показаны огромные укрепления в виде рва, вала и каменной стены с боевыми башнями. Остатки рва и вала кое-где сохранились и в настоящее время¹. Этими укреплениями был охвачен

¹ Рекогносцировочные обследования остатков чигиринских укреплений были произведены в 1953 г. Институтом теории и истории архитектуры и строительной техники АСИА УССР. Обследования производил автор, Г. Н. Логвин и В. П. Моисеенко.



Левобережная Украина. Расположенные вне городов памятники архитектуры XVII—XVIII вв.

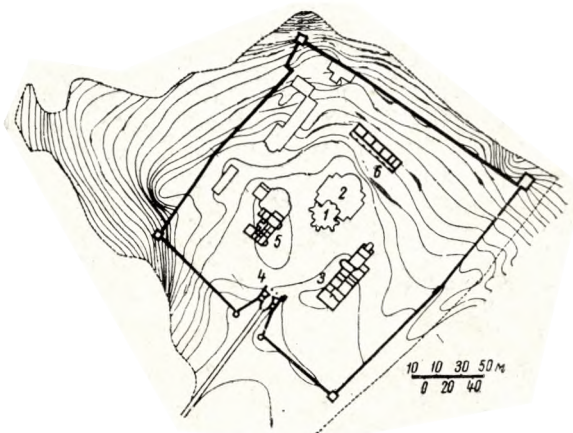
1. Церковь в с. Лемеша, XVIII в.; 2. Домникий монастырь, XVIII в.; 3. Рыхловский монастырь, XVII—XVIII вв.; 4. Церковь в с. Оболенье, XVIII в.; 5. Дворец и церковь в с. Вишенки, XVIII в.; 6. Гамалеевский монастырь, XVIII в.; 7. Глуховско-Петропавловский монастырь, XVII—XVIII вв.; 8. Крупицко-Батуринский монастырь, XVII—XVIII вв.; 9. Максаконский монастырь, XVII—XVIII вв.; 10. Густынский монастырь, XVII в.; 11. Давневский Георгиевский монастырь, XVIII в.

весь город, его низменная и нагорная части¹. Резкое разделение города на возвышенную и низменные части является его особенностью. В настоящее время на возвышенной части никаких строений нет. Однако судя по рисунку именно здесь был общественный центр Чигирина и стоял городской собор, по-видимому, каменный. Внутри укреплений показана довольно скученная городская застройка.

Пример Чигирина и других рассмотренных городов говорит о том, что в общем их облик и планировочной структуре

оборонные сооружения играли очень большую, часто даже главную роль. Для Чигирина характерно использование природных факторов — огромная каменная гора, на которой находилась главная цитадель со своим кольцом укреплений. Примыкающий к этой цитадели нижний город также окружен стеной, причем одной стороной посад примыкает к реке Тясмин, являющейся естественным оборонным рубежом. Посад в свою очередь разделен оборонной стеной на две неравные части (реконструкция Г. Н. Логвина). Таким образом, Чигирин состоял из трех укрепленных частей, что в общем соответствует планировочной структуре Батурина.

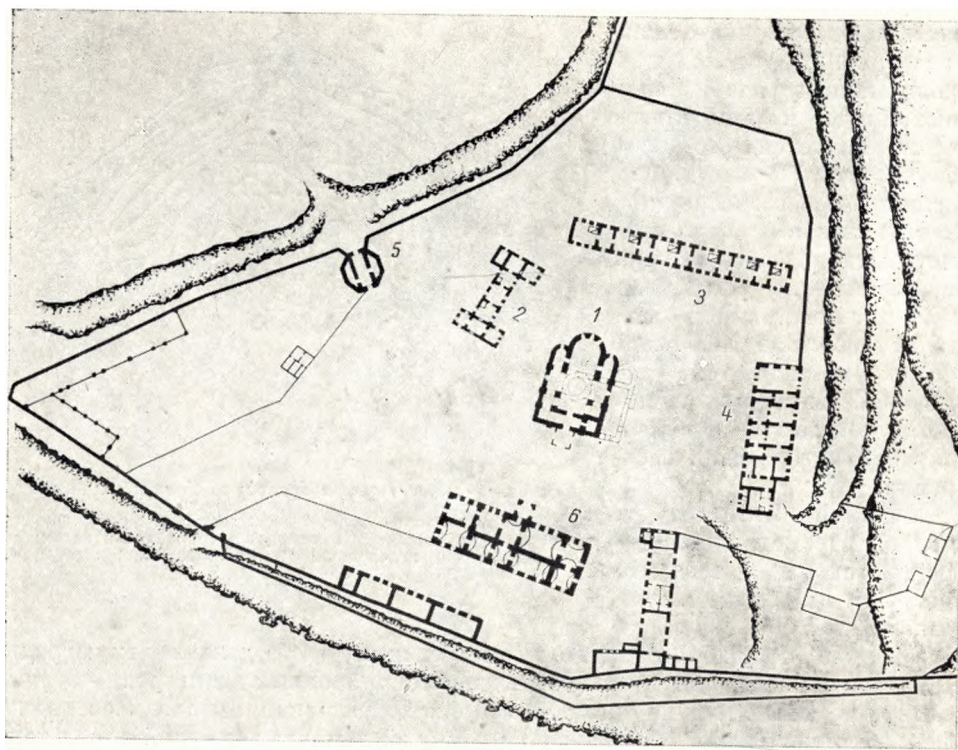
Одним из чрезвычайно интересных городских ансамблей XVII — XVIII вв. являлся Черниговский кремль. Этот ансамбль складывался на протяжении многих столетий и включал в себя Спасский и Борисоглебский соборы XI — XII вв., ансамбль Борисоглебского монастыря с сохранившимся до сих пор зданием коллегиума (XVII в.), комплекс жилой усадьбы Лизогуба, от которой сохранилась только известная каменица XVII в., а также другие усадьбы с каменными зданиями (остатки их фун-



Спасский монастырь в Новгород-Северске. План

1 — место древнего собора; 2 — существующий собор, построенный по проекту Кваренги; 3 — трапезная и кельи; 4 — надвратная колокольня; 5 — настоятельский корпус; 6 — бурса

¹ Довольно подробное описание этих укреплений дано П. Алепским. Он отмечает, что Чигиринская крепость «не имеет себе равных во всей стране казаков по своей высоте, величине возвышения, на коем она выстроена, по всей обширности и обилию вод и болот, ее окружающих» (Алепский П. Уп. соч. вып. II, стр. 192).



Елецкий монастырь в Чернигове. План нач. XIX в.

1 — Успенский собор; 2 — северные кельи; 3 — восточные кельи; 4 — трапезная; 5 — колокольня; 6 — настоятельский корпус

даментов сохранились в земле) и ряд культовых зданий. Древняя крепость Черниговского кремля была восстановлена в XVII в. Здесь была довольно плотная застройка, о чем можно судить по остаткам фундаментов в земле. Однако в настоящее время сохранившиеся здания расположены свободно, а дом Лизогуба и вовсе оказался на пустыре.

Наиболее интересными и живописными ансамблями в украинских городах рассматриваемого периода были монастырские комплексы, в которых кроме культовых было также много различных гражданских сооружений. Монастырские здания строились в разное время на протяжении многих десятилетий и даже столетий, не раз горели и перестраивались. Практическая целесообразность, традиции, природное чувство порядка и соподчиненности объектов строительства, а также учет природных данных — все это приводило к созданию высокохудожественных архитектур-

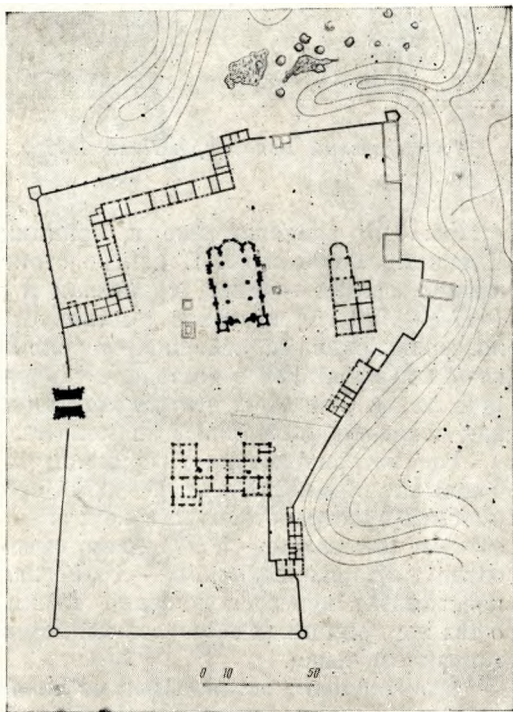
ных ансамблей. Художественный облик этих комплексов дополнялся сооружениями военнооборонительного характера.

Архитектурные ансамбли Чернигова и в настоящее время производят величественное впечатление. Со стороны реки прекрасно видна панорама города и локальная группировка его основных комплексов — кремля, Елецкого и Троицкого монастырей.

По древнерусской, ставшей также и украинской, традиции, Чернигов расположен на большой водной магистрали. Его древний детинец в виде неправильного треугольника расположен на мысу такого же очертания у впадения в Десну реки Стрижень. Когда город начал разрастаться, вне стен образовался так называемый окольный град, а за ним — предгорье. Слегка выраженный радиально-кольцевой характер окольного града можно видеть на плане 1797 г.¹

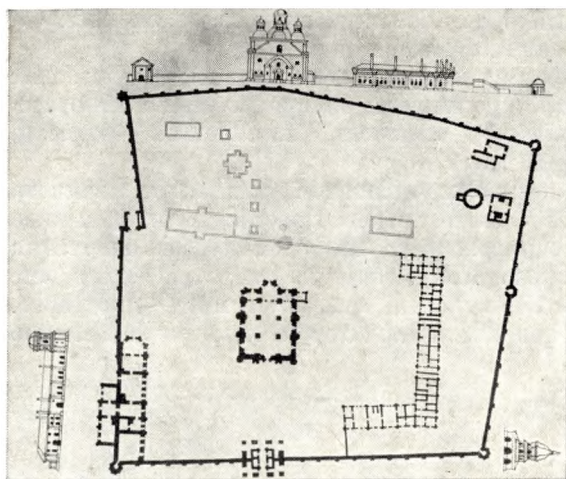
На запад от кремля, на довольно высоком склоне, расположен Елецкий монастырь. В древности здесь была крепость, что подтверждается, в частности, местоположением ансамбля на мысу, образованном с одной стороны склонами поймы Десны, а с другой — крутым оврагом. В настоящее время ансамбль окружен каменной стеной XVIII в., которая неоднократно возобновлялась ввиду оползней горы.

Принцип построения Елецкого ансамбля заключается в следующем: центром композиции является древний Успенский собор XII в. С четырех сторон его окружают очень низкие вытянутые корпуса келий и трапезной, с которыми великолепно контрастирует громада собора. В XVII в. собор был увенчан высокими барабанами и главками затейливых очертаний. Вертикальный акцент композиции монастыря подчеркнут



Троицкий монастырь в Чернигове. План

¹ ЦГИАЛ, ф. 1399, оп. 1, д. 838.



Гамалеевский монастырь. План 1795 г.

сооруженной в начале XVIII в. колокольней, в которой устроен главный въезд. Расположение колокольни не на западной стороне, как обычно, а на северной диктовалось практическими соображениями удобного подъезда к монастырю на местности, пересеченной оврагами. Художественное воздействие ансамбля монастыря усиливается тем, что, находясь на высоком холме, он оказался как бы поднятым на пьедестал.

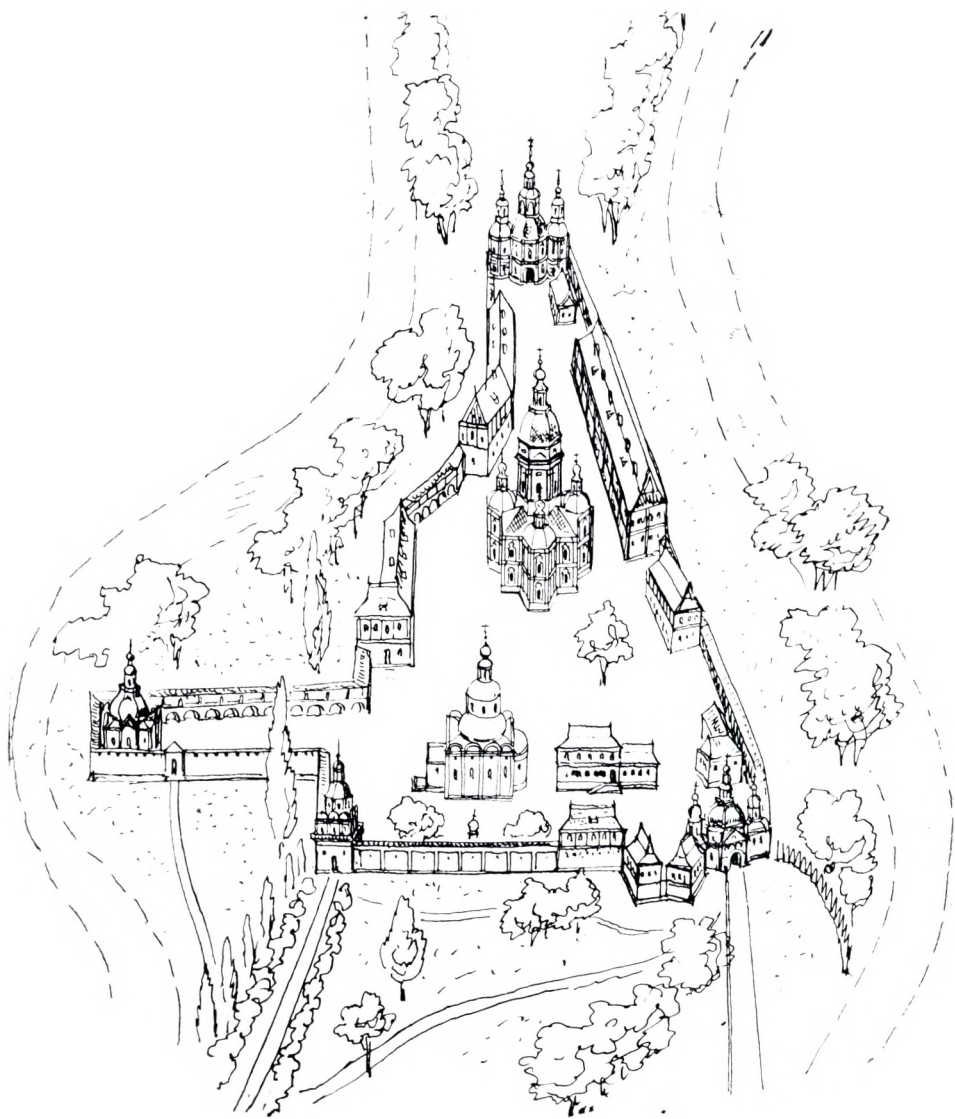
Еще дальше в западном направлении на склоне Болдиных гор находится третий черниговский ансамбль XVII в. — Троицкий мона-

стырь. Его расположение и принцип размещения зданий аналогичны Елецкому монастырю. В центре стоит собор. Вокруг него расположены низкие здания — кельи, трапезная и др. Очень высокая колокольня (1774—1776 гг.) и сейчас доминирует над силуэтом Чернигова. Она также расположена на северной стороне ансамбля. Впрочем, до ее постройки главный въезд был в восточной стороне под надвратной башней крепостной стены. Сейчас от нее сохранился только нижний этаж, где в XVII в., как полагают, находилась знаменитая черниговская типография.

Рассмотренные ансамбли Чернигова отличаются живописностью и свободой планировки и в то же время соподчиненностью зданий. Основными объемно-пространственными компонентами этих ансамблей являются: высотным элементом — колокольня, объемным — собор; переходным от высотного к горизонтальному — трапезная; горизонтальным — кельи. Свободное, живописное расположение черниговских ансамблей свидетельствует о тех же принципах естественной компоновки городского плана, о которых говорилось выше.

В заключение остановимся на ансамблях Киева. Эта задача облегчается тем, что сохранился документ, который фиксирует не только общую структуру города в конце XVII в., но и многие его детали. Это — план Киева, составленный в 1695 г. по распоряжению Петра I русским полковником Ушаковым¹. Хотя план и не является масштабным, членение города на

¹ ЦГАДА, Картографический отд., д. 14.



Рыхловский монастырь (XVII—XVIII вв.). Рисунок — реконструкция К. Лопяло.

районы и отдельные его ансамбли показаны вполне отчетливо. Кроме этого, имеется письменный документ того времени — «Акт передачи Киева от стольника и воеводы князя Федора Бяратинского боярину и воеводе князю Петру Хованскому 1697 (7205) года, октября 18»¹. Колоритная характеристика Киева рубежа XVII — XVIII вв. содержится также в записках русского священника Лукьянова².

Все, что говорилось выше о роли реки в структуре города, а также о разделении города на две части — горную и подол — является особенно характерным для Киева. Мощная река и большая возвышенность правого берега с примыкающим ровным подолом — основные факторы, которые оказали решающее значение на формирование структуры города в целом и его отдельных частей.

Как и другие города Украины, Киев в конце XVII в. был преимущественно деревянным городом. В конце XVII в. город состоял из трех обособленных, по существу не связанных между собой, частей — Подола, Верхнего (старого) города и Печерска.

Такое деление сложилось задолго до составления ушаковского плана и сохранялось в XVII — XVIII вв. Это можно объяснить рядом причин, наиболее существенны из них три — социальный, оборонный и природный факторы.

Влияние социальных условий на характер расселения заключается в том, что разные имущественные и сословные группы избирали для проживания наиболее удобные места. Например, Подол был районом ремесленников — гончаров, кожевников, кузнецов, а также торговцев. Этому способствовало то, что здесь близко находилась река, которая кроме всего являлась удобным средством сообщения.

Нагорная часть Киева — район Десятинной церкви, Михайловского (Златоверхого) и Софийского монастырей — в древности тоже была заселена ремесленниками, но постепенно превратилась в район более имущественных слоев и высшего духовенства. Здесь находились заново отстроенные в XVII в. древние величественные архитектурные ансамбли, что значительно отличало эту часть Киева от ремесленного Подола.

Печерск был ярковыраженным культово-оборонным районом, здесь находился огромный ансамбль Киево-Печерской лавры, которая являлась также мощной военной крепостью.

Кроме обычного оборонного, а также хозяйственно-межевого значения стен, окружавших городские ансамбли, надо отметить их значение в борьбе с двумя грозными стихийными бедствиями того времени — пожарами и эпидемиями. Так, например, во время страшной чумы в 1770—1771 гг.

¹ Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, отдел рукописей, шифр 14/118.

² Путешествие в Святую землю священника Иоанна Лукьянова в начале XVIII в. «Русский архив», кн. 1, 1863, стр. 40.

киевские монахи, запершись за стенами своих монастырей, прекратили всякую связь с городом.

Наиболее плотно застроенный ремесленно-торговый Подол был окружен крепостной деревянной стеной с боевыми башнями. Высокая стена из горизонтально уложенных бревен, четыре башни и четверо дополнительных ворот были обращены в сторону реки и открытого рельефа. В свободной планировке уличной сети Подола можно различить две главные магистрали, ведущие от днепровских обрывов к берегу реки, и две магистрали — параллельно реке. Каждый квартал был огорожен забором и представлял собой, по-видимому, отдельное владение. Дома располагались в большинстве случаев в глубине таких кварталов под разными углами по отношению к улицам, что мы уже видели и в других городах. Никаких причальных устройств на берегу Днепра не было, но существовали четыре «живых», т. е. наплавных, моста через Днепр.

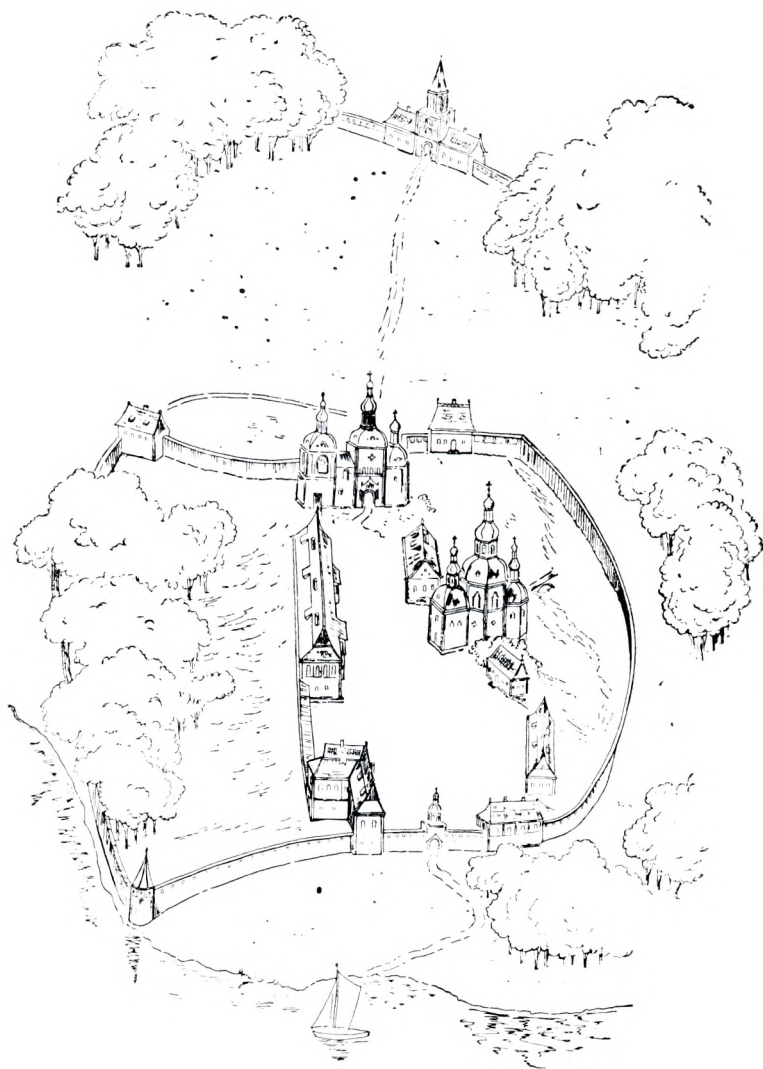
Для целей обороны верхнего города использовалась буквально каждая складка местности, каждый обрыв. На плане нарисовано множество пушек, стоящих поверху стен и на возвышенностях. Здесь также главные улицы представляют собой дороги, идущие от одних городских ворот к другим.

Как бы ни были важны сугубо практические требования, определявшие застройку и общий колорит города, но было еще одно условие. Это — красота природы избираемого для поселения места.

В нравственно-эстетическом мире человека того времени природа, ее восприятие и ее воздействие играли огромную, неизмеримо большую роль, чем в наше время. Достаточно вспомнить характер народных украинских песен, дум, пословиц, стиль народного искусства в целом — вышивок, резьбы, керамики и т. д. Народ не мог отказаться от своего поэтического душевного мира также и в условиях городской жизни; природное окружение, «тихие воды и ясные зори», которые он поэтизировал и воспевал, олицетворяли для него родину. Народ всегда стремился к этим образам — в селе и в городе. Живописный характер украинских населенных мест — яркое тому доказательство.

На бесчисленных изображениях Киева он всегда представлен утопающим в зелени садов, тополей и виноградников. Нарядные фронтоны киевских зданий, крутые кровли с заломами и стройные «бани» церквей и колоколен трудно себе представить без пышного зеленого окружения.

Монументальные ансамбли Киева можно разделить на две группы: древние комплексы, главными сооружениями которых являлись здания великокняжеского периода — Киево-Печерская лавра, Софийский, Михайловский, Кирилловский, Выдубецкий ансамбли, и более новые комплексы, каменные здания которых возведены в XVII—XVIII вв., — Братский, Никольский, Межигорский, Фроловский и другие монастыри.



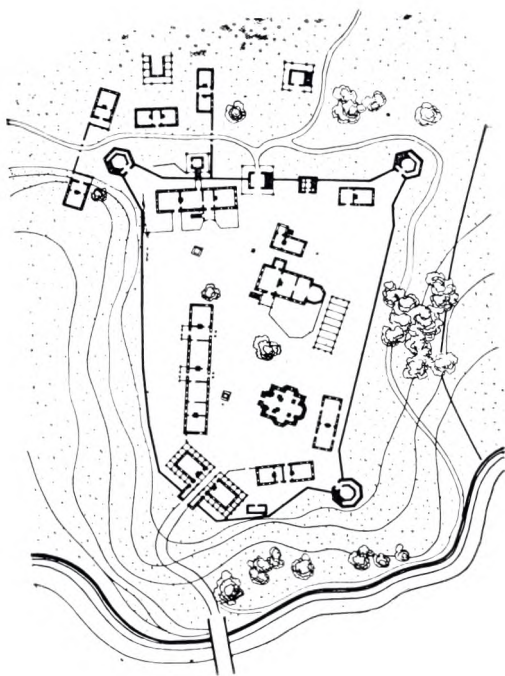
Глуховско-Петропавловский монастырь (XVII—XVIII вв.). Рисунок — реконструкция К. Лопяло

Если позволяли рельеф и общая планировочная ситуация, главный вход в монастырь устраивался с западной стороны, что соответствовало расположению главного входа в собор (Киево-Печерская лавра, Выдубецкий монастырь и др.). В этом случае корпуса келий и других зданий организуют движение от входа к главному собору. Наиболее типичным примером такого рода является планировка Киево-Печерской лавры, а также расположенного рядом ныне не существующего Никольского монастыря. Но такую логическую планировку эти ансамбли получили при их расширении и реконструкции только в начале XVIII в.

Местоположение колоколен в киевских ансамблях не было каноническим. Если представлялась возможность, то главная колокольня одновременно была и главным въездом — Никольский¹, Выдубецкий² и Михайловский монастыри. Если же такой возможности не было, то колокольня ставилась в любом другом месте по соображениям композиционного характера.

В этом смысле интересно расположение колоколен Софийского комплекса и Киево-Печерской лавры.

До возведения Г. Шеделем в 30-х годах XVIII в. огромной стометровой колокольни в Лавре было два здания, фиксирующих выезды. С запада — древняя Троицкая надвратная церковь и с севера — церковь на Экономических воротах. Поэтому новая колокольня не имела значения как колокольня над въездом. Ее расположение тонко продумано, она стоит примерно посередине между разрушенным во время войны собором и Троицкой надвратной церковью и не подавляет своей высотой здание со-



*Крутицко-Батури́нский монастырь
(XVII—XVIII вв.). План*

¹ ЦГИАЛ, ф. 1488, оп. 2, д. 143. План Никольского монастыря, 1819 г.

² ЦГВИА, ф. 3. оп. 18, д. 2529. План Выдубецкого монастыря, XVIII в.

бора. Также удачно поставлена колокольня по отношению к рельефу. Расположение такого огромного столпа на самом гребне днепровских склонов было бы нецелесообразным. Для композиционной устойчивости стометровой вертикали необходима довольно значительная ровная площадка, что в данном случае и соблюдено. С точки зрения композиции всего сложного комплекса лавры расположение лаврской колокольни следует признать безупречным.

Колокольня Софийского комплекса расположена над главным входом не с западной, а с восточной стороны. Причину этого легко понять, если окинуть взором прилегающий район. Юго-восточнее Софийского ансамбля на днепровских склонах был расположен другой древний ансамбль — Михайловский Златоверхий монастырь, разобранный в предвоенные годы. Его колокольня, также с проездом, находилась на западной стороне. Если бы Софийская колокольня была выстроена также с западной стороны, то была бы утеряна редкая возможность исключительно эффективного расположения колоколен этих двух ансамблей друг против друга. Именно с помощью такого приема удалось прекрасно связать два ансамбля в один комплекс. Мы не знаем на Украине другого подобного случая.

При всем этом на территории Софийского комплекса вход с западной стороны все же был устроен и очень оригинально. Во всех случаях главный вход отмечается вертикалью колокольни или надвратной башни. В данном случае решался вопрос о второстепенном входе и над ним не было необходимости ставить вторую колокольню. Этот вход был композиционно отмечен небольшой аркой с исключительно богатым декором — так называемой брамой Заборовского.

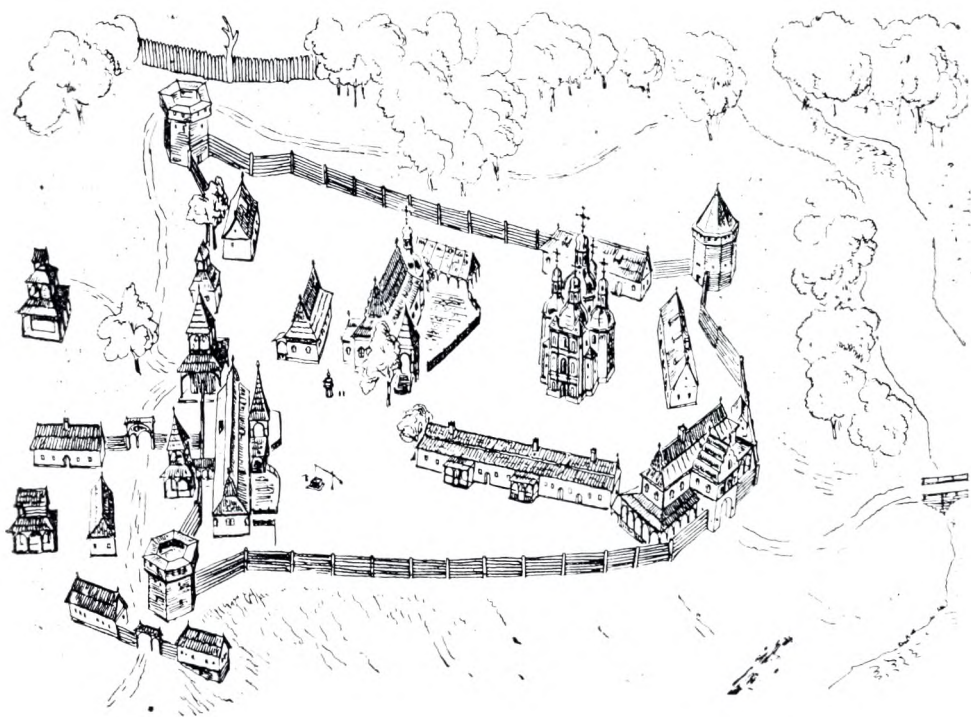
Внегородские ансамбли

Для исследования принципов построения украинских архитектурных ансамблей XVII—XVIII вв. большой интерес представляют загородные монастыри. Ценный материал в этом отношении дают хранящиеся в архивах генеральные планы монастырей, составленные в XVIII — первой половине XIX вв., а также планы, полученные в результате обмеров с натуры Новгород-Северского Спасского, Гамалеевского¹, Максаковского², Глуховско-Петропавловского, Батурино-Крупницкого, Рыхловского, Горнальско-Белгородского, Софрониевского, Даневского около Козельца и Густынского монастырей.

Планировочную структуру этих ансамблей определяли следующие главные факторы: топографические, культовые (ориентация по странам света и состав зданий), хозяйственные. Монастыри были крупными феодальными хозяйствами, имели свое ремесленное производство, вели боль-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1488, оп. 14, д. 950.

² ЦГИАЛ, ф. 1488, оп. 11, д. 1029.



Крупницко-Батуринский монастырь (XVII—XVIII вв.). Общий вид. Рисунок — реконструкция К. Лопяло

шие торговые операции. Поэтому каждый такой ансамбль включал множество хозяйственных построек. И, наконец, оборонный фактор — каждый монастырь был обнесен крепостными стенами с башнями.

Если суммировать имеющиеся данные, в том числе о киевских, черниговских и других городских или внегородских комплексах, то можно прийти к некоторым общим выводам в отношении их топографии. Эти комплексы располагались в различных природных условиях, но преимущественно с резковыраженным рельефом. Различные случаи местоположения монастырей можно условно разделить на следующие группы.

На плоском рельефе у реки — Киево-Братский¹, Густынский, Батуринско-Крупницкий, Гамалеевский, Максаковский, Воскресенский в Переяславе, Даневский около Козельца.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1488, оп. 2, д. 142, 1819. Подпись: арх. А. Меленский.

В глубоких оврагах — Выдубецкий, Межигорский¹ в Киеве.

На мысу, опоясанном оврагами, — Рыхловский, Глуховско-Петропавловский.

На небольшом плато у склонов — Кирилловский², Михайловский Златоверхий и Никольский в Киеве, Горнальско-Белгородский, Молченско-Путивльский³, а также Елецкий и Троицкий в Чернигове.

На возвышенной, изрезанной оврагами местности — Киево-Печерская лавра, Софрониевский монастырь.

У подножья горы — Фроловский монастырь в Киеве⁴.

Из приведенной классификации видно, что из двадцати одного только семь монастырей расположены на спокойном рельефе.

На ровной местности монастырские стены имели самую простую, четырехугольную конфигурацию. Лучшим примером такого рода является план Густынского, а также Горнальско-Белгородского монастыря, красиво возвышающегося над равниной реки Псла. План этого совсем неисследованного ансамбля представляет собой слегка вытянутый прямоугольник.

Также четырехугольным, со слегка скошенной одной стороной, является план разобранного в предвоенные годы Максаковского монастыря⁵.

На изрезанном рельефе крепостные ограждения приспособлены к его очертаниям. Так, стены Рыхловского монастыря (основные помещения разобраны), следуя примерно на одной топографической отметке контуру окруженной оврагами территории в виде мыса, образуют на плане треугольную конфигурацию.

В тех случаях где это было возможно, главный вход в монастыри делался с западной стороны и отмечался установкой колокольни или надвратной башни (Гамалеевский, Максаковский, Новгород-Северский комплексы). Исключение составляют Рыхловский и Софрониевский ансамбли, где расположить вход с западной стороны оказалось невозможным.

В XVII и первой половине XVIII в. крепостные стены и башни были значительно выше, тогда они являлись по-настоящему оборонными сооружениями. Окружающие рвы были глубокими, иногда наполненными водой, с перекинутыми подъемными или легко разбирающимися мостами. Как

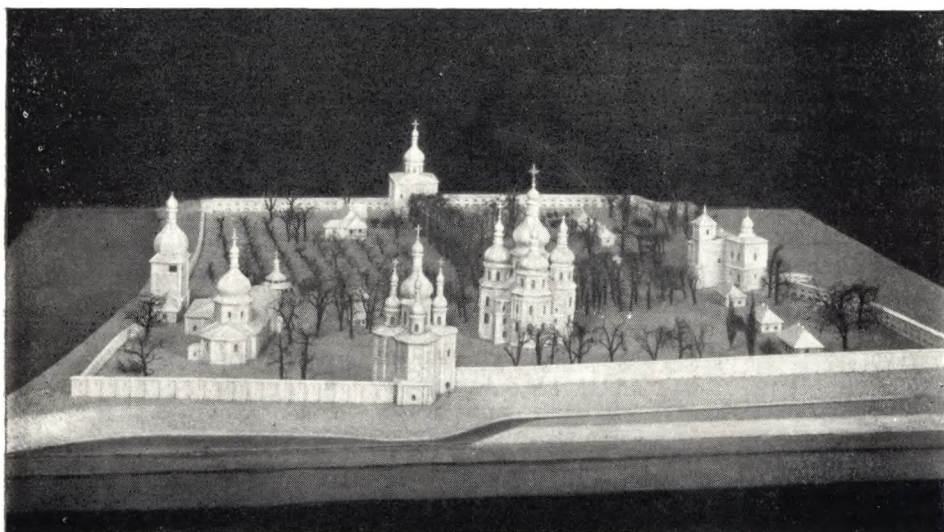
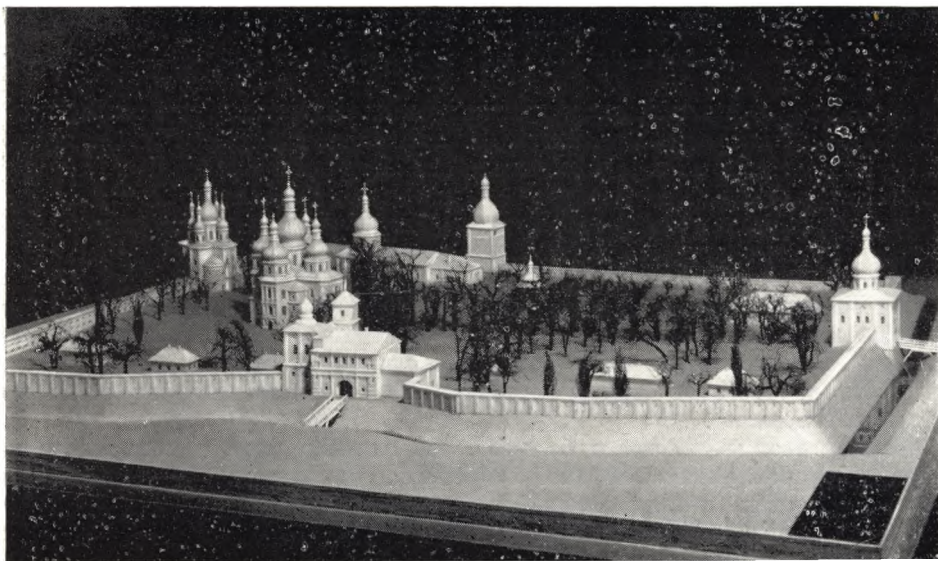
¹ ЦГВИА, ф. 3, оп. 18, д. 2527. План XVIII в.

² ЦГИАЛ, ф. 1488, оп. 2, д. 130, л. 1-21734.

³ Схематический обмер Молчинского ансамбля в Путивле произведен в 1958 г. НИИТИ АСИА УССР.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1488, оп. 2, д. 145, 1840 г.

⁵ Интересно отметить, что два плана Максаковского монастыря, выполненные в 30-х годах XIX в., разнятся между собой, а также значительно отличаются от обмеров с натуры. Оба плана изображены прямоугольными, что не соответствует действительности. В других случаях проверка старых планов обмерами с натуры дает полное совпадение (например, архивные планы и обмеры с натуры Гамалеевского монастыря).



*Густынский монастырь (XVII—XVIII вв.). Макет. Вид с северо-запада и с востока
(музей НИИТИ АСИА УССР)*

отметил в своих записках Алеппский, въездные башни-колокольни часто имели большие часы с боем. В амбразурах крепостных стен виднелись жерла пушек.

Между городскими и монастырскими укреплениями не было особой разницы. Очень колоритно о таких укреплениях Киева начала XVIII в. писал И. Лукьянов: «...а по городской стене все караулы стоят крепкие, по сту сажен караул от караула: и в день и в ночь все полковники ходят; тихонько осматривают, так ли крепок караул; а ночи уснуть не дают, все караул кричат и окликают: кто идет? Зело опасно блюдут сей град, да надобе блюсти»¹.

На Украине хорошо сохранился один ансамбль, который напоминает русские монастыри. Это Новгород-Северский, Спасо-Преображенский монастыри. Центром этого ансамбля являлся ныне не существующий собор, на месте которого во второй половине XVIII в. был построен новый по проекту Кваренги².

Выше говорилось, что в большинстве случаев вход в монастыри на Украине устраивался с западной стороны, а расположение зданий внутри крепостных стен (обычно кельи) составляло направляющую ось от входа к главному собору. Этот принцип полностью выдержан и в данном случае: кельи и трапезная с одной стороны и параллельный ему настоятельный корпус с другой образуют как бы коридор от входа к собору. Таким образом определяется осевое построение ансамбля в направлении запад — восток. Этот строгий порядок расположения зданий подчеркивается также зданием бурсы, которая стоит сзади собора перпендикулярно оси, как бы замыкая ее в конце.

Композиционная ось запад — восток выявлена также и в планировочном приеме въезда в монастырь.

Единственный въезд в монастырь отмечен надвратной башней — колокольней XVII в. Ее высота недостаточна для того, чтобы акцентировать въезд и подчеркнуть осевую композицию. Поэтому перед входом была устроена трапецеидальная площадка, фланкированная вынесенными вперед двумя башнями. Несомненно, что этот прием имел также оборонное значение (удобный обстрел подступов с боковых башен).

¹ Путешествие в Святую землю священника Иоанна Лукьянова в начале XVIII в. «Русский архив». кн. 1, 1863, стр. 40.

² Раскопки древнего здания производились архитектором Н. Холостенко (Н. Холостенко. Исследование памятников архитектуры Новгород-Северска. Сб. сообщений Киевпроекта, № 6, 1956 г. Его же. Исследование памятника XII в. в Новгород-Северске. Там же, № 1—2, 1958 г.). Возможно, что представление о первоначальном виде этого здания можно составить по титульному листу книги «Анфологион», отпечатанной в Новгород-Северской типографии в 1678 г., где изображено пятикупольное здание, непохожее ни на одно из известных древних зданий Новгород-Северска. Можно предположить, что это и есть древний собор Спасо-Преображенского монастыря.

АРХИТЕКТУРА КАМЕННЫХ ЗДАНИЙ ¹

К концу XVII в. военные действия на Украине утихают, налаживается экономика страны. Для украинского народа в этих новых, неизмеримо более благоприятных условиях естественно горячее желание украсить свою освобожденную от гнета родину произведениями зодчества, созданными творческим гением народа. Вырабатывается национальный тип украинского храма, восходящий к более ранним прототипам, и в то же время наделенный чертами оригинальной самобытности. Главное в композиции подобных сооружений — строгая центричность. Эти храмы — как бы монументы в честь свободного, гордого, сильного человека, выстоявшего и победившего в тяжелой борьбе.

Кроме культовых зданий, со второй половины XVII в. начинает строиться из кирпича большое количество зданий гражданского назначения.

Сооружения XVII — XVIII вв. на Левобережье и Поднепровье по их функциональному назначению можно разделить на следующие основные группы: производственные (гуты, рудни, мельницы, винокурни, воскобойни, солодовни, броварни, здания суконных, полотняных и других мануфактур, типографии); хозяйственные (каменицы хозяйственного назначения, торговые здания, арсеналы и др.); жилые (гетманские дворцы и дворы, дома казацкой старшины и городских мещан); административные (полковые и сотенные канцелярии, магистраты, суды, цеховые дома и др.); учебные (здания академии, бursы, коллегииумы, школы); лечебные и разного рода интернаты («шпитали», дома сирот, дома престарелых и т. п.).

¹ Ввиду того, что начало строительства отдельных зданий иногда установить трудно, в данной главе в ряде случаев указана только дата окончания строительства.

культовые (церкви, соборы и монастыри; в состав последних входили также различные здания гражданского назначения).

О массовом характере строительства зданий гражданского назначения в XVIII в. говорят следующие данные. По ревизским полковым книгам 1740—1747 гг. только по семи полкам — Нежинскому, Лубенскому, Черниговскому, Переяславскому, Полтавскому, Прилукскому и Миргородскому — числилось 864 школы и 569 «шпиталей»¹. Часть зданий, даже производственные, были деревянными или глинобитными; по объемно-пространственному построению они не отличаются от каменных. Домашний способ производства, ремесло и зачаточная мануфактура не требовали возведения каких-либо особых зданий, отличающихся от обычных хозяйственных построек. Даже выплавка металла производилась в деревянных сараях, как это видно из чертежа 1732 г. села Деменки на Черниговщине. Вполне понятно, что эти производственные здания до нас не дошли.

Каменные здания жилого, административного, учебного и других назначений также сохранились в небольшом количестве. По своей структуре они являются довольно сходными между собой и в большинстве случаев относятся к немногочисленным вариантам простого камерного построения.

Жилые здания

Фактические сведения о жилых зданиях XVII — XVIII вв. настолько скудны, что нельзя пренебречь даже литературными описаниями этой архитектуры, относящимися к XIX в.² Важно отметить, что не существовало принципиальной разницы между жилищем казацкой старшины и жилищем простого народа. Селянские хаты с их убранством являлись прототипом жилищ казацкой старшины, которые были просто больше по размеру. Однако постепенно, с ростом имущественного состояния казацкой старшины, этот простейший тип жилья усложнился.

В архивах хранятся материалы довольно часто производившихся описей имущества казацких старшин. В описях обычно содержится подробная характеристика внутреннего убранства жилых зданий, что в какой-то степени дает представление о самих постройках. Одним из самых полных описаний такого рода является опись имущества опального гетмана Полуботка, составленная по распоряжению царских властей в 1724 г.³

¹ Ефименко А. История украинского народа, вып. II. 1906, стр. 329.

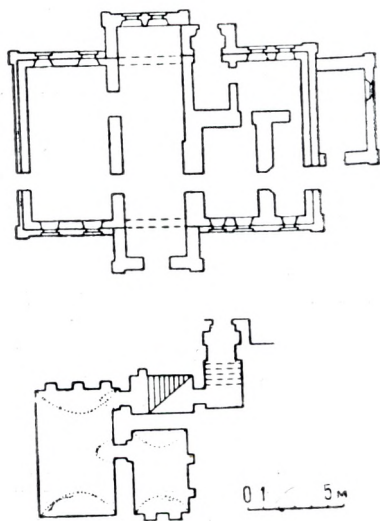
² Такие описания даны в исторических романах и повестях А. Стороженко, Д. Мордовцева, Г. Квитко-Основяненко, М. Старицкого. Наиболее интересным является описание хутора и дома Тараса Бульбы в одноименной повести Гоголя. В романе П. Кулиша «Михайло Чарнышенко или Малороссия 80 лет назад» описывается дом Генерального судьи Чарныша в местечке Воронеже, который был построен якобы по образцу дома Хмельницкого в Субботове.

³ Книга пожиткам Полуботка. — Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М., 1862, стр. 1—133.

От замков Хмельницкого в Субботове и Чигирине в настоящее время сохранились лишь остатки в земле, по которым ничего определенного об этих зданиях сказать нельзя. Также в земле находятся остатки гетманского замка в Батурине. Несомненно, в Батурине до его разрушения в 1709 г. было много каменных жилых домов, но от них ничего не осталось, сохранились только остатки дома Кочубея. В описи 1725 г. сказано: «...город Батурин земляной, в том городе два замка пустые, около них вольварки и стены разваленны; в Малом... был изменника Мазепы двор, в длину 53, в ширину 38 сажень...»¹. Проходит еще 25 лет, но Батурин пребывает все в том же состоянии развалин. В описи Батуринской волости за 1750 г. сказано: «Город Батурин над рекой Сеймом, вал земляной весь обвалился, пуст и жилого строения никакого не имеет, в нем давнего каменного строения две церкви, все поразваливалось»².

В Глухове в начале XVIII в. существовали многочисленные жилые, хозяйственные и административные здания казацкой старшины. В записках Лукьянова о Глухове сказано: «Строение в нем преузорочное, светлицы хорошие, палаты в нем полковника Стародубского-Миклашевского — зело хороши. Ратуша зело хороша и рядов много; соборная церковь хороша очень, Зело лихоманы хохлы затейливые к хоромному строению»³.

После шведской войны и разрушения Батурина Глухов стал гетманской резиденцией и начал застраиваться еще более интенсивно. Здесь в центре города, возле ныне существующей Николаевской церкви были выстроены обширные дворы гетманов Скоропадского и Апостола. Но вскоре строения Глухова были почти полностью уничтожены грандиозным пожаром 1748 г.; сгорели и гетманские дворы. В 1784 г. Глухов вновь был опустошен ужасным пожаром, в огне погибли не только все деревянные строения, но и большинство каменных.



*Дом Кочубея в Батурине
(XVII в.). Планы наземного этажа
и подвала*

¹ Историко-статистическое описание Черниговской Епархии, т. 1, 1870, стр. 335.

² ЦГИА УССР, ф. 269, оп. 1, ед. хр. 56, 1750 (Канцелярия гетмана Разумовского).

³ Путешествие в святую землю священника Иоанна Лукьянова в начале XVIII в. «Русский архив», кн. 1, 1863, стр. 33.

Как видим, в Чигирине, Субботове, Глухове и Батурине — во всех этих гетманских резиденциях — не сохранилось жилых зданий XVII — XVIII вв. Как одиночные примеры, они сохранились в других, менее значительных населенных пунктах.

Следует заметить, что говорить о трех украинских столицах — Чигирине, Глухове и Батурине — можно лишь с известной долей условности. Фактической столицей нередко был тот населенный пункт, где в это время жил гетман. Так, например, гетманские дворы с каменными зданиями крупнейшего магната своего времени Полуботка находились в Чернигове, Любече, в селах Груньки и Михайловке Сумского полка. По описи значится, что в Полуботковом дворе в с. Михайловке были большие и малые хоромы, «на тех хоромах горница и приделец, за нею баня», в селе Груньки «Полуботка двор окружен в замет бревнами, на дворе церковь... да хоромного строения светлица с двумя большими окнами, при ней сени», в Гадяче «на одном дворе две светлицы с комнатою, между ними сени, при сенях крылец и оные хоромы ветхи», в Любече «двор его Полуботков в замке... под светлицами 6 погребов, в них 2 пушки»¹.

Дворы гетманов Апостола и Брюховецкого находились в Гадяче, а также в селе Сорочинцах. Сохранились их описи. Гетманские дворы существовали в местечке Ропске, а также на хуторе Поросючка около Бахмача. Сохранилось описание этой загородной гетманской резиденции за 1750 г.: «Хутор Поросючка над рекою Бахмачем в нем старого строения светлица с комнатою и сеньми рублеными, да к комнате вновь приделаны сеньцы малые, в оних светлице и комнате окошек с окончинами с затворками на железные завесы двое»².

Сохранились и более поздние сведения о характере жилища казацкой старшины. Так, например, из описания имущества запорожского кошевого П. Калнышевского в 1768 г. узнаем, что его хутор («зимовник») состоял из трех хат, из них одна «господская, рубленая, крытая гонтом, о двух печах» с сенцами, несколькими «присенцами» и кладовыми; три амбара, возовня, две конюшни, два погреба, ветряная мельница и т. д.³

¹ Книга пожиткам Полуботка. Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских., М. 1862, стр. 29—81.

² ЦГИА УССР, ф. 269, оп. 1, ед. хр. 56, листы 24—26 (Канцелярия гетмана Разумовского). В 1958—1959 гг. автор предпринял поиски остатков этого гетманского двора. Оказалось, что около станции Бахмач, в Поросюцком лесу есть искусственный остров, окруженный рвом шириной 30—50 м, заполненный водой. Остров образует овал диаметром примерно 300—500 м. На острове стоят вековые деревья, а в центре находится слегка возвышенная площадка, на которой заметны следы строений.

³ Голобуцкий В. Запорожское казачество. Киев, 1957, стр. 366.

На основании отрывочных и далеко не полных данных о жилых зданиях можно сделать все же некоторые общие выводы. В большинстве случаев жилой дом — деревянный или каменный — представлял собой тип обычной сельской хаты «на две половины». Крыши домов были довольно высокими и покрывались тесом, гонтом, иногда камышом или черепицей. Дворы гетманов и старшин содержали большое количество хозяйственных построек — сараев, кухонь, бань, погребов, конюшен и т. д. Нередко кухонные помещения выносились в отдельные небольшие здания во дворе поблизости. Другие хозяйственные постройки располагались не на отдельном хозяйственном дворе, как это делалось позже, а в комплексе с жилым домом и домами обслуживающей челяди.

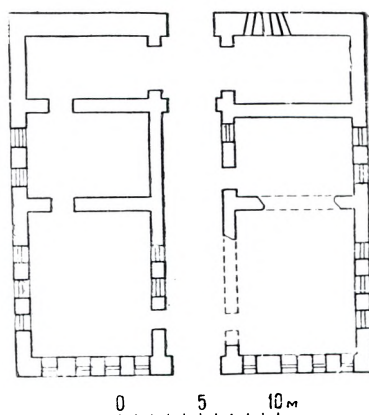
К числу памятников украинского гражданского зодчества конца XVII в. относится дом генерального судьи Кочубея в Батурине. В перестроенном виде он существовал до Отечественной войны. Во время войны дом сильно пострадал, остались целыми только подвал и часть наружных стен.

Исследования показали, что в XIX в. сохранившиеся древние стены по наружному периметру были обложены новой кладкой. Наземная часть здания оказалась как бы заключенной в футляр и благодаря этому сохранилась. Небольшие выступы с двух продольных фасадов были пристроены позже. Под зданием расположен большой подвал с глубокими нишами-шкафами в стенах.

Как известно, Кочубей был одним из богатейших феодалов Украины. Но по объемно-плановому построению дом Кочубея представлял по сути большую каменную хату, состоящую из нескольких примыкающих друг к другу комнат. В сохранившейся части дома таких камер-комнат можно различить три, но возможно их было больше, так как при реставрации в XIX в. часть старого здания была разобрана.

Более сложной планировкой отличаются два здания также конца XVII в. — известный дом Лизогуба в Чернигове и так называемый дом Полуботка там же, до настоящего времени совсем неизвестный.

Вопрос о черниговских домах Полуботка возникал давно. Как мы отмечали, сохранилось подробное описание имений Полуботка, в том числе в Чернигове: «...двор его за рекою Стрижем, где он сам жил и дети



*Так называемый дом Полуботка в Чернигове (XVII в.).
План*

его в нем; строенные палаты каменные», и далее: «Каменное строение Полуботка в Черниговском замке»¹.

В известной работе Шафонского также сказано, что «кроме дома за Стрижнем имеется еще и дом каменный, где городской магистрат помещен в крепости. Он принадлежал также черниговскому полковнику Полуботку и... после пожара 1750 г. бывшего, куплен прежним черниговским магистратом, в котором оный и находится»².

Дом Полуботка за Стрижнем был построен отцом гетмана; следовательно, он был сооружен еще в конце XVII в., а возможно и значительно раньше.

Однако на основе описи этого дома, составленной в 1724 г., невозможно составить представление об архитектуре здания. Вопрос об этом редком памятнике осложнялся тем обстоятельством, что в первой трети XIX в. он был перестроен под семинарию и таким образом стал недоступным для изучения. Об этом доме постепенно забыли и в трудах по истории украинской архитектуры он нигде не упоминается.

В результате предпринятого нами исследования установлено, что в составе довольно большого и сложного комплекса бывшей семинарии находится не один, а даже два старых корпуса, датируемых, по-видимому, рубежом XVII — XVIII вв.³ Оба они надстроены. План одного из корпусов близок к квадрату. По центру этого здания идет широкий коридор, а по сторонам от него располагается по три комнаты с каждой стороны. В одной из них сохранилось древнее сводчатое перекрытие. Под зданием устроен подвал.

Категорически утверждать, что это здание и есть дом Полуботка, трудно, хотя такое допущение вполне возможно. Косвенным подтверждением может быть план Черниговской семинарии 1853 г., на котором показан «каменный, двухэтажный корпус с погребами, в коем классические комнаты в обоих этажах помещаются»⁴.

Планировка показанного на плане дома в принципе сходна с планировкой каменниц XVII в. Это здание, самое старое в комплексе семинарии, может быть, и является домом Полуботка.

Оставляя открытым вопрос о принадлежности этого дома Полуботку, важно отметить, что его планировка является несколько усложненным, как бы двоянным вариантом камерного построения.

¹ Книга пожиткам Полуботка. Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. М., 1862, стр. 29. Имение Полуботка за рекой Стрижнем упоминается также в работе Филарета (Гумилевского) — Историко-статистическое описание Черниговской епархии, т. V. 1874, стр. 71.

² Шафонский А. Черниговского наместничества топографическое описание, М., 1851, стр. 279.

³ В 1959 г. исследования и обмер остатков древних зданий в составе семинарии произведены автором, П. Н. Мусенко и С. А. Таранушенко.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 835, оп. 1, д. 1008.

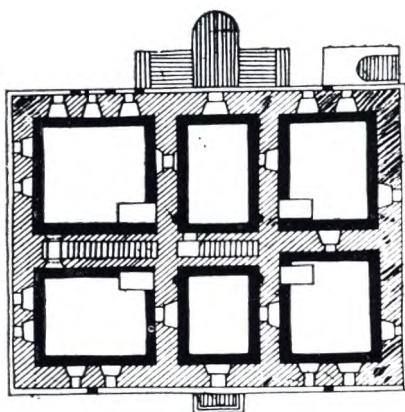
Следует отметить, что аналогичные схемы простого камерного построения жилых домов как кирпичных, так и деревянных были характерны не только для украинской архитектуры, но и для зодчества других народов, например русских, болгар, чехов и словаков. В основе своей этот тип имеет прообразом деревянную клеть.

Из описаний дома Полуботка за Стрижнем не ясно, был ли он двухэтажным. Но зато в описи ясно сказано, что второй дом Полуботка в Черниговском замке был двухэтажным: «наверху две палаты, внизу четыре палаты». Все же по характеру остатков дома за Стрижнем, вполне можно допустить, что он также был двухэтажным¹.

Единственным хорошо сохранившимся памятником жилой архитектуры конца XVII в. с исключительно богатым декоративным убранством фасадов является известный дом Лизогуба в Чернигове. Здание уникально во всех отношениях и о нем написано изрядное количество работ. Изучение этого памятника осложнялось тем, что здание горело в 1718 г. и впоследствии неоднократно перестраивалось. Здание перекрыто двускатной кровлей, высота которой по центру равна высоте первого этажа (от карниза до уровня земли). В высоких фронтонах на торцах устроено по три окна такого же размера, как и в первом этаже.

Под всем зданием расположен сводчатый подвал, высота которого равна высоте помещений основного этажа. Планировочная структура дома выявлена на фасадах с помощью широких пилястр. Но соответствие нарушено произвольной разбивкой оконных проемов, что является результатом переделок. Пропорциональный анализ плана говорит о том, что он построен на соотношении стороны квадрата и его диагонали.

Появление здания светского назначения со столь развитой пластической обработкой свидетельствует, что в украинской архитектуре в конце XVII — начале XVIII в. происходят процессы, аналогичные тем, которые несколько ранее зародились в зодчестве Московского государства, а именно так называемое обмирщение архитектуры.



*Дом Лизогуба в Чернигове (XVII в.).
План XVIII в.*

¹ Косвенным доказательством наличия двухэтажных жилых домов являются так называемые вертепы, т. е. макеты двухэтажных домов в кукольных представлениях в XVII—XVIII вв.



Дом Лизогуба в Чернигове (XVII в.). Восточный фасад

В разное время были высказаны различные точки зрения о назначении этого здания. О нем писали такие известные исследователи, как Ф. Горностаев, Н. Султанов, Г. Лукомский, В. Модзалевский и др. В специальной статье Ф. Эрнст еще в середине 20-х годов подвел итог исследованиям и изложил свою точку зрения, которая сводилась к тому, что здание не предназначалось для жилья, а вероятнее всего было военным арсеналом¹.

В 1930 г. в статье П. Федоренко были опубликованы ранее неизвестные графические материалы по памятнику. План этого здания с надписью «Фасад полковой черниговской канцелярии и суда городского» (показан именно план, а не фасад) примечателен, в частности, тем, что на чертеже совмещено изображение первого и подвального этажей. Оба этажа были одинаково разделены на шесть камер; то, что первый этаж сейчас пятикамерный, является следствием позднейшей переделки. На чертеже показаны печи, и поэтому предположения, что здание было неотапливаемым и, следовательно, нежилым, оказались несостоятельными. В работе Шафонского (написанной в годы составления упомянутого чертежа, т. е. в 1780 г.) есть прямые указания, что здание принадлежало Лизогубу было его жилым домом².

На чертеже показаны во внутренней стене две встроенные лестницы. Одна из них ведет на чердак, а другая — в подвал. Из этого можно заключить, что не только подвал, но и чердак использовались для каких-то практических целей, чем и объясняется устройство окон в последнем.

Некоторые из исследователей считали, что именно это здание является примером влияния на украинскую архитектуру польско-немецкого барокко. Это по меньшей мере странное суждение. Ни один из исследователей не мог назвать хотя бы один памятник польской или немецкой архитектуры, который имел бы формы, аналогичные с черниговским. К тому же национальная специфика создается не декоративными приемами, а объемно-пространственной структурой, которая в данном случае является традиционной и восходит к более простым схемам, свойственным как украинской, так и русской архитектуре.

Допустимо предположить, что это интересное во всех отношениях здание было двухэтажным или же было задумано и начато строительством как двухэтажное, но в силу каких-то причин второй этаж не был возведен. Об этом свидетельствуют очень высокие торцовые фронтоны с окнами. Осмотр кладки фронтонов показывает, что они выкладывались по верху сводов с выступами, как будто предназначенными для устройства пола второго этажа. Об этом же говорит и нарядное декоративное

¹ Эрнст Ф. «Мазепин будинок» у Чернігові. В сб.: «Чернігів і північне лівобережжя». Київ, 1928.

² Шафонский А. Черниговского наместничества топографическое описание. М., 1851, стр. 279.

убранство фронтонов, которые могли быть торцовыми стенами второго этажа. Такое допущение тем более вероятно, что в Чернигове был, как мы видели, двухэтажный жилой дом Полуботка. Известно также, что в Киеве на Подоле существовал двухэтажный так называемый дом Артемихи, который по деталям наружной архитектуры довольно близок рассматриваемому памятнику.

В селе Ивановском Рыльского района Курской области сохранились палаты Мазепы. В 1703 году, когда этот гетман находился в зените своей власти, грамотой Петра I ему были переданы во владение огромные земельные угодья на границе России и Украины, где были основаны селения Ивановское, Степановка и Мазеповка по имени, отчеству и фамилии гетмана. Палаты в Ивановском — это одноэтажное с подвалом и высокими фронтонами здание, по объемно-пространственному построению напоминающее Лизогубовский дом в Чернигове, но с более простой пластической обработкой.

Этот малоизвестный и редкий памятник украинской гражданской архитектуры заслуживает дальнейшего тщательного изучения (Федоров С., «Марьино». Воронеж, 1965).

Характерным памятником конца XVII в. является так называемая Лизогубовская каменица в Седневе (кроме домов в Чернигове, Лизогубами были построены южный придел Елецкого собора в Чернигове, храмы усыпальница и каменица в Седневе).

План седневской каменицы также представляет собой прямоугольник, но более вытянутых пропорций (1 : 3,5) по схеме «хата на две половины» — в центре вход с сенями, по сторонам симметрично расположено по два помещения. Подвал повторяет планировку первого этажа. Все покрытия сводчатые.

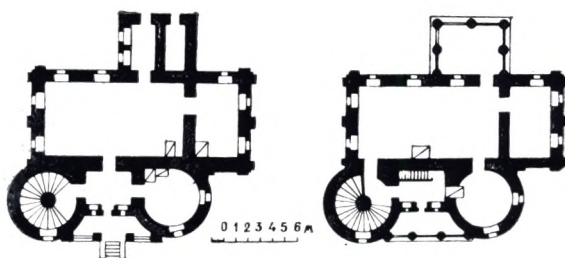
Обстоятельно изучивший это здание и посвятивший ему специальную работу С. А. Таранушенко высказывает предположение, что оно не было жилым и предназначалось для административных или хозяйственных целей¹. По мнению исследователя, это подтверждается тем, что не во всех помещениях каменицы есть следы отопления; кроме того, на окнах устроены решетки, а все здание снабжено мощными дверями с запорами.

Однако в этих фактах трудно усмотреть прямые доказательства того, что это здание никогда не было жилым. Как мы видели, то же самое предполагалось и в отношении Черниговского дома Лизогуба. Вероятно, и Седневский дом был жилым, поскольку он находился в загородном имении, а не в полковом центре, то его внешний вид был более скромным. Что же касается решеток на окнах и мощных дверей, то эти черты обобщенного характера свойственны многим жилым зданиям того времени.

Об этом свидетельствует, в частности, архитектура так называемого

¹ Таранушенко С. «Лизогубівська кам'яниця в Седневі», Харків, 1932.

домика Петра I в Киеве, хорошо сохранившегося до наших дней¹. Объемно-планировочная структура этого двухэтажного маленького здания является уникальной. К прямоугольному объему с одной стороны пристроено крыльцо с арками по второму ярусу, а с противоположной стороны — две круглые башни, которые кажутся несоразмерно



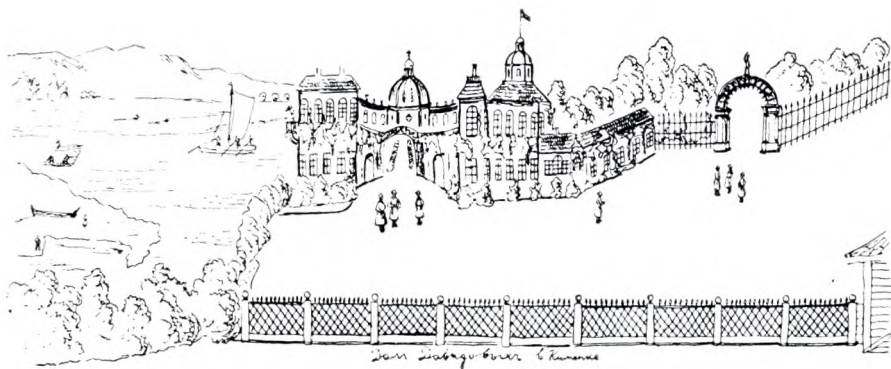
*Так называемый дом Петра I в Киеве (XVIII в.).
Планы первого и второго этажей*

большими по отношению к основному корпусу. Можно допустить, что это необычайное здание является своеобразной романтической реакцией первой половины XVIII в. на ранее существовавшие каменницы-крепости, в которых возможно были оборонные башни.

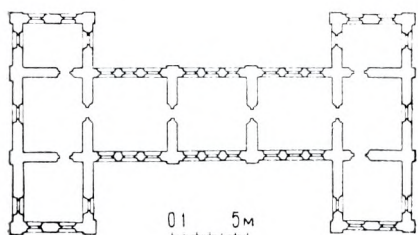
Другим примером такого рода архитектуры, в которой романтически воспроизведены оборонные черты, практически уже отжившие, являлся дом Давыдовых в селе Каменка на Днепре (впоследствии место деятельности южной группы декабристов). Сохранился акварельный рисунок этого дома, датированный 1823 г., а также его описание. Автор рисунка

¹ О времени постройки этого дома существуют разные мнения. К. Шероцкий датирует здание 1704 г. и повторяет версию Закревского о том, что в этом доме останавливался Петр I (Шероцкий К. Киев, 1917, стр. 198).

Ф. Эрнст полагал, что дом построен в 1740 г. и, следовательно, никакого отношения к Петру I не имеет (Эрнст Ф. Киев. Путеводитель. Киев, 1930, стр. 615).



Дом Давыдовых в с. Каменке на Днепре. Рисунок нач. XIX в.



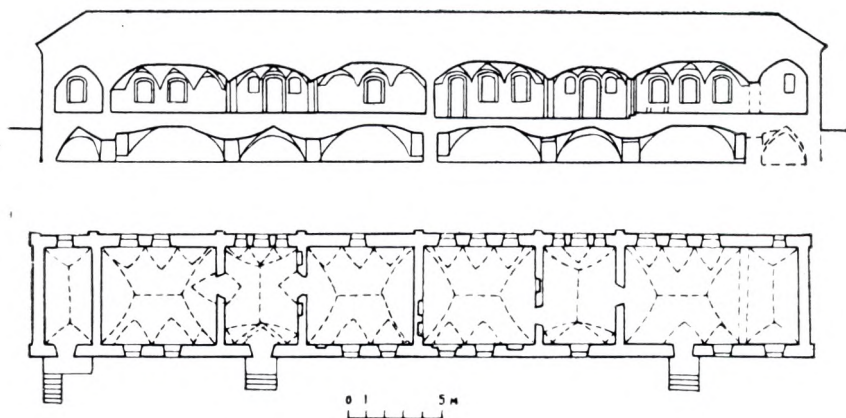
Северные кельи Елецкого монастыря в Чернигове (XVII в.). План

и описания — служащий канцелярии Малороссийского генерал-губернатора Райдаровский. В описании сказано: «Дом Давыдовых обширный, построенный разными зигзагами, некоторые части были в два этажа и видно, что его пристраивали не раз. Это было нечто в роде древнего рыцарского замка, недоставало только подъемного моста при входе и звуков рога замковой стражи»¹.

Интересным развитием принципа камерного построения жилых зданий являются корпуса монастырских келий. Расположенные в ряд жилые комнаты образуют вытянутый корпус, перекрытый обычно сводами. Большинство сохранившихся зданий относится к первой половине XVIII в. (келии Киево-Печерской лавры, Елецкого и Троицкого монастырей в Чернигове, Гамалеевского, Домницкого, Рыхловского и других монастырей).

Большой интерес представляют многообразные варианты входов в кельи. Простейшим вариантом является вход с главного фасада в каждую комнату отдельно. В других случаях несколько длинных сеней разделяют корпус и из них направо и налево ведут двери в кельи. Иногда

¹ Черниговский областной архив, ф. 674, оп. 2, ед. хр. 4. л. 513—514. Сведения предоставлены автору П. Н. Мусиенко.



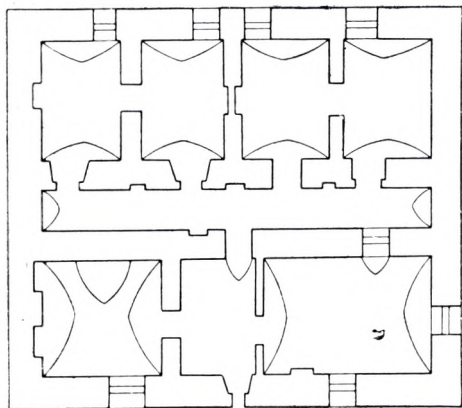
Кельи Благовещенского монастыря в Нежине (XVIII в.). План и разрез

также сени-коридор устраивались двойными. Наконец, выходы из этого коридора располагались иногда с двух противоположных сторон: один — в сторону главного фасада, другой — в противоположную сторону, обычно в сад.

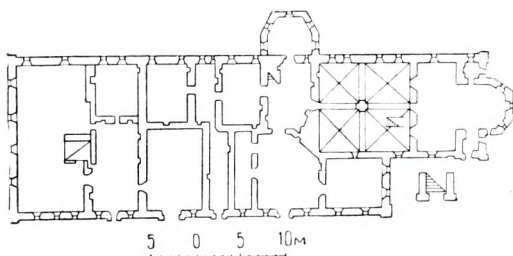
В большинстве случаев архитектура монастырских корпусов очень проста. Стены либо совсем гладкие, либо расчленены редко расставленными пилястрами. Лишь фронтоны

на торцах и крыша с заломом обогащают силуэт зданий. В этом отношении исключением являются кельи Елецкого монастыря в Чернигове, где на северном корпусе устроен довольно сложный карниз, а в восточном — своеобразные наличники, объединяющие сразу три окна. Этот прием образует четкий ритм главного фасада.

Если восточный корпус Елецкого монастыря как обычно вытянут в одну линию, то строители северного корпуса разделили здание на три части, одна из которых образует центральную часть, а две другие расположены перпендикулярно ей. Это единственный пример такой компактной композиции. Иногда жилые монастырские корпуса располагались «глаголем», как, например, в Гамалеевском монастыре, Кирилловском монастыре в Киеве и Троицком в Чернигове.



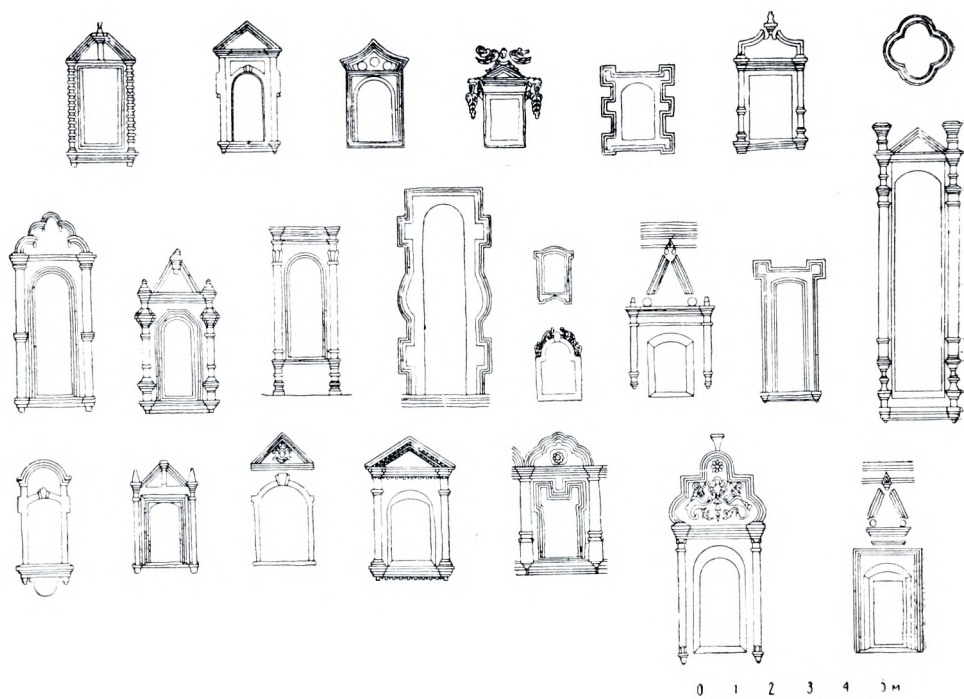
*Жилой дом в Глухове (XVIII в.).
План первого этажа*



Трапезная и кельи Спасского Новгород-Северского монастыря (XVII в.). План

Следует отметить одну конструктивную особенность корпусов монастырских келий. Почти всегда внутренние перегородки в них были капитальными и каждая ячейка перекрывалась отдельным сводом.

Простейший линейно-камерный тип жилого здания со временем уступает место более развитым схемам. Длина жилого корпуса сокращается за счет сдвоенного ряда камер (дом Лизогуба в Чернигове), а также благодаря новой планировке жилого корпуса, с сильными выступами ризалитов. Такова планировка митро-



Типы оконных наличников гражданских и культовых зданий

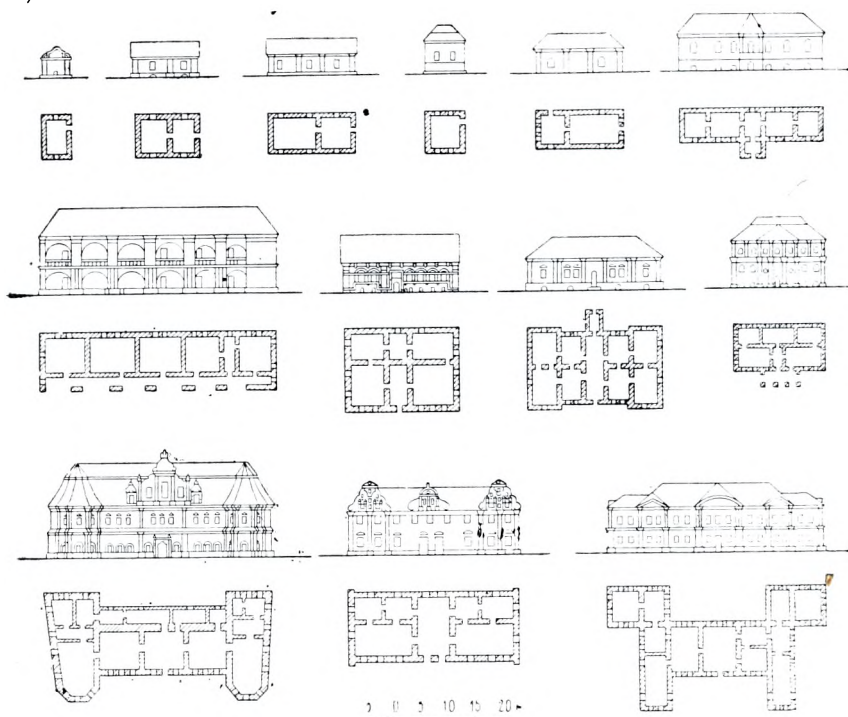
верхний ряд — Софийский собор в Киеве (пристройка XVII в.); церковь в с. Полонки, Черниговской обл. (XVIII в.), Черниговский коллегиум (XVII в.), Мгарский собор (XVII в.), собор Крестовоздвиженского монастыря в Полтаве (XVIII в.), коллегиум в Чернигове (XVII в.), Мгарский собор (XVII в.); средний ряд — собор в Изюме (XVII в.), церковь на Экономических воротах Киево-Печерской лавры (XVII в.), Троицкий собор Густынского монастыря (XVII в.), Собор Крестовоздвиженского монастыря в Полтаве (XVIII в.), трапезная Никольского монастыря в Киеве (XVII в.), трапезная Троицкого монастыря в Чернигове (XVII в.), церковь Предтечи в Стародубе (XVIII в.), Екатерининская церковь в Чернигове (XVIII в.); нижний ряд: Покровская церковь на Подоле в Киеве (XVIII в.), церковь Николая в Путивле (XVIII в.), Полковая канцелярия в Козельце (арх. А. Квасов, XVIII в.), церковь в Лютеньках Полтавской обл. (XVII в.), дом Лизогуба в Чернигове (XVII в.), трапезная Никольского собора в Киеве (XVII в.), трапезная Троицкого монастыря в Чернигове (XVII в.)

полицьего дома Софийского заповедника в Киеве, так называемого дома Заборовского. Если в черниговских кельях мы видим только более компактное решение плана, при сохранении весьма простых наружных объемов, то в данном случае граненые ризалиты и более усложненная внутренняя планировка создают несравненно более развитую композицию как в функциональном, так и в художественном отношении. Кроме жилых помещений в здании была также домовая келейная церковь. Новые качества выступают особенно наглядно после перестройки здания в середине XVIII в. С двух сторон продольного корпуса появляются высокие фрон-

тоны, которые становятся весьма излюбленными элементами в зданиях самого различного назначения.

Дом Заборовского издавна вызывал особый интерес у исследователей. Высказывались предположения, что здание было построено или впоследствии перестроено по проекту самого митрополита Заборовского. Недавно найденный архивный документ вносит некоторую ясность в этот вопрос, так как в документе назван архитектор Семен Антонов: «...новостроящейся его преосвященства келейной церкви архитектору Семену Антонову выдано уже по контракту 400 рублей, а доводится еще ему же доплату 280»¹.

¹ ЦГИА УССР, ф. 127, оп. 153, ед. хр. 82, лл. 1—2, 1758 г. (сообщено П. Н. Муссенко).



Гражданские здания. Планы и фасады

верхний ряд — каменница в Прилуках (нач. XVIII в.), каменница в Любече (нач. XVIII в.), каменница Константиновичей в Чернигове (нач. XVIII в.) (по материалам С. Таранушенко), каменница в селе Покорщина (XVIII в.), так называемый Теремок в Красном селе (XVIII в.), каменница в Седневе (XVII в.); средний ряд — бурса в Новгород-Северске (XVIII в.), дом Лизогуба в Чернигове (XVII в.), переплетная Киево-Печерской лавры (XVIII в.), Полковая канцелярия в Козельце (XVIII в.); нижний ряд — дом Заборовского в Киеве (XVIII в.), Ковнировский корпус Киево-Печерской лавры (XVIII в.), Кловский дворец в Киеве (XVIII в.)

Черты общности с митрополичьим домом имеет здание бывшего Кловского дворца, построенного в Киеве в 1753—1755 гг. двумя известными зодчими того времени: русским — П. Нееловым и украинским — С. Ковниром. Здесь тоже ризалитное, но еще более усложненное построение плана. Автором проекта был воспитанный в столице империи архитектор Неелов, о чем свидетельствует характер архитектуры здания.

Рассмотрение произведений русских зодчих на Украине является специальной темой, и мы коснемся ее здесь только попутно. На Левобережье известно несколько таких построек, это, в частности, дворец Разумовского в Глухове (1749—1751 гг.) и дворец Румянцева на окраине Глухова (1768—1773 гг.), построенные по проектам известного русского зодчего А. Квасова. Архитектура этих зданий знаменует последующий этап развития зодчества на Украине, она уже в полной мере отражает господствовавшие вкусы Петербурга. При всем этом нельзя не отметить, что план Глуховского дворца Разумовского представляет собой в принципе ту же планировочную схему, что и строившийся одновременно Кловский дворец, а оба эти здания в свою очередь, как это ни удивительно, повторяют рассмотренную выше более раннюю схему северных келий Елецкого монастыря в Чернигове.

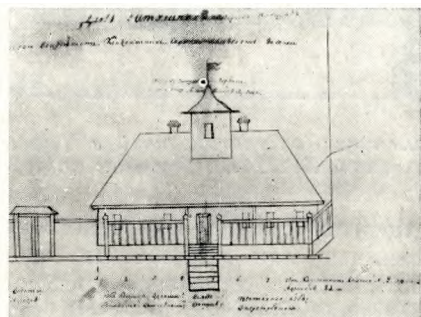
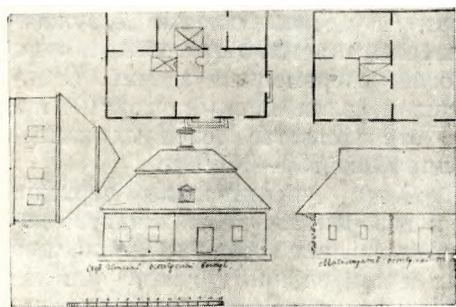
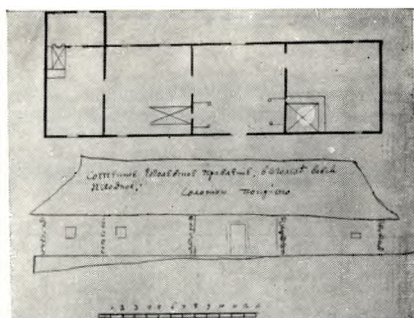
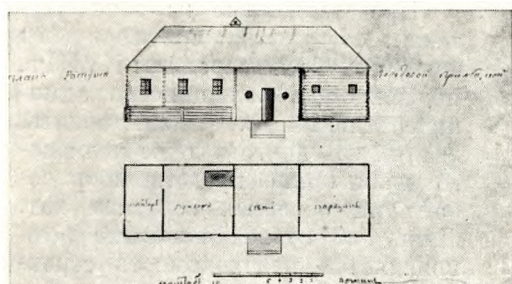
Разумеется, в этом сопоставлении не следует усматривать прямую связь. Речь идет об эволюции простейших камерных типов жилья, что приводило к различным модификациям схемы, которую можно назвать линейно-ризалитной, с постепенным переходом к анфиладной системе. Эта система в XVIII в. получила на Украине большее распространение, чем строго анфиладные и курдонерные схемы.

Общественные и хозяйственные здания

В первой стадии рассматриваемого периода общественная жизнь не требовала большого разнообразия зданий. Производственные, хозяйственные, жилые и общественные постройки в своей основе имели простое построение по типу народной хаты. Сходство подобных зданий затрудняло исследователей в определении функционального назначения некоторых из них. Мы уже говорили о том, что были высказаны самые различные предположения о назначении дома Лизогуба в Чернигове.

Известно, что каменицы самого различного назначения имели одинаковую объемно-планировочную структуру. Эти обстоятельства дают возможность объединить рассмотрение зданий общественного и хозяйственного назначения (что было бы неправильным для более позднего периода).

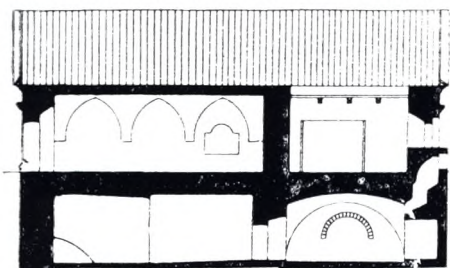
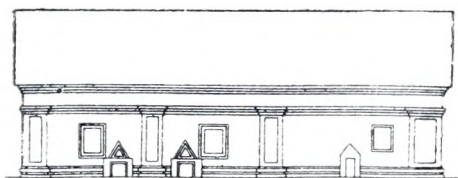
В черниговском архиве хранятся неопубликованные описи и чертежи «Каменных домов, находящихся в Малой России», составленные не поз-



Общественные здания (VIII в.) (чертежи 1784 г.): полковая канцелярия и городской суд в Прилуках; сотенное правление в Гоголеве; суд и магистрат в Остре; сотенная ратуша с башней

же 1784 г.¹ Это чертежи Бахмачской, Проховской, Конотопской, Борзенской, Беркиевской, Левицкой, Шаповаловской, Любечской, Лабинской, Черниговской, Покорницкой, Сосницкой, Синявской, Березнянской, Столпинской, Монастыринской, Пореволочской, Корибутовской и некоторых других сотенных канцелярий, судов, караулен, амбаров, конюшен и тому подобных зданий. Чертежи являются инвентарными, т. е. фиксирующими существовавшие здания. Они любопытны тем, что на большинстве из них совмещено изображение плана, фасада и разреза.

¹ Черниговский областной архив, ф. 58, оп. 1, д. 224. Частичная публикация этих материалов дана автором в статье «Українська громадська архітектура XVII—XVIII ст.ст.» Вісник АБіА УРСР, № 2, 1960.



*Каменица Константиновичей в Чернигове
(нач. XVIII в.). Фасад и разрез*

Представленные на этих чертежах сооружения подтверждают тот факт, что до середины XVIII в. подавляющее большинство административных и хозяйственных зданий сотенного и даже полкового назначения представляли собой тип обычных сельских хат. Лишь во второй половине века появляется необходимость строительства более капитальных зданий, производится учет старых построек такого рода (в результате чего и были составлены чертежи), а местные власти возбуждают ходатайства о постройке новых, более современных зданий. В архивах хранится много документов о строительстве сотенных канцелярий в 1750—1780 гг.¹

Хотя черниговские чертежи относятся к концу изучаемого периода и изображают в большинстве деревянные или глинобитные здания (наименование дела не полностью соответствует характеру представленных в нем зданий), однако они характеризуют общие архитектурно-строительные приемы, бытовавшие задолго до времени составления этих чертежей.

Планы изображенных зданий в большинстве случаев представляют вытянутый прямоугольник, равномерно разделенный на отдельные проходные или непроходные комнаты. Если план зданий приближается к квадрату, то он разделяется на такие комнаты взаимно пересекающимися перегородками без каких-либо коридоров или анфиладности. В этих зданиях значительное место занимают обычные сени. Кровли четырехскатные, реже — двускатные. Встречаются крыши с заломом и мансардными помещениями. Большинство изображенных на чертежах зданий, как это явствует из надписей, «сделаны з брусся соснового» или «пластин соснового дерева», в некоторых комнатах установлены «печи белые», а потолок «сосновый гладкий», ширина и длина зданий зависят от габаритов камер — комнат и их количества.

Примитивный характер этих чертежей, неумение различать планы, фасады и разрезy говорит о том, что более совершенная строительная

¹ ЦГИА УССР. (Харьковский филиал), ф. 7, оп. 1, д. 1440, л. 8, ф. 26, д. 412, лл. 1, 3.

культура в эту сравнительно позднюю пору касалась только немногих уникальных зданий.

Обратимся к сохранившимся каменным домам рассматриваемого типа. Так же как и в жилом строительстве, простейшими из них являются дома однокамерные, двухкамерные и т. д., вытянутые в одну линию. Украинская хата, кроме деления на две части с сенями посередине, имеет и более простой планировочный вариант — двухкамерный, состоящий из одной жилой комнаты и сеней. Ряд дошедших до нас памятников каменной гражданской архитектуры рубежа XVII—XVIII вв. наследует этот тип.

В древнем городе Любече до наших дней сохранилась так называемая каменица Полуботка, которая по своей планировке представляет именно такой тип. В настоящее время здание изуродовано пристройками с обеих торцов. Старая крыша с заломом сгорела во время Отечественной войны и заменена на двускатную. Это одноэтажное здание с подвалом. Первый этаж состоит из одного квадратного в плане помещения, перекрытого сомкнутым сводом, к нему прилегают сени, перекрытые коробовым сводом. Пять сводов расположены почти на уровне подоконника, поэтому оконные проемы глубоко врезаны в толщу свода.

Массивность стен, характер проемов, отсутствие признаков отопления и обширный подвал — все это говорит о том, что здание вероятно не было жилым. Возможно в первом этаже каменицы было служебное помещение типа канцелярии, а в подвале — склад.

Судя по рисунку художника Сластёна 1895 г., это здание было очень простым. Оконные и дверные проемы украшены незатейливыми наличниками овальных очертаний и единственный декоративный элемент фасадов — это спаренные пилястры на углах.

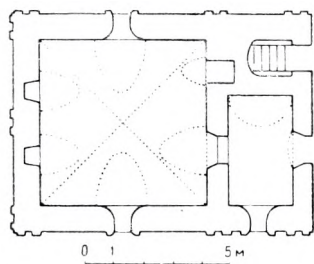
Общие черты с Любечским памятником имела так называемая каменица Константиновичей в Чернигове¹. Ее прямоугольный объем был разделен в плане на две неравные части; как обычно, под зданием был устроен подвал. Часть сводчатого перекрытия позже заменена на плоское. Небольшие оконные проемы были снабжены железными решетками и такими же ставнями. Как и в Любечском памятнике, стены продольного фасада были украшены лопатками.

Объемно-пространственная композиция такого типа характерна еще для двух дошедших до нас памятников первой половины XVIII в. Это так называемый арсенал Галагана в Прилуках и каменица в бывшей усадьбе Покорщина, около Козельца. Оба эти здания небольшие, однокамерные и имеют подвалы с многочисленными нишами в толстых сте-

¹ Здание не сохранилось. Материалы по этому памятнику предоставлены автору С. А. Таранушенко.



*Каменица Полуботка в Любече (XVIII в.). Рисунок
худ. Сластёна*



План каменицы Полуботка

нах. Устройство ниш является характерной чертой жилых и хозяйственных построек домовитой казацкой старшины.

Маленькое здание в Прилуках украшено снаружи характерными лопатками, как это имело место в каменицах Полуботка и Константинови-

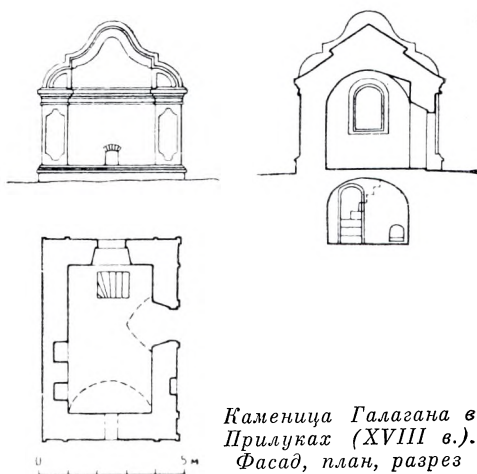
чей. Карниз включает в себя пояс из поребрика. Здание примечательно двумя высокими фронтонами, что необычно для такого небольшого сооружения. В кладке фронтонов имеются следы ранее существовавшей крыши с заломом.

Каменица в Покорщине построена, вероятно, в 1750—1770 гг., однако возможно к этому времени относится только наружный декор, а само здание построено раньше. О позднем характере декора говорят сложные профили карнизов и раскрепованных пилястр, характерные для «увражной», а не народной архитектуры.

Это квадратное в плане здание перекрыто сомкнутым сводом. Тяготение к устройству погребов проявилось в том, что тут возведены три этажа: наземный, полуподвальный и собственно подвальный, конечно, с излюбленными многочисленными нишами. Загадкой здесь является отсутствие каменной лестницы, даже не видно ее следов в наземном этаже, возвышающемся от земли на 2—2,5 м. Видимо, это здание было складским помещением и для большей безопасности хранения хозяйственного добра в верхний этаж вела деревянная приставная лестница.

Редким памятником такого же однокамерного типа является так называемый теремок в Красном селе (б. Старое село) Сумской области. Здание относится к первой трети XVIII в. Исследования памятника в натуре показали, что он был вначале одноэтажным, с подвалом и коробовыми сводами. В XVIII же веке была пристроена еще одна камера, также с подвалом, но с плоским перекрытием. В третий прием над всем зданием был построен второй этаж. Все эти пристройки легко различить. Например, рустованная обработка углов первого этажа оказалась внутри пристроенной камеры. Пилястры первого и второго этажей разнохарактерны и не совпадают. Таким образом, этот памятник является примером дальнейшего развития однокамерного типа.

Точно такая же камерная схема применялась в зданиях самых различных назначений. Таковы здания греческой школы в Нежине и келий Благоевещенского монастыря там же. Как известно, Нежин являлся крупнейшим торговым центром этого периода. В нем существовала греческая торговая колония со своим магистратом, школами, церквями и т. д. Здание греческой школы построено не позже середины XVIII в. В настоя-



*Каменица Галагана в Прилуках (XVIII в.).
Фасад, план, разрез*



Каменица в Покорщине (XVIII в.). Фасады, разрезы

щее время не перестроенным оказался только длинный подвал, равномерно разделенный на отдельные камеры. Судя по тому что планировка подвалов обычно повторяла план первого этажа, можно представить камерную схему первого этажа, в котором находились учебные классы. Подвал школы предназначался для хранения товаров греческих торговцев.

Точно также в кельях Благовещенского монастыря (20-е годы XVIII в.) первый этаж был жилым, а подвал являлся складом товаров и продовольствия (в этом нет ничего удивительного, ибо нежинские, да и другие монастыри нередко вели крупные торговые операции). Оба этажа перекрыты красивыми сводами.

Примером того, что элементарная планировочная композиция со временем подверглась усложнению, является одно из немногих сохранившихся каменных зданий в Глухове середины XVIII в. Подвал этого здания имеет посередине коридор, по обе стороны которого расположены камеры.

Таковыми же примерами постепенного развития принципов простого объемно-камерного построения являются так называемый Ковнировский корпус и переpletная мастерская в Киево-Печерской лавре, построенные известным киевским зодчим XVIII в. Степаном Ковниром. Ковнировский корпус, вначале одноэтажный, построен в 1721 г., перестроен в 1746—1751 гг. Одноэтажное здание переpletной построено в 1757—1770 гг. Хотя эти здания, особенно последнее, построены значительно позже лизогубовского и полуботковского домов в Чернигове, в композиции их планов много общего. В ковнировских зданиях простой объем по центру разделен сенями-коридором, по обе стороны которого расположе-

ны комнаты. В то же время заметна эволюция этого элементарного построения. Если ковнировский корпус представляет собой простой объем, без всяких выступов, лишь расчлененный по продольным фасадам простыми пилястрами, то в корпусе переплетной слегка намечается ризалитное построение за счет выступающих на толщину стены боковых частей. Таким образом, мы видим здесь тот же принцип композиции зданий, о котором была речь выше.

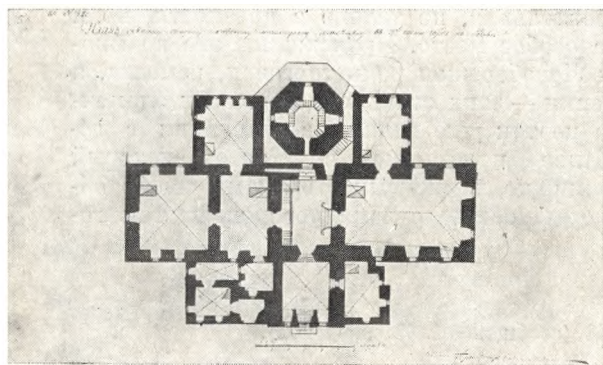
Как уже говорилось, в середине XVIII в. шла массовая перестройка зданий сотенных канцелярий. Часть из них заново строилась в камне, сохраняя свою простую объемно-планировочную структуру. В эти же годы начинается строительство канцелярий и ратуш, архитектура которых предвещает эпоху классицизма. Их авторами были не зодчие-самоучки, а архитекторы, прошедшие определенную школу.

На многие годы связавший свою деятельность с Украиной, русский зодчий А. Квасов построил полковую канцелярию в Козельце (1765 г.) и ратушу в Нежине. В 1770—1780 гг. строятся магистраты в Кременчуге и Полтаве. В 1781 г. по проекту Квасова было построено здание суда в г. Остре¹. К сожалению, из всех этих построек сохранилось только здание полковой канцелярии в Козельце. В нем также применена несложная камерная планировка, но пропорциональная соразмерность и портик на главном фасаде свидетельствуют об отходе от простоты прежних зданий сотенного назначения.

Совершенно особое место среди гражданских сооружений Украины конца XVII в. занимает здание Киевского магистрата, построенное неизвестным зодчим. Здание сгорело в 1811 г. и было разобрано. Сохранившийся подписной чертеж А. Меленского, по-видимому, представляет проект восстановления здания после того, как оно сгорело. Сравнение этого чертежа с планом здания на генплане Подола 1806 г. свидетельствует о том, что Меленский сохранил основные объемы и соразмерность старой ратуши.

Архитектура этого здания говорит о многом. Культура Киева вообще, в том числе и архитектурно-строительная, не только в древности, но и в более позднее время, занимала особое место. Происходило это по многим причинам. В новых городах Левобережья роль торговли, ремесла, а отсюда и городского самоуправления — этих столь существенных элементов социального уклада — была не так уже велика в сравнении с городами Западной Европы. Иное положение в Киеве, который не только в культурном отношении, но и многими сторонами своего общественного устройства имел черты общие с западноевропейскими городами.

¹ ЦГИА УССР, ф. 54. оп. 1 д. 1548 (сообщено Н. Новаковской).



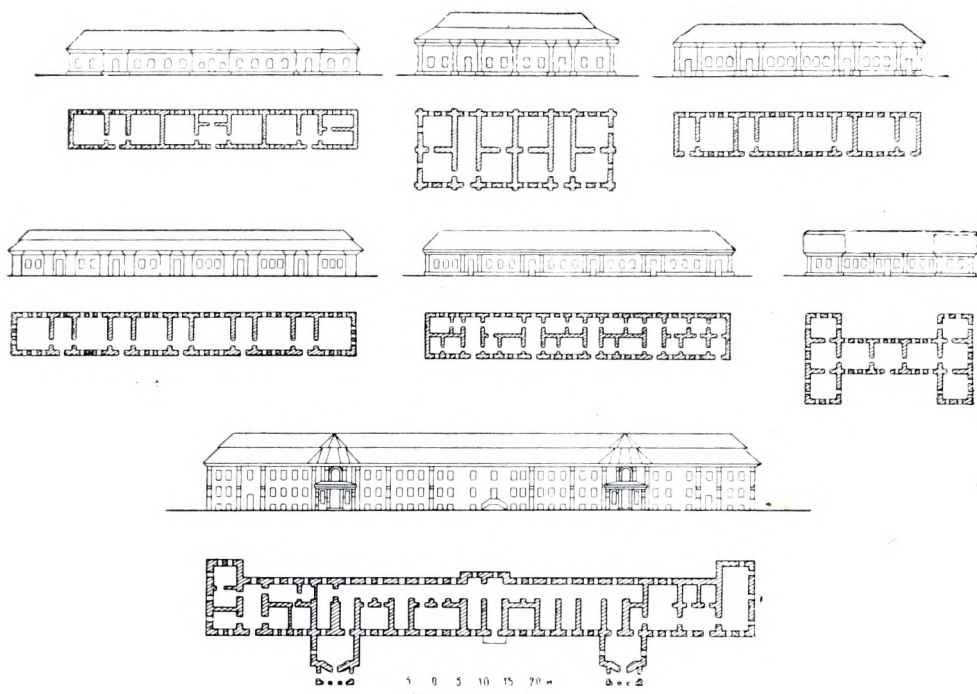
В Киеве с XV в. существовало самоуправление в виде Магдебургского права. Городом управлял магистрат, для которого требовалось внушительное и достойное столичного города здание.

Первое, что бросается в глаза в здании Киевского магистрата, — это высокая башня в центре со шпилем и часами. Магистрат был украшен объемной скульптурой — на главной наружной лестнице стояла медная фигура богини правосудия Фемиды (сохранилась в музее), а наверху здания было металлическое плоское изображение покровителя города архангела Михаила.

К этому следует добавить, что против главного фасада магистрата был устроен фонтан со скульптурами, что в определенные часы на балконе магистрата трубили трубачи, а в пышно убранных залах магистрата в окружении развешанных знамен и различных цеховых реликвий совершались деловые акты и праздничные церемонии. Легко понять, что и назначение и восприятие этой архитектуры было совсем иным, чем в только складывавшихся городах Левобережья.

И при всем этом, несмотря на парадный характер здания магистрата и высокую башню, его основные по-

Рагуша (магистрат) в Киеве (XVII—XVIII вв.). Фасад и план. Чертеж арх. А. Меленского (нач. XIX в.).



Гражданские здания. Планы и фасады

верхний ряд — Переяславская бурса (XVIII в.), Сиропитательный дом в Харькове (XVIII в.), кельи Благовещенского монастыря в Нежине (XVIII в.); средний ряд — восточные кельи Елецкого монастыря в Чернигове (XVII в.), кельи Киево-Печерской лавры (XVIII в.), северные кельи Елецкого монастыря (XVII в.); нижний ряд — Софийская бурса в Киеве (арх. Юрасов, XVIII в.)

мещения были расположены в один ряд, по принципу камерной планировки. Видимо, здание строилось опытным архитектором, знакомым как с образцами западных ратуш, так и с местными традициями. Очень простая и рациональная внутренняя планировка лишь несколько усложнилась тем, что массив башни был вкомпонован в центр корпуса.

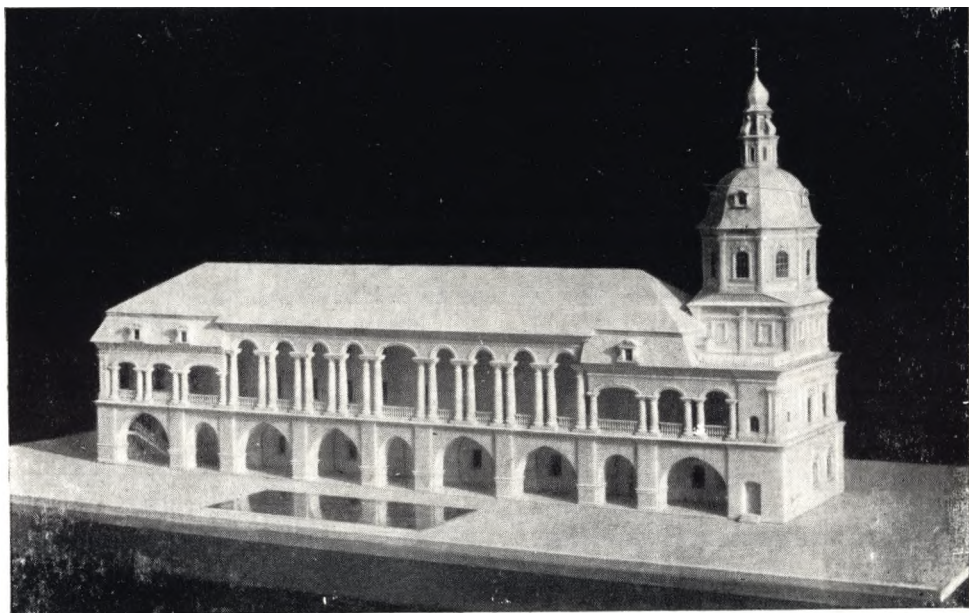
Принцип линейного камерного построения был присущ таким зданиям, как бурсы, коллегииумы, воспитательные дома. Характерным в этом отношении является здание бурсы в Переяславе (1757 г.). План этого здания предельно прост и напоминает планы зданий сотенного назначения, а также монастырских келий. Такова же схема небольшого здания Сиропитательного дома в Харькове (70-е годы XVIII в.).

Наряду с простейшими схемами подобного рода, одновременно или даже раньше, существовали типы и более усложненные, хотя в принципе от них не отличающиеся. К таким модификациям следует отнести старое здание академии на Подоле в Киеве и здание бursы в Новгород-Северске.

История строительства здания знаменитой Киевской академии достаточно известна. Двухэтажное здание, начатое строительством в 1703 г., было перестроено в 1732—1740 гг. по проекту архитектора Шеделя. Существует ряд изображений этого здания, начиная с момента проектирования и кончая обмерными чертежами начала XIX в.¹

Здание академии представляло собой вытянутый корпус, в первом и втором этажах которого располагались прилегающие друг к другу довольно обширные аудитории. На дворовом фасаде в обоих этажах были устроены открытые галереи-колоннады (заложенные в XIX в.). Такие

¹ Среди этих документов следует указать на «Академический тезис» рубежа XVII—XVIII вв. известного гравера И. Щирского с изображением неосуществленного проекта академии.



*Киевская академия. Макет. Реконструкция Ю. Нельговского и Е. Горбенко.
Музей НИИТИ АСИА УССР*

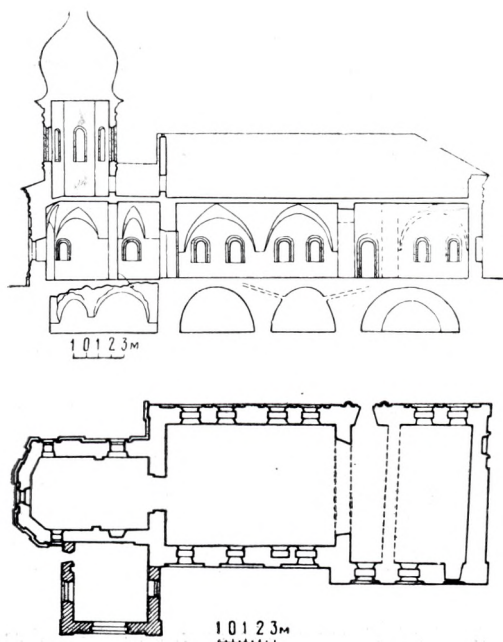


Бурса (коллегиум) в Новгород-Северске (XVII в.). После реставрации в 1954—1958 гг.

же галереи были сделаны в здании Новгород-Северской бурсы. В обоих случаях здания сохраняли традиционную весьма простую планировочную основу. Устройство галерей было практично в условиях южного климата и одновременно обогащало пластическое решение фасада.

Примером дальнейшей эволюции зданий гражданского назначения являются постройки архитектора Юрасова в Киеве (70-е годы XVIII в.). Известны две его работы: здание бурсы в Софийском заповеднике и дом игумена Выдубецкого монастыря (кроме того, Юрасов реставрировал в Выдубецком монастыре поврежденную восточную часть древнего Михайловского собора).

В этих постройках ничто не напоминает прежние небольшие компактные композиции. Длина Софийской бурсы достигает 80 м. Внутренние помещения расположены здесь по принципу грандиозной анфилады. Этим помещениям снаружи соответствует ритм окон. Но корпус оказался слишком длинным, чтобы ритм мог поддерживаться только проемами и пилястрами, и строитель сделал на главном фасаде два выступа, акцентирующие входы (позже эти выступы были украшены классическими деталями). Следует отметить, что примененная в этом здании крыша с заломом



Трапезная Выдубецкого монастыря в Киеве (XVII—XVIII вв.). Разрез и план

мыкающая к церкви под прямым углом, что вызвано условиями рельефа.

Бесстолпная трапезная Троицкого монастыря в Чернигове является подлинным шедевром национального архитектурного стиля. Памятник возведен в 1679 г. еще до постройки главного здания этого ансамбля — Троицкого собора. Здание трапезной, одно из самых древних в группе черниговских памятников XVII в., принадлежит к числу памятников черниговской архитектурной школы. Влияние структурного построения этого здания на ряд других памятников несомненно. Его планировочная структура повторена в трапезной Михайловского монастыря в Киеве. В других случаях существуют незначительные различия, например, в трапезной Выдубецкого монастыря. Но общая схема и здесь сохраняется: к помещению церкви с запада примыкает обеденный зал, к нему в свою очередь примыкают вспомогательные помещения для приготовления пищи и хранения продуктов. Такая же схема соблюдена в бесстолпных трапезных Гамалеевского, Густынского и других ансамблей.

зрительно повышает здание на один этаж и тем самым скрадывает его приземистость.

Органической комбинацией вытянутого корпуса (обеденный зал) с вертикальным объемом (домовая церковь) являются здания монастырских трапезных. Их выразительные композиции построены на сочетании горизонтальных и вертикальных членений.

По своей конструкции трапезные украинских монастырей в подавляющем большинстве бесстолпные, реже одностолпные и двухстолпные. Как правило, они ориентированы по оси восток — запад. Это каноническое требование само собой решало не только планировочную схему здания, но и его местоположение в ансамбле. Обеденный зал обычно примыкает к церкви с западной стороны. Исключение составляет трапезная Фроловского монастыря, при-



Трапезная Выдубецкого монастыря в Киеве (XVII—XVIII вв.). Фрагмент фасада

Отличительной особенностью Черниговского памятника является то, что примыкающая к трапезной церковь имеет два купола, а не один, как обычно. Здесь подкупольный четверик с помощью плоского паруса переходит в восьмерик, который конусообразно суживаясь переходит в свою очередь в фонарь, увенчанный главкой. В построении внутреннего пространства явственны приемы, идущие от деревянной архитектуры.

Перекрытый цилиндрическим сводом зал трапезной является уникальным примером построения интерьера в зданиях XVII в. Выразительность сводчатого перекрытия подчеркнута распалубками стрельчатой формы с профилированными нервюрами.

Пропорциональный анализ этого сооружения показывает, что его план построен по принципу соотношения стороны квадрата и его диагонали.

Современные купола имеют приплюснутую форму, не соответствующую форме внутреннего пространства. Вероятно, они были перестроены после пожара монастыря в 1731 г. Купола такой же формы в первой половине XVIII в. известны в ряде других памятников, например, в церкви на Экономических воротах Киево-Печерской лавры.

В характере пластической обработки фасадов трапезной несомненны некоторые черты сходства с пластикой дома Лизогуба. Однако принципиальное различие заключается в том, что трапезная имеет ярковыраженный главный фасад, чего нет в лизогубовском доме.

Энергичный вертикальный ритм главного фасада, глубокие оконные проемы в толще стены, характерные треугольные фронтоны над окнами — все это производит впечатление большой гармонии.

Примечательно, что в зданиях трапезных, как и во многих других зданиях культового и гражданского назначения, содержится немало черт типично русского характера. Прежде всего это относится к обрамлению оконных проемов и вообще к характеру наружной пластики. Этот сплав русских и украинских архитектурно-строительных традиций рождал мажорные, радостные, нарядные художественные образы, которые ярко и полно выражали ликование, горделивое чувство народа, одержавшего победу в своем национальном утверждении.

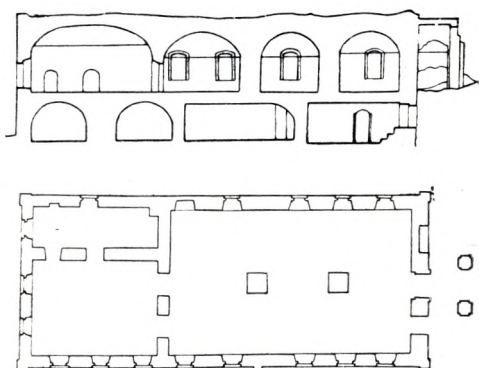
Трапезная Михайловского монастыря в Киеве по объемно-пространственному решению напоминает черниговский памятник, за исключением того, что над ней высится не два купола, а один. Фасады основного корпуса решены скромнее. Окна в современном виде и по сохранившемуся обмеру середины XIX в. кажутся слишком большими. Вероятно они были растесаны, так как показанные на чертеже верхние обрамления не совпадают с проемами. Следует отметить хорошее расположение входа — на фоне гладкой стены он логично выделен по бокам двумя оконными проемами небольшого размера.

Объемно-пространственная композиция трапезной Выдубецкого монастыря умело приспособлена к рельефу местности. Здание расположено на бровке крутого обрыва. С северной стороны продолговатый корпус является двухэтажным, а с южной — одноэтажным. В этих своеобразных условиях здание решено очень целесообразно. Не потребовалось даже устройства контрфорсов, чтобы противостоять давлению грунта на одну из стен; роль таких контрфорсов в данном случае играют мощные своды междуэтажного перекрытия.

Декоративная обработка главного фасада повторяет приемы декора Михайловской трапезной. Есть основания предполагать, что эти здания строились одним мастером, или одно из них служило образцом для другого. Достопримечательностью Выдубецкого памятника является тонкая лепка портала входа; лепкой украшен также фриз. Над входом вылеплен герб полковника Стародубского-Миклашевского, который был покровите-



Трапезная Троицкого монастыря в Чернигове (1677—1679 гг.). Северный фасад



Трапезная Софрониевского монастыря
(XVII в.). Разрез и план

лем Выдубецкого монастыря. Впрочем, несколько вычурный характер лепки дает основание предположить, что она выполнена позже или неоднократно поновлялась.

В принципе такими же были трапезные Максаковского и Густынского монастырей; вторая из них сохранилась до наших дней, но ее наружные формы сильно изменены перестройкой.

Сохранилась также трапезная Гамалеевского монастыря. Однокамерное помещение с южной стороны пристроено к ней позже, что видно по характеру архитектуры

этой пристройки и что подтверждается планом трапезной 1795 г., на котором этой пристройки нет¹. Очевидно, она была сделана после пожара в 1795 г. Если в Выдубецкой трапезной использована стена откоса, то здесь использована стена монументальной монастырской ограды, к которой трапезная примыкает одной своей стороной.

Эту отличительную черту — приспособление объемно-планировочной структуры здания к конкретным условиям местности — можно видеть также на примере трапезной в ансамбле забытого и совершенно не упоминающегося в истории украинской архитектуры ансамбля Софрониевского монастыря (XVII—XVIII вв.) в окрестностях Путивля. Здание трапезной этого комплекса представляет большой интерес во многих отношениях. Как и Выдубецкая трапезная, это здание с одной стороны было одноэтажным, а с другой — двухэтажным, что было обусловлено рельефом. Судя по сохранившимся фотографиям второй половины XIX в., на здании была двускатная кровля с очень высокими фронтонами на торцах, что напоминает дом Лизогуба в Чернигове. Самое же замечательное в этом редком памятнике — это интерьер главного зала. Все вышерассмотренные трапезные были бесстолпными, цилиндрический свод опирался на наружные стены. Софрониевская трапезная является редким на Украине примером двухстолпного зала. Два мощных столба по продольной оси помещения служат опорами свода довольно сложной формы (свод напоминает крестовый, со слабовыраженными ребрами пересечения).

¹ ЦГИАЛ, ф. 1399, оп. 1, д. 843, 1795 г.

Тот факт, что Софрониевский памятник значительно отличается от рассмотренных, можно объяснить тем, что район Путивля входил в сферу воздействия русской архитектуры.

Существует еще один памятник, в котором сказалось влияние русской архитектуры, — это один из корпусов Новгород-Северского монастыря, включающий трапезную. Здание довольно сложно в планировочном отношении, что объясняется, по-видимому, разновременным возведением отдельных частей этого корпуса и различным их назначением. Одна часть корпуса представляет собой усложненный тип келий. К ней примыкает обеденный зал. По русскому образцу этот зал является одностолпным, к нему в свою очередь примыкает небольшая Петропавловская церковь с плоскими парусами перехода подкупольного квадрата к восьмерику, что заимствовано из приемов деревянного строительства.

Еще одним примером одностолпного зального здания является трапезная Никольского монастыря в Киеве (XVII в.)

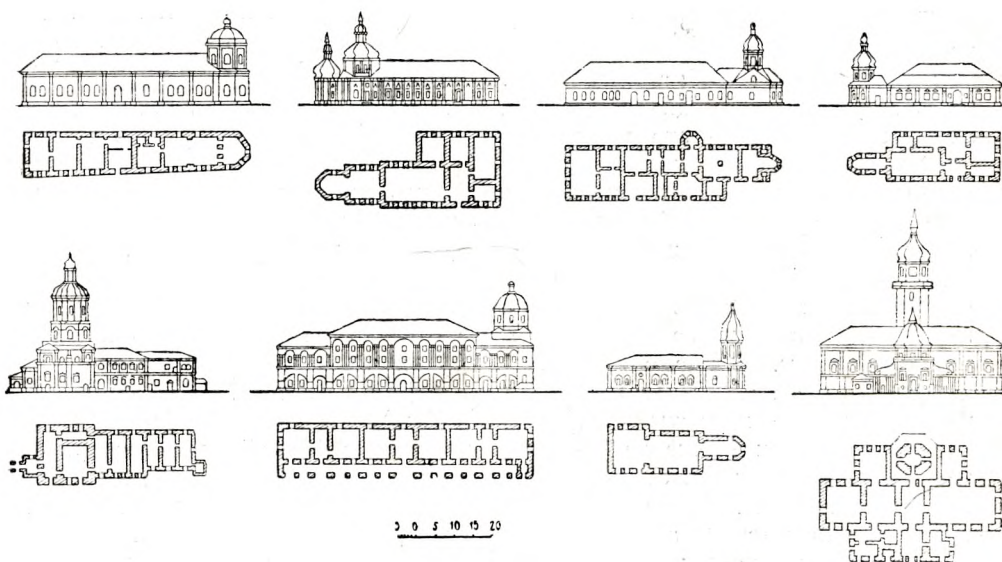
Существовали также двухэтажные трапезные. Такой была претерпевшая много перестроек старая трапезная Киево-Печерской лавры (конец XVII — середина XVIII в.). На ее месте в 1900 г. была построена новая трапезная по проекту арх. В. Николаева с участием А. Шусева.

Из сохранившихся зданий этого типа следует назвать трапезную Братского монастыря в Киеве (конец XVII в.); она отличается от других высотой зала, окнами в два этажа и красивым коробовым сводом с распалубками над окнами. Здание неоднократно переделывалось, а в XIX в. было обстроено одноэтажным корпусом.

Традиция строительства больших бесстолпных помещений нашла свое проявление в прекрасно решенном Григоровичем-Барским грандиозном интерьере трапезной Константино-Еленинского монастыря на Подоле в Киеве (середина XVIII в.). Здесь зал шириной около 15 м смело перекрыт коробовым сводом. Значительный распор свода требовал утолщения стен или устройства контрфорсов. Ни того, ни другого здесь нет. Распор свода погашают парные металлические затяжки.

Творчество Барского является как бы итогом того процесса, который совершался в украинской архитектуре начиная со второй половины XVII в. Суть этого процесса заключалась в том, что в результате национально-культурного подъема и роста производительных сил требовались новые типы зданий, формировалось иное отношение к образам архитектуры, а это в свою очередь требовало особых средств выразительности, новых архитектурных форм. Творчество Барского завершает этот процесс и предвещает утверждение на Украине стиля классицизма.

По сравнению с небольшими украинскими трапезными русские трапезные поражают своей величиной и пышностью. Таковы, например, грандиозные трапезные Саввино-Сторожевского монастыря (1650 г.), Симонова монастыря в Москве (зодчие Парфен Потапов и Осип Старцев,



Типы зданий с башнями. Планы и фасады

верхний ряд — трапезная Гамалеевского монастыря (XVIII в.), трапезная Троицкого монастыря в Чернигове (XVII в.), трапезная Новгород-Северского Спасского монастыря (XVII в.), трапезная Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве (XVII—XVIII вв.); нижний ряд — Черниговский коллегиум (XVII в.), Академия в Киеве (XVIII в.), трапезная Выдубецкого монастыря в Киеве (XVII в.), ратуша на Подоле в Киеве (XVII—XVIII вв.)

1685 г.) и Ново-Девичьего монастыря (1687 г.). Длина трапезной Симонского монастыря 50 м, но в принципе — это типичная схема украинских бесстолпных трапезных. Может быть, не является случайностью то, что одним из авторов ее был Осип Старцев, построивший соборы Никольского и Братского монастырей в Киеве.

Оборонные башни и колокольни

Кроме оборонного строительства в прямом смысле, при возведении монументальных зданий невоенного назначения в те беспокойные времена вопросам обороны всегда уделялось внимание. На Правобережье сохранились две церкви с явно оборонными чертами (церкви в Сутковцах и в Субботове).

Тенденция неукоснительного соблюдения интересов обороны подтверждается оригинальным документом конца XVI в. Это — «Духовное завещание Василия Загоровского, кастеляна Брацлавского, написанное

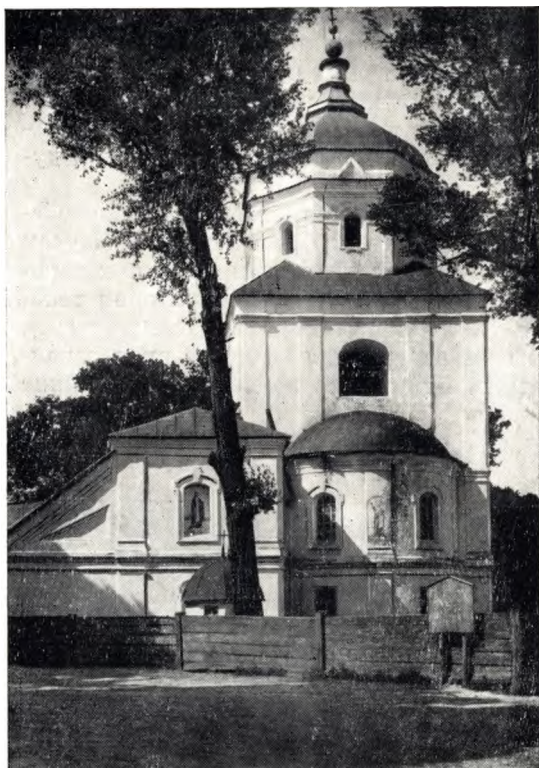
в 1579 г.»¹ В завещании подробнейшим образом сказано о том, как надо построить церковь, при этом настоятельно подчеркнуты требования обороны: «Цвинтарь цеглою обмуровати и дырки одна под другой на сажень для обороны от неприятеля и стрелляня з ручниц поробити». Как видим, бойницы считались насущно необходимыми и об их устройстве рачительный хозяин беспокоился так же, как и о том, чтобы в церкви был предусмотрен выход на чердак.

Приспособленные к обороне культовые здания были и на Левобережье, но до последнего времени о них ничего не было известно. Изучая архитектуру Левобережья, нам удалось обнаружить один памятник такого рода. У истоков реки Ворсклы в селе Борисовка на территории теперешней Белгородской области, РСФСР, сохранилась церковь, в стенах которой с четырех сторон устроены амбразуры для пушек в виде характерного круглого отверстия с вертикальной щелью над ним. По толщине

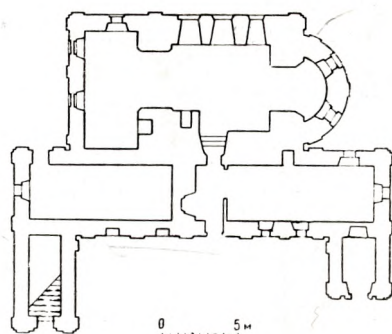
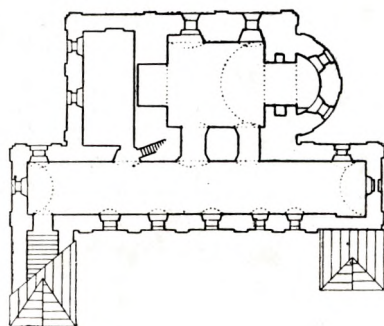
¹ Архив Юго-Западной России, ч. 1. Киев, 1859, стр. 72.



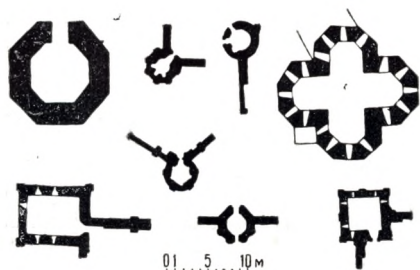
Руины замка Хмельницкого в Субботове. Рисунок худ. С. Васильковского



*Церковь Ильи в г. Короне (XVII—XVIII вв.),
фото с натуры*



Планы первого и второго этажей



*Планы крепостных (монастырских) башен
(XVII—XVIII вв.)*

верхний ряд — Малярная башня Киево-Печерской лавры, угловая башня Гамалеевского монастыря в Киеве, Онуфриевская башня Киево-Печерской лавры; по-
середине — угловая башня Новгород-Северского
Спасского монастыря; нижний ряд — башня Нов-
город-Северского монастыря, башня Новгород-Север-
ского Спасского монастыря

стен и характерным сводам это здание можно датировать началом XVIII в. Согласно местному преданию, церковь была приспособлена для обороны в годы шведской войны. Действительно военные действия велись в этом районе.

Обычная застройка, деревянная или глинобитная, была мало подходящей для целей обороны. Удобнее всего было приспособить для этого культовые здания, которые возводились из более прочных материалов. Монастырские комплексы, как правило, окружались стенами с башнями, а также рвами и валами.

В левобережных и поднепровских районах Украины таких монастырей-крепостей было много. Часть их сохранилась — Киево-Печерская лавра, Новгород-Северский, Троицко-Черниговский, Густынский, Гамалеевский, отчасти Глуховско-Петропавловский и другие монастыри¹.

В интересующих нас хронологических и территориальных границах можно назвать три мощных оборонных комплекса: Киево-Печерская крепость, включая лаврский комплекс; Новгород-Северский Спасский монастырь и Черниговский кремль (от оборонных сооружений Черниговского кремля ничего не сохранилось). Остальные культово-оборонные комплексы были менее значительны.

О недостаточности мощи поднепровских крепостей говорится в переведенной с французского и изданной в Москве в 1711 г. книге «Новая манера укрепления городов, учиненная через господина Блонделя, генерал-поручика войск короля французского». В ней сказано: «...зело удивляюсь мужеству народа сего, как они в таких некрепких городах — Киеве, Могилеве и Смоленске — могли выдерживать долговременные осады и погубить много тысяч неприятелей, обороняя себя». Заметим, что, очевидно, в целях восхваления своей системы укреплений автор этой книги дает явно неправильную оценку Смоленской крепости, которая считалась крупнейшей в Восточной Европе.

Оставляя в стороне военно-инженерные вопросы, следует остановиться на объемно-пространственном анализе оборонных башен, тем более что типологически они являются определенным звеном в развитии высотных композиций.

Одним из древнейших на Украине является Новгород-Северский Спасский монастырь, стены и башни которого возведены в 1680 г. Он был основан в XI в., но неоднократно подвергался опустошительным ра-

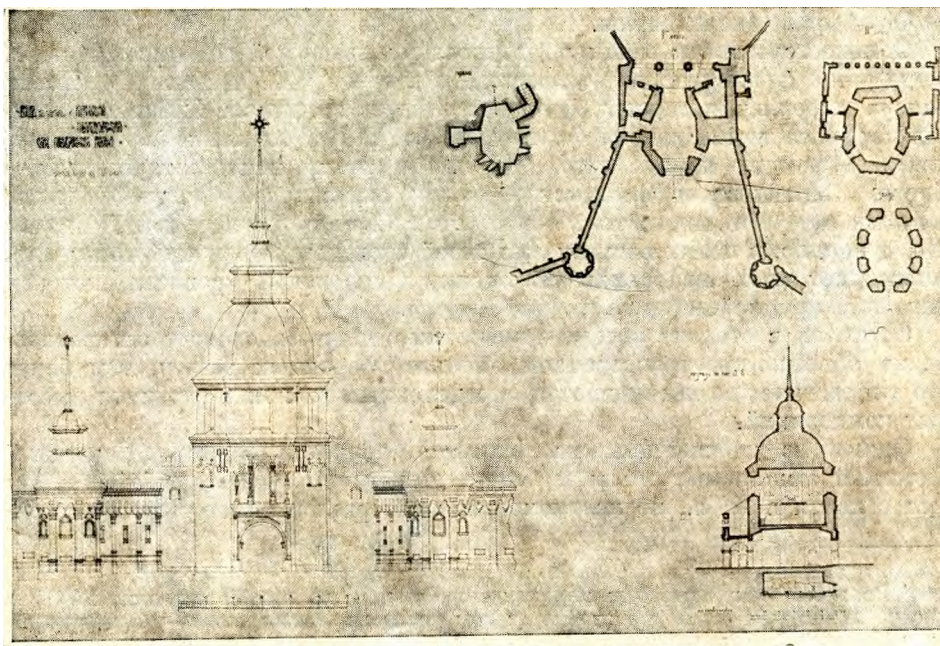
¹ Во время секуляризации монастырских имений во второй половине XVIII в. многие монастыри были упразднены, в том числе на Левобережье — Кербутовский, Ново-Млынський, Каташинський, Макошинський, Будищанський и др. Из сохранившихся описей известно, что почти все они имели стены и башни [Филарет (Гумилевский). Историко-статистическое описание Черниговской епархии, т. IV, Чернигов, 1873].

зрениям татарами, поляками и литовцами. От великокняжеского периода построек не сохранилось.

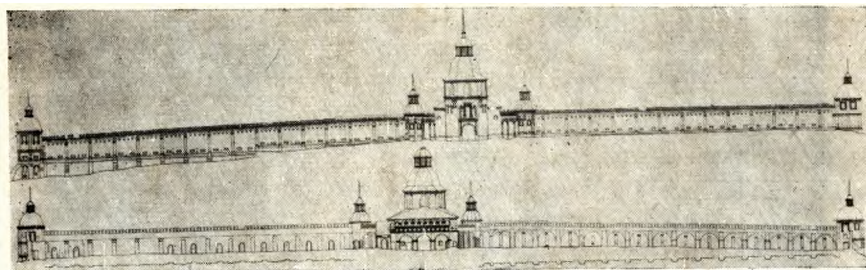
Монастырские стены сохранили четыре башни по углам, и еще две круглые башни фланкируют входную площадку перед надвратной колокольной главного входа. Перед этим входом был ров, по всей вероятности с перекидным мостом. Угловые башни имеют в плане четырехугольную, близкую к квадрату форму и сильно выступают за плоскость примыкающих стен, что обеспечивало возможность фланкирующего огня вдоль стен.

В настоящее время башни не имеют бойниц, а в их стенах устроены обычные окна, что является результатом позднейших переделок. О переделках свидетельствует, в частности, декоративное убранство башен. Наличие их окон и пилястры не имеют ничего общего с идущим по верху стены аркатурным поясом.

Большой интерес представляют круглые башни по сторонам главного входа, увенчанные позже полукруглыми куполами с фонарем и шпилем,



Надвратная колокольня Новгород-Северского Спасского монастыря (XVII в.). Фасад, планы, разрезы



Новгород-Северский Спасский монастырь. Западная стена с наружной и внутренней сторон

наподобие завершения культовых зданий. Верхняя часть цилиндра башен украшена таким же аркатурным поясом, как стены. В нишах вставлены иконы, выполненные из обожженной керамики, что является достопримечательностью монастыря.

Башни крепостной стены Киево-Печерской лавры восьмиугольные в плане (башня Кушника, Часовая, Малярная), за исключением одной — Палатной или Онуфриевской, которая имеет в плане сложную крестообразную форму.

Палатная башня одновременно являлась церковью. Обычно такую двойную функцию выполняли надвратные сооружения. Эта башня является промежуточным звеном развития простой оборонной башни в более сложную композицию. В то же время в этом сооружении сохраняются черты жилого здания; если низ здания лишен проемов (кроме входа) и тем самым наделен крепостными чертами, то второй этаж имеет обычные слегка удлиненные окна. Не менее оригинальным является завершение здания. Если бы были возведены барабаны с куполами, то получился бы распространенный тип церковного здания. Но это не было сделано. В соответствии с крестообразным планом башня перекрыта пересекающимися под прямым углом двускатными кровлями, с небольшим фонарем в центре, что придает ей вид гражданского здания.

Крепостные башни сохранились также и в некоторых других ансамблях.

В 1702 г. генеральный хорунжий А. Гамалея в 30 верстах от Глухова построил на берегу реки Шостки деревянную церковь. За участие в изменнических действиях Мазепы Гамалея был сослан, а его имущества переданы гетману Скоропадскому, который в 1713 г. основал здесь монастырь, получивший впоследствии название Гамалеевского.

К концу XVIII в. монастырь представлял собой большой и сложный ансамбль. Он несколько раз горел. В 1795 г. пожар был настолько опу-



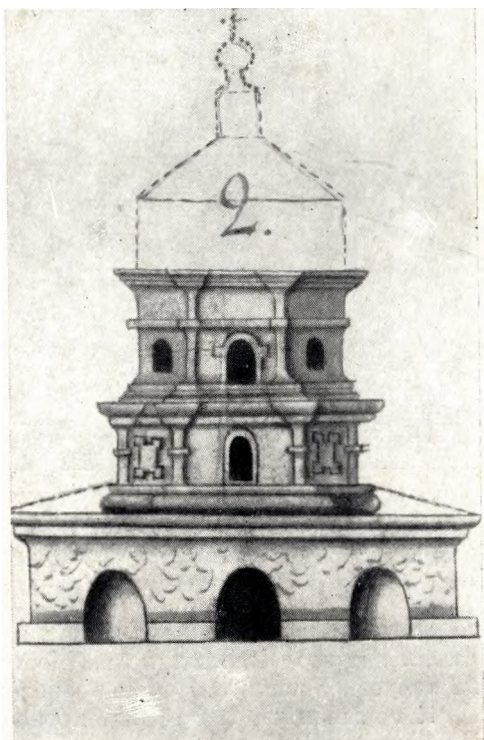
*Надвратная колокольня Новгород-Северского Спасского монастыря
XVII в.*

стошительным, что сгорели не только деревянные здания, но обгорели и оказались сильно поврежденными все каменные строения, в том числе и крепостные башни. Сохранился чертеж, на котором изображены план ансамбля и фасады его главных зданий в таком виде, как это было сразу после пожара¹.

Из чертежа видно, что кроме двух въездных башен были четыре угловых, а на южной стене еще одна промежуточная. Все башни были восьмиугольными, как в Киево-Печерской лавре. Возможно, что тут проявилась некоторая преемственность, так как стены Гамалеевского монастыря строились вскоре после лаврских.

Чертеж интересен еще как подтверждение того, что существующая надвратная башня была построена значительно позже (монастырь был отстроен и возобновлен только в 1827 г.). На чертеже на ее месте показана гораздо более интересная по архитектуре трехъярусная каменная колокольня с тремя арками в первом этаже. Видимо, эта колокольня была разобрана после пожара, ибо известно, что она очень сильно обгорела.

Сохранилась каменная ограда с башнями в Черниговском Троицком монастыре. Известна опись этих сооружений от 1765 г.² Они были построены в первой половине XVIII в. и поэтому не имеют уже тех ярко-



Надвратная башня Гамалеевского монастыря (XVIII в.). Фрагмент чертежа 1795 г.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1399, оп. 1, д. 843. План и фасад Гамалеевского монастыря. Чертеж 1795 г. Имеется также план монастыря начала XIX в. ЦГИАЛ, ф. 1488, оп. 4, д. 950.

² Ефимов А. Черниговский Свято-Троицкий мужской монастырь. Чернигов, 1911, стр. 36.



*Угловая башня Троицкого монастыря
в Чернигове (XVIII в.)*

выраженных оборонных черт, которые характерны для более ранних сооружений. Крепостная стена скорее похожа на обычную ограду, чем на укрепление. Две небольшие круглые башни на углах западной стены отличаются изяществом и изысканностью форм.

Одним из наиболее выдающихся архитектурных комплексов XVII в. является Густынский монастырь. До сих пор видны следы рва, опоясывающего стены крепости. Крепостное назначение монастыря усиливалось тем, что прежде он располагался на острове; лишь впоследствии воды реки Удая отодвинулись и он оказался на берегу. В известной летописи Густынского монастыря (XVII в.) говорится: «Обходяша им тогда многия пустыни верху Удаю реки

до устья его, возвращалися вспять и обретоша сей остров нарицаемый Густыня под градом Прилукою... Место красно, богоугодно и зело прилично на иноческое житие... Начаша основание стен»¹.

К сожалению, собственно крепостные башни, кроме Николаевской и Петропавловской надвратных церквей, в этом ансамбле не сохранились. Видимо наиболее интересной оборонной постройкой в этом ансамбле была Варваринская надвратная церковь-башня, расположенная на северной стене, но она переделана до неузнаваемости. Это объясняется, очевидно, тем, что в конце XVIII в. монастырь был упразднен, долго пребывал в полуразрушенном состоянии и лишь в 30—40-х годах XIX в. был восстановлен. В полуразрушенном состоянии видел этот ансамбль Т. Г. Шевченко. Его повесть «Музыкант» начинается проникновенными строками об этом замечательном памятнике:

«Если вы, благосклонный читатель, любитель отечественной старины, то, проезжая город Прилуки Полтавской губернии, советую вам остановиться на сутки в этом городе... и посетите полуразрушенный монастырь Густыню, по ту сторону реки Удаю, верстах в трех от Прилук. Могу вас заверить, что раскаиваться не будете. Это настоящее Сенклерское аббатство. Тут все есть: и канал глубокий и широ-

¹ Летописец о первом зачатии и создании святыне обители монастыря Густынского. Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М., 1848, № 7—8.

кий, когда-то наполнявшийся водой от тихого Удая, и вал, и на валу высокая каменная зубчатая стена со внутренними ходами и бойницами, и бесконечные склепы или подземелья, и надгробные плиты, вросшие в землю, между огромными суховерхими дубами»¹.

Очевидно, крепостные башни монастыря были разобраны в 1805 г., когда часть зданий была продана с торгов на кирпич. На изображении Густынского монастыря², по-видимому, начала XIX в. показана полуразрушенная Варваринская надвратная церковь, а также башня у стены, выходящей на берег Удая.

Очевидно, это была несохранившаяся башня над выходом к реке. Обращает внимание лаконичность архитектурных форм этого сооружения. Раскопками выявлен фундамент, близкий в плане к квадрату. Купольное завершение башни имеет характерные грушевидные очертания, свойственные другим зданиям этого ансамбля. На основании графического документа, материалов исследования и раскопок, башня воспроизведена в макете этого ансамбля³.

В силу разных причин от большинства крепостных сооружений Левого бережья не осталось ничего, кроме следов рвов и валов. В лучшем случае от крепостных башен сохранились остатки, по которым трудно судить об их первоначальном виде (Глуховско-Петропавловский, Максаковский, Рыхловский и Глинский монастыри Черниговской области, а также Горняльский монастырь Белгородской области РСФСР, на границе с Украиной и др.). Видимо, наиболее внушительными были крепостные сооружения Максаковского монастыря. Сохранились документы, подтверждающие большое оборонное значение этого комплекса. Так, в универсале гетмана Многогрешного от 1669 г. предложено укрепить Максаковский монастырь, а гетман Самойлович универсалом 1672 г. дал указание людям, живущим вблизи, укрываться в нем от нападения татар⁴.

В итоге рассмотрения этой небольшой группы памятников можно предположить, что шатровые формы покрытий, характерные для русской архитектуры, применялись на Украине возможно в более ранний период, но в начале XVIII в. они были переделаны на купольные покрытия сложной кривизны и к тому же зачастую увенчаны одной или даже двумя главками, чем достигался большой живописный эффект.

¹ Шевченко Т. Г. Повна збірка творів, т. II, Київ, 1949, стр. 131.

² На титульном листе книги «Слово архиепископа Гедеона», изданной в Полтаве в 1847 г.

³ Исследование памятников Густынского ансамбля производилось в 1955—1957 гг. Институтом теории и истории архитектуры и строительной техники АСИА УССР под руководством П. Г. Юрченко.

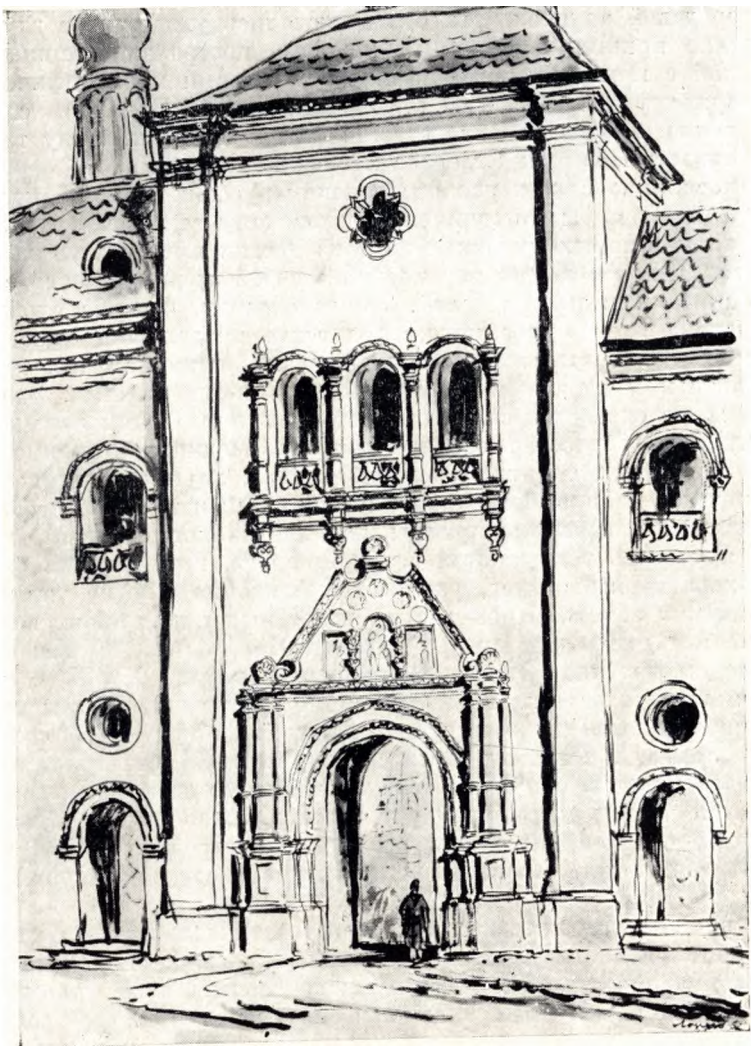
⁴ Максаковский женский монастырь. Чернигов, 1864, стр. 16—18. Существует генплан монастыря с экспликацией по состоянию на 30-е годы XIX в. ЦГИАЛ, ф. 1488, оп. 4, д. 1029, л. 1.



*Надвратные башни Глуховско-Петропавловского монастыря (XVII—XVIII вв.).
Рисунок — реконструкция К. Лопяло*

Развитием типа обычной оборонной башни являются надвратные сооружения в монастырях-крепостях, сочетающие оборонные, а также культовые функции. В первом ярусе устраивался главный въезд, в верхнем ярусе — церковь или колокольня.

Одним из сооружений подобного рода является надвратная башня-колокольня Новгород-Северского Спасского монастыря (1670 г.). По оригинальности объемно-пространственного решения это сооружение не имеет себе равных на Украине и может стать в один ряд с первоклассными аналогичными сооружениями русской архитектуры, влияние которой здесь чувствуется. Так характер аркатуры второго яруса на внутреннем фасаде напоминает архитектуру некоторых памятников Ростова-Ярославского, например, надвратную церковь Борисоглебского монастыря. Гладь стен и клинчатый узор восьмерика сходны с приемами псков-



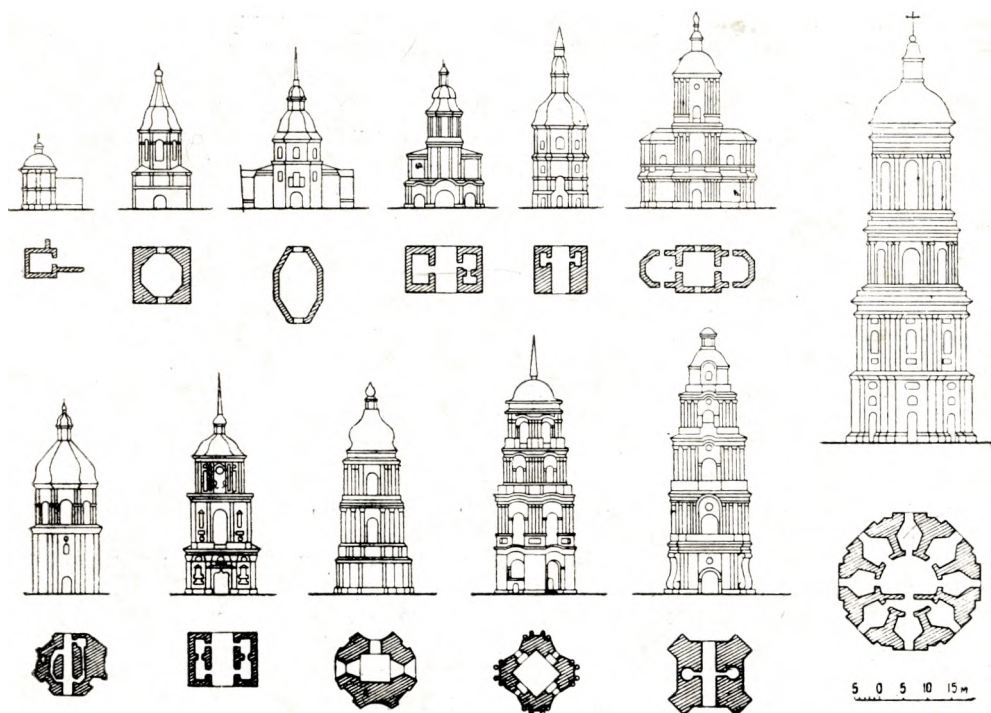
Главный вход в Глухово-Петропавловский монастырь (XVII—XVIII вв.). Рисунок — реконструкция К. Лопяло

ско-новгородской архитектуры. Здесь сказались уходящие в глубь веков общерусские принципы объемно-планового построения башнеобразных сооружений с примыкающими к ним галльбищами и специфическим декором двухъярусной аркатуры открытых галерей. В данном случае эти северорусские истоки особенно естественны и понятны ввиду территориальной близости Новгород-Северска к русским землям.

Немаловажную роль в распространении русских влияний играло также то, что церковь была подчинена московскому патриарху. Архимандриты, епископы и другие духовные лица из России назначались на Украину и наоборот. Они не только переносили с собой архитектурные вкусы, но нередко привозили и строителей. Таким образом, издавна сложившаяся общая основа русско-украинского зодчества продолжала свою дальнейшую эволюцию и выработку специфических национальных черт при весьма активном взаимном обмене мастерами-строителями. Это обстоятельство живо способствовало тому, что некоторые национально-русские черты русского зодчества переносились на Украину (например, расположение барабанов по углам основного куба, характер дверных порталов и оконных наличников, шатровые покрытия и т. д.). В свою очередь такие типично украинские приемы, как центричность зданий, ярковыраженная ярусность композиции, большой ордер, грушевидная форма купола и характерный декор, распространялись на многие тысячи верст от украинских земель. Кроме таких известных памятников, как церкви в Зюзине и Курове под Москвой (конец XVII в.), Меньшикова башня в Москве, построенная Иваном Зарудным в начале XVIII в. и многих других, можно указать на то, что типично украинские формы культовых зданий наблюдаются даже в городах далекой Сибири — Тобольске и Тюмени¹, а также в Псковско-Печерском монастыре (на границе с Эстонией). Особенностью одного из сооружений этого своеобразного комплекса является постановка в один ряд пяти куполов грушевидной формы. Черты украинской архитектуры заметны в постройках XVIII в. Новгородского Юрьевского монастыря (например, северо-западная угловая башня).

Новгород-Северская надвратная башня расположена на западной стороне монастыря с отступом вглубь таким образом, что перед ней образуется площадка с круглыми башнями по бокам. Такой прием, как уже говорилось, применен прежде всего в силу оборонных требований. Ана-

¹ Тобольским митрополитом в первой трети XVIII в. был украинец, воспитанник Киевской академии Филофей Лещинский. Построенные в этот период культовые комплексы в Тобольске (Софийско-Успенский и Петропавловский соборы, а также другие здания Тобольского кремля) и Тюмени (Троицкий монастырь, церковь Петра и Павла) наделены чертами украинской архитектуры. (Харламович К. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь, т. 1, Казань, 1911, стр. 545).



Башни и колокольни. Планы и фасады

верхний ряд — угловая башня Новгород-Северского Спасского монастыря (XVIII в.), надвратная башня Молчинского монастыря в Путивле (XVII—XVIII вв.), надвратная башня Новгород-Северского Спасского монастыря (XVII в.), надвратная церковь Софрониевского монастыря (XVIII в.), колокольня Выдубецкого монастыря в Киеве (до надстройки) (XVII в.), колокольни Кирилловского монастыря в Киеве, арх. Григорович-Барский (XVIII в.); нижний ряд — колокольня Елецкого монастыря в Чернигове (XVII в.), колокольня Софийского собора в Киеве (до надстройки, конец XVII—XVIII вв.), колокольня Вознесенского монастыря в Переяславе (XVIII в.), колокольня собора в Козельце (XVIII в.), колокольня Троицкого монастыря в Чернигове (XVIII в.), справа — колокольня Киево-Печерской лавры XVIII в. (архитекторы Шедель и Васильев)

логичное решение можно видеть в организации входа в Киево-Печерскую лавру через Троицкие ворота, но там в начале XVIII в. ограда пристроивалась к древнему зданию Троицкой церкви. Здесь же этот прием был заранее задуман и великолепно разрешен с точки зрения оборонной, функциональной и композиционной.

Большой интерес представляет объемно-пространственное решение этого здания. Высокая восьмиугольная башенная часть со стороны двора обстроена двухъярусной открытой галереей: внизу — крупных членений, верху — мелких. Открытые галереи — прием, характерный для украинского деревянного зодчества. Это — так называемые опасания.

Оригинальный декор колокольни исполнен в русско-украинском духе: карнизы восьмерика наделены, как уже было сказано, чертами псковской архитектуры, а декоративные украшения в виде своеобразных звезд явно заимствованы из приемов народного украинского декоративного искусства (нашедших широкое применение и в более позднем памятнике в Сорочинцах). Таким образом, архитектура этого интересного здания представляет оригинальный сплав русских и украинских строительных приемов.

В XVIII в. оборонная роль монастырей на Украине постепенно падает, башни и стены, в том числе и надвратные башни, утрачивают свое первоначальное значение. Развивается тип колоколен как декоративных сооружений, по существу лишенных культового назначения (для помещения колоколов практически не требовалось отдельного здания).

Обычно колокольни в украинских культовых комплексах возводились отдельно. Они никогда не устраивались в виде возвышающейся пристройки к главному зданию храма. Все пристройки такого рода являются позднейшими (колокольня Успенского собора в Новгород-Северске, Глуховской Николаевской церкви, церкви в с. Воронеже, Изюмского собора и др.).

Причина сооружения отдельно стоящих колоколен кроется в том, что в XVII — начале XVIII в. военная обстановка требовала использования их как дозорных и оборонных башен, а также как складов хранения боеприпасов и продовольствия на случай военных действий. Эти практические функции не всегда было удобно сочетать с религиозной службой, что и требовало разделения храмов и колоколен.

Украинские зодчие придавали большое значение строительству высотных зданий колоколен. Высокая вертикаль на десятки верст являлась указателем местонахождения монастыря и отмечала обычно главный вход в него.

Декоративному убранству этих высотных сооружений уделялось большое внимание; достаточно вспомнить колокольни Софийского монастыря в Киеве, Троицкого-Черниговского, Вознесенского-Переяславского, Мгарского, Ахтырского, Полтавского-Крестовоздвиженского и др. Часто применялась яркая покраска — бирюзовая, синяя, белая, желтая.

Каменные колокольни обычно ставились над главными воротами монастырских комплексов. Их широкое строительство велось на рубеже XVII—XVIII вв. Вначале они были невысокими. Это, видимо, объясняется тем, что они обычно возводились взамен деревянных, не отличавшихся большой высотой. С течением времени наблюдается тенденция увеличения высоты: первоначальные приземистые колокольни надстраиваются — например Софийская и Выдубецкая в Киеве.

В развитии украинского зодчества рассматриваемого периода, в том числе и в развитии башенных композиций, значительную роль сыграла

строительная деятельность стародубского полковника Миклашевского. По его заказу и по его указаниям был построен ряд известных зданий в Киеве, Чернигове и Стародубе. В конце XVII в. Миклашевский по существу заново отстроил древний Выдубецкий монастырь; кроме Георгиевского собора и трапезной им была построена также надвратная колокольня¹.

Выдубецкая колокольня в плане квадратная, с проездом, перекрытым цилиндрическим сводом. Первый ярус представляет собой почти правильный куб; на нем возвышается второй ярус более приземистых пропорций. Третий ярус с завершением был надстроен в начале XIX в. в упрощенных классических формах². Следует отметить, что эта надстройка не нарушает пропорционального строя здания в целом.

Если сравнить три киевских колокольни — Софийского, Выдубецкого и Михайловского монастырей (последняя не существует), то нельзя не обратить внимания на их сходство. Разумеется, при сравнении нужно учесть позднейшие переделки (например, четвертый ярус Софийской колокольни был надстроен в XIX в., а второй и третий, вероятно, были перестроены после пожара 1748 г.; частичной переделке подвергся нижний ярус Михайловской колокольни). Объемно-пространственная система этих колоколен — поставленные друг на друга четверики приземистой формы. Пропорции украинских колоколен становятся более стройными лишь после 60-х годов, когда начинается ордерная система. До этого колокольни, как и другие здания, были безордерными, в них не было ни колонн, ни портиков, а пилястры скорее являлись элементами конструктивного каркаса здания.

Декор этих трех зданий также построен по общей схеме. Плоскость стены расчленяется вертикальными пилястрами и горизонтальными тягами. Выделенные таким образом участки декорированы нишами и наличниками характерных очертаний, в большинстве случаев напоминающих крест. Такие наличники встречаются в самых различных сооружениях, например в крепостных башнях Новгород-Северского Спасского монастыря.

Общность композиционных приемов этих колоколен легко объяснима хронологическими данными. Колокольня Выдубецкого монастыря строилась одновременно с другими зданиями этого комплекса в 1696—1700 гг. Софийская колокольня, судя по известному рисунку Вестерфельда середины XVII в., была деревянной. В 1696 г. она сгорела, а по документам 1706 г. известно, что уже существовала новая колокольня, позже перестроенная Шеделем. Михайловская колокольня была построена в 1716—

¹ Герб Миклашевского изображен на всех возводимых им зданиях, в том числе на трапезной и соборе Выдубецкого монастыря.

² Сохранился чертеж, на котором изображена Выдубецкая колокольня до ее надстройки (ЦГИАЛ, ф. 1488, оп. 2, д. 141, л. 1).

1720 гг. Таким образом, все три памятника строились на протяжении одного двадцатилетия, очевидно по образцу самой ранней из них колокольни Выдубецкого монастыря. Можно допустить, что эти здания строились одним мастером, вероятно, местным зодчим, ибо архитектура этих сооружений не имеет черт, идущих от русских строительных приемов.

Башенные объемы в украинском зодчестве делались открытыми снизу доверху, т. е. не имели внутренних капитальных перекрытий. Сводчатые перекрытия устраивались только над проездом, а выше иногда были временные перекрытия по деревянным балкам. В более поздних колокольнях, например в колокольне Кирилловского монастыря (арх. И. Григорович-Барский), устраивается не одно, а два сводчатых перекрытия, что придает дополнительную жесткость сооружению в целом.

Обращает внимание то обстоятельство, что в Густынском монастыре вовсе не было колокольни. Как говорилось выше, в этом ансамбле было башенное сооружение не совсем выясненного назначения. Характер этого сооружения невольно вызывает в памяти столь же массивный объем колокольни Елецкого монастыря в Чернигове. Если вертикаль киевских колоколен складывается из поставленных друг на друга нескольких кубообразных массивов, то елецкий памятник представляет цельный восьмигранный объем, разделенный всего на два яруса. В нижнем устроен проезд, а в верхнем оставлены большие проемы, так называемые звоны. Эти членения не нарушают монолитности объема сооружения. Конструктивная и зрительная цельность объема подчеркивается угловыми пилястрами, плоскость которых в верхней своей части расчленена поперечными жгутами. Подобный прием обработки пилястр встречается в памятниках Глухова и Стародуба.

Общие черты с башенными зданиями имеет колокольня Максаковского монастыря. Принадлежность последней к густынской группе ясно видна в устройстве характерных ниш и оконных обрамлений, точно таких, как в Никольской надвратной церкви густынского ансамбля.

В середине XVIII в. на Украине все большее распространение получают различные вариации ордерной системы, хотя еще устойчивы местные национальные традиции.

Самым крупным зодчим этого переходного периода был Иван Григорович-Барский (1713—1786 гг.). В постройках Барского отчетливо проявляются принципы ордерных систем. Правда, колонны и портики еще не отделяются от стены, а в объемно-пространственном построении сохраняется национальное своеобразие, главным образом в форме крестообразного плана.

Колокольня Кирилловского монастыря с проездом в нижнем ярусе, построенная Барским в 1760 г., сохраняла схему предшествующих киевских колоколен. Однако по бокам колокольни Барский пристроил двухэтажные объемы, по-видимому, утилитарного назначения.

Сохранилась мало известная колокольня Софрониевского монастыря около Путивля, построенная в 1757 г. Она очень близка колокольне Кирилловского монастыря по характеру объемного построения. Купол этого здания необычен. По украинской традиции на нем устроена кровля с заломом.

Даже в тех случаях когда высотные здания строились с применением ордера, иногда проявляются черты, идущие от местных традиций. Об этом говорит, например, характерная форма фронтонов в виде двух гигантских волют. Эта же форма придана четырем контрфорсам, укрепляющим углы колокольни Троицкого собора в Чернигове. Эта колокольня производит впечатление недостроенной, что объясняется неумелой реставрацией после пожара в 1778 г.

Колокольни XVIII в. — Киево-Печерской лавры (1745), Вознесенского собора в Переяславе (1770), Троицкого монастыря в Чернигове (1774), Ахтырская (1741), Козелецкая (1766), Мгарская (XVIII в.), Полтавско-Крестовоздвиженская (XVIII в.) — являются сооружениями с общими чертами ярусного построения на классической основе.

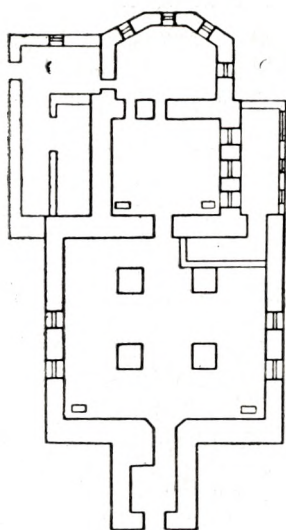
Следует отметить изысканность, стройную грациозность силуэтов этих сооружений. Их пропорции всецело подчинены выявлению главного композиционного назначения, как вертикальных доминант в сложных и разнообразных по объемам ансамблях.

Соборы и церкви

Наиболее активные деятели верхушки казачества, бесстрашные, жестокие и далеко не бескорыстные, были щедрыми благодетелями церкви. Если в годы наиболее ожесточенной национально-освободительной войны культовое строительство было незначительным и сооружались почти исключительно деревянные церкви, то примерно с 70-х годов XVII в. начинается массовое строительство культовых сооружений из кирпича.

Было бы романтическим заблуждением полагать, что социальная группировка казачества не имела классовых противоречий. В годы подъема национально-освободительной борьбы церковь была идейным союзником казачества, способствующим росту национального сознания народа и противостоящим колонизаторским устремлениям польской шляхты. Однако позже, когда казацкая верхушка все более отдалялась от народа, церковь становится на службу украинской феодальной верхушки, жестоко эксплуатирующей народные массы.

Дух времени требовал монументальных образов. Главной задачей, особенно в XVII — начале XVIII в., становится создание выразительного, впечатляющего образа, символа, памятника содеянному народом в деле национального освобождения и утверждения национальной культуры.



*Троицкий собор в Трубчевске (XVI—XVIII вв.).
План первого этажа*

Типом зданий, совмещавших в себе черты культовой, гражданской и оборонной архитектуры, были церкви, которые можно условно называть зальными. Эти здания по своему виду не похожи на церкви; фактически на них даже нет куполов; по верху кровли устраивались лишь небольшие деревянные фонари с малозаметными луковицами, которые при перестройках перемещались с одного места на другое. При трехчастном построении (притвор — основной неф — абсида) основной неф представлял собой зал, перекрытый коробовым сводом. Следует отметить, что такие здания в XV—XVI вв. были распространены и на Правобережье (церкви в Залужье, 1600 г., и в Подгорянах, XVI—XVII вв., Тернопольской области и др.).

В интересующих нас районах существуют три здания подобного рода: Ильинская церковь в Субботове (1654 г.), Михайловская в Переяславе (1666 г., реставрирована в 1711 и 1749 гг.) и теплая церковь Софийского монастыря в Киеве, называемая иногда Малой Софией (1730 г.).

Эти три памятника при общей схеме имеют следующие различия. Церковь в Субботове имеет западный притвор с хорами, перекрытый коробовым сводом, главный неф и граненую восточную абсиду со стрельчатыми распалубками. Притвор Михайловской церкви перекрыт довольно приплюснутым сомкнутым сводом, хоры отсутствуют. Главный неф такой же, как в Субботовской церкви, а абсида перекрыта двойным по внутреннему очертанию куполом (купол разной кривизны). Можно предположить, что снаружи Переяславский памятник имел три небольших главки — над притвором, абсидой и в центре.

Более поздняя Малая Софийская церковь развивает черты зальных зданий; несомненно ее родство с рассмотренными выше зданиями трапезных. Тип зальных зданий на Левобережье большого распространения не имел.

Параллельно с зальным типом развивались трехчастные композиции с одной развитой башней-куполом. Одним из ранних трехчастных однокупольных зданий Левобережья является отлично сохранившаяся церковь в Сулимовке, построенная запорожским атаманом Иваном Сулимой в 1629 г. В этот период еще не строили больших культовых зданий сложной объемно-пространственной композиции. Общественная жизнь тогда



Троицкий собор в Трубчевске (XVI—XVIII вв.)

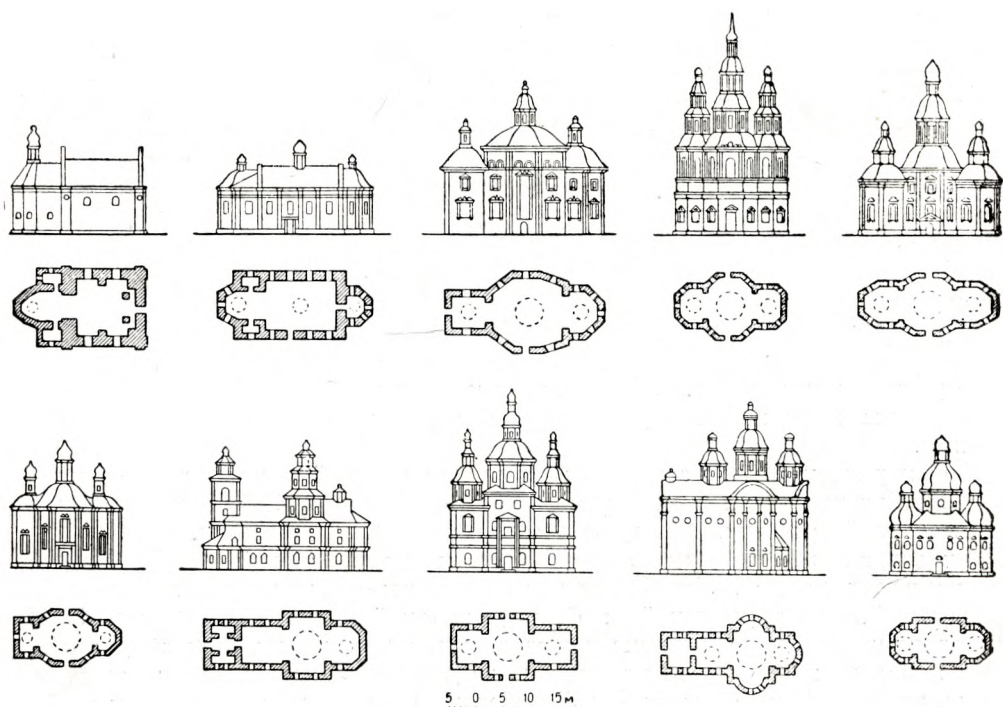
не требовала помещений для большого количества людей, как это было позже.

В сулимовской церкви подкупольное пространство имеет тенденцию превратиться в поперечный неф, что придает плану здания слегка крестообразный вид. Кроме того, в сулимовском памятнике наметились черты, связанные с последующим развитием монументального зодчества Левобережья. Это — тенденция к развитию граненых, а не круглых форм абсид и барабанов, а также устройство окон удлинённых пропорций относительно высоко расположенных.

Обращает внимание, что в здании церкви в Сулимовке нет декоративного убранства. Наружный объем церкви расчленен только простыми пилястрами. Особенностью здания является также то, что под ним уст-



Церковь Ильи в Субботове (1656 г.), где был похоронен Богдан Хмельницкий



Зальные и трехчастные трехкупольные здания. Планы и фасады

верхний ряд — церковь в Субботове (XVII в.), Михайловская церковь в Переяславе (XVII в.), Рождественский собор в Стародубе (XVII в.), Покровский собор в Харькове (XVII в.), Николаевская церковь в Глухове (XVII в.) (реконструкция автора); нижний ряд — церковь Предтечи в Стародубе (XVIII в.), церковь Николы в Путивле (XVIII в.), Воскресенский собор в Сумах (нач. XVIII в.), церковь монастыря в Золотоноше (арх. Григорович-Барский, XVIII в.), церковь в с. Полонки Черниговской обл. (XVIII в.)

роен подвал-склеп. Впоследствии такие подвалы в украинских культовых зданиях устраивались почти повсеместно. Они предназначались как для захоронений, так и в качестве хранилищ ценностей и различных припасов.

Недалеко от Сулимовки до Отечественной войны существовал более поздний памятник в селе Барышевке (XVIII в.), очень интересный во многих отношениях. По объемно-пространственному решению он близок к сулимовской церкви, но был украшен прекрасной лепкой наподобие знаменитой лепки Мгарского собора. План барышевской церкви имел трехчастное деление с несколько более выраженным поперечным нефом, чем в сулимовской церкви. Пропорции и членения основных элементов

этих двух зданий почти идентичны. Можно допустить, что сулимовская церковь, как более древняя, послужила образцом для барышевской.

Этот тип зданий — трехчастных однокупольных — прослеживается в хорошо сохранившейся Ильинской церкви на Подоле в Киеве, построенной в 1692 г. киевским мещанином Петром Гудимом. Здесь также слегка выражена крестообразность плана, а внутреннее пространство имеет трехкамерное построение. Объемно-пространственная композиция этого небольшого здания отличается четкостью и простотой пропорций. Внутреннее пространство ясно выражено в наружном объеме, детали скупые и хорошо прорисованные, наличники исполнены в характере московской архитектуры.

В начале XVIII в. рядом с Ильинской церковью была построена колокольня с еще более выраженными чертами московского зодчества, даже увенчанная шатром. В 1755 г. этот памятник реставрировался и были построены нарядные въездные ворота с разорванным барочным фронтоном.

Центрическая трехчастность украинских церквей получает свое дальнейшее развитие в том, что центральная часть зданий становится более выявленной, а завершение церкви становится трехкупольным. Это объемно-пространственное построение является национальной особенностью украинских храмов. Устойчивость этой схемы определилась логической простотой, конструктивной и функциональной целесообразностью. Эта традиционная схема издавна разрабатывалась в деревянном зодчестве. Из поколения в поколение народные зодчие рубили из дерева трехрубные, трехкупольные храмы. На Левобережье существовали шедевры этой деревянной архитектуры¹.

Самым оригинальным и наиболее древним памятником каменной архитектуры такого рода является Рождественский собор в Стародубе. По некоторым данным собор построен в 1617 г. В 1677 г. он горел и был восстановлен в конце XVII в.; вторично горел в 1744 г. Несмотря на это, первоначальный вид здания, видимо, не очень изменился.

Обширная строительная деятельность в Стародубе объясняется тем, что в свое время Стародуб был самым большим на Украине полком (административная единица того времени). Главные центры этого полка — Стародуб и Новгород-Северск — по тому времени были крупными городами. Кроме того, Стародуб являлся крупнейшим торговым центром Украины с обширными, даже международными связями. В области архи-

¹ Вопросы деревянной архитектуры Левобережья и Поднепровья изучены слабо, и таких памятников сохранилось очень мало. Ценнейшие материалы о деревянном строительстве на Левобережье подготавливаются к печати С. А. Тарапушенко, который любезно ознакомил с ними автора. Часть этих материалов опубликована в его статье «Памятники Архитектуры Слобожанщины XVII—XVIII вв.» (Сб. «Питання історії архітектури та будівельної техніки України», Київ, 1959).



Рождественский собор в Стародубе (XVII в.)

тектуры и строительных традиций здесь имели место различные наслоения. Это объясняется не только географическим положением, но также тем фактом, что после воссоединения Украины с Россией на Стародубщину было переселено много русских старообрядцев, особенно при Петре I.

Рождественский собор является трехкупольным зданием четко выраженного трехкамерного построения. Однако как по плану, так и по объемно-пространственной схеме это здание совершенно не похоже на обычные храмы такого типа. Во всем облике сооружения чувствуется какая-то архаика. Хотя трехчастность является в украинской культовой архитектуре традиционной, но здесь она выглядит необычно, ибо в плане каждая часть здания имеет свою форму: притвор — четырехугольный; главный неф — восьмиугольный, а абсида — пятиугольная. Поражает неправильность плана центрального объема — из восьми его сторон пять имеют разную величину. Эта неправильность создала исключительные трудно-

сти в постановке купола: пришлось устраивать сложные паруса в месте примыкания восьмерика к абсиде.

Необычайность компоновки объемов подчеркивается не менее оригинальными деталями. Оконные проемы в центральном нефе размещены на разных уровнях и имеют разные размеры. Наличники напоминают приемы декора в русской архитектуре; формы карниза вызывают в памяти детали памятников далекого Соликамска и Мурома.

Характер орнамента русско-украинско-белорусской народной вышивки чувствуется в декоративной обработке угловых пилястр Рождественского собора. Этот же прием соблюдался и в других памятниках Стародуба, например, в Преображенском соборе, XVIII в. (собор не сохранился). Таким образом, в здании Рождественского собора мы имеем любопытный пример сочетания архитектурно-строительных и декоративных приемов трех народов. Трехкупольность — это украинский прием, но типичных украинских «бань» здесь нет. Даже если допустить, что теперешние невысокие завершения являются следствием позднейших переделок, то при таких объемах все же трудно представить обычную пирамидальность и многоярусность украинских завершений. Ярковыраженная граненность объемов развивает национальную традицию и предвещает дальнейшее развитие этого приема в пятикупольных зданиях, о чем будет сказано ниже.

Объемное построение Рождественского собора нашло повторение в другом сохранившемся здании Стародуба — церкви Предтечи (1720 г.). Эту церковь строил гетман Скоропадский. Так же как Самойлович, Миклашевский и Мазепа, он воспроизвел на здании свой герб.

План храма аналогичен предыдущему, за исключением того, что с трех сторон к зданию пристроены небольшие однокамерные объемы. Однако наружное декоративное убранство этого здания не имеет ничего общего с Рождественским собором. Наивная простота декоративного убранства здесь уступает место строгой системе. Хотя церковь Предтечи трехкупольная и по объемно-пространственному решению отличается от пятикупольных зданий, она во многом напоминает Георгиевский собор Выдубецкого монастыря. И тут и там граненность соборов подчеркнута одинаковыми угловыми пилястрами со своеобразными волютами обратного выгиба. Такие волюты мы знаем только в трех памятниках: в церкви на Экономических воротах Киево-Печерской лавры (1698 г.), в Георгиевском соборе Выдубецкого монастыря (1701 г.) и в этой церкви Предтечи (1720 г.).

Мы уже говорили, что храмы Стародуба и Глухова имеют общие черты и относятся к одной школе. Это находит свое подтверждение, если сравнить два рассматриваемых стародубских памятника с собором Глуховского Петропавловского монастыря (собор не сохранился). Этот совершенно обойденный в истории украинской архитектуры очень инте-

ресный ансамбль живописно расположен на реке Клевань, примерно на середине пути между Глуховом и Путивлем. Главный Петропавловский собор этого монастыря имел аналогичное со стародубскими памятниками плановое решение: квадратный притвор, восьмигранный главный объем и пятигранную абсиду. Пропорции этих объемов более стройны, чем в Рождественском соборе, но средний точно так же возвышался над остальными. Общими чертами наделены оконные наличники этих зданий, а также характерные зубчатые карнизы.

Собор Петропавловского монастыря был построен в 1695—1696 гг. Согласно «храмозданной грамоте» 1695 г., этот храм сооружен «записным государевым мастером каменного дела паном Матвеем Ефимовичем». В договоре указано, каких размеров должен быть храм (7½ сажени до купола и 2 сажени купола), какая должна быть толщина стен (5 четвертей) и т. п.¹

Город Глухов один из древнейших городов Украины, известен еще по летописи XII в., в которой сказано о походе Киевского князя: «Поидоша на Вятичи... также на Мценск, оттуда же идоша на Глухов, ту и сташа».

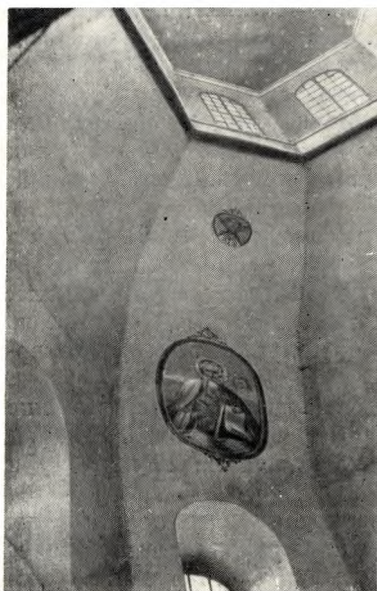
О памятниках Глухова этого древнего периода ничего не известно. Одним из памятников XVII в. была деревянная церковь Троицы. На ее месте в 1720 г. начали строить новую каменную церковь, которая в недостроенном виде сгорела во время грандиозного пожара в 1748 г. и окончательно была достроена лишь к концу XVIII в. уже с элементами ордерного декора. Первоначально это было трехкупольное здание, три купола, позже обстроенные массивом здания, можно было наблюдать до разрушения этого интересного памятника в 1963 году.

Известен договор 1720 г. на строительство церкви². В нем сказано: «...должина той церкви межи стен 15 сажен трехаршинных; ширина межи стен 7 сажен трехаршинных; вышина от фундамента до свода сажен 9. А чертеж и пропорции як соизволит пан гетман». Судя по дате договора это был Скоропадский. Можно предположить, что такое утверждение чертежа гетманом существовало как правило.

Сохранившаяся в Глухове церковь Николая (конец XVII в.) сейчас двухкупольная с колокольной на западном притворе, которая пристроена в XIX в. Это легко установить по кладке и характеру архитектурных деталей. Исследованием установлено, что в западной части здания нахо-

¹ Филарет (Гумилевский). Историко-статистическое описание Черниговской епархии, т. III. Чернигов, 1873, стр. 209. Этот же самый Матвей Ефимович несколько ранее, в 1692 г., подписали контракт на постройку церкви Михаила в самом Глухове. В договоре указано, что церковь должна строиться «такого же подобия, как и церковь Николая в Стародубе» (Каманин И. Договоры о сооружении церквей в Малороссии в XVIII в. Киев, 1904, стр. 12).

² Филарет (Гумилевский), там же, стр. 276.



*Николаевская церковь в Глухове
(XVII в.). Фрагмент интерьера*

дится подвал, план которого повторяет очертания восточной абсиды. Совершенно очевидно, что здание первоначально было трехкупольным: в центре возвышался главный объем, а с востока и запада к нему примыкали более низкие граненые объемы.

Этот памятник отличается грациозностью, изысканными пропорциями и стройным силуэтом. Углы здания оформлены такими же пилястрами, как в Стародубском Рождественском соборе. Исключительный интерес представляет интерьер. Переход к куполу выполнен здесь без обычных парусов. Формы постепенно переходят одна в другую, чем создается цельность внутреннего пространства — прием заимствованный от деревянного зодчества.

Влияние традиций деревянной архитектуры наблюдается и в более позднем памятнике такого же типа — церкви Николая в Путивле, 1737 г. (так называемый Никола Каменный). Эта церковь примечательна также тем, что она является двухэтажной. Как известно, в русской архитектуре этот прием был более распространен. На Левобережье двухэтажных церквей сохранилось всего четыре: Никола Каменный в Путивле, Воскресенский собор в Сумах, церковь в с. Воронеж Сумской области и Покровский собор в Харькове.

К типу трехкупольных зданий относится не изученная до сих пор церковь в селе Полонки Черниговской области, возвышающаяся на берегу реки Уда. Судя по деталям, этот интересный памятник можно отнести к 40—50-м годам XVIII в. План здания симметричен относительно пересекающихся осей.

Аналогичные трехкамерные, трехкупольные храмы с различными вариациями строились и в других местах Левобережья, но большинство их не сохранилось (Николаевская церковь в Харькове, 1770 г., собор Хорошевского монастыря, 1759 г., Покровская церковь в Сумах, 1783 г., собор Змиевского казачьего монастыря, 1766 г.; Воскресенская церковь в Славянске, 1775 и др.).

Двухэтажный трехкамерный Воскресенский собор в Сумах (1703 г.) не похож ни на один памятник украинской архитектуры. По-видимому,



Церковь в с. Полонки Черниговской обл. (XVIII в.)



Воскресенский собор в Сумах (1702 г.)

он строился русским мастером, о чем свидетельствует характерная композиция объемов (восьмерик на четверике), свойственная русским памятникам. Оконные наличники также типичны для русской архитектуры, а углы здания оформлены пучками декоративных полуколонок, каких нет ни в одном памятнике украинской архитектуры, но которые широко применялись в русской.

Оригинальным произведением, стоящим на грани двух периодов истории украинского зодчества, является трехкамерная однокупольная церковь в селе Воронеж (1781 г.). Местечко Воронеж в свое время представляло собой довольно крупный торговый центр.

Церковь украшена снаружи алебастровой барельефной скульптурой, что совершенно необычно для православных храмов. Можно предположить, что здание было построено каким-либо западным мастером (в окрестностях местечка примерно в это время была поселена колония переселенцев из Германии). Однако можно высказать и другое предположение. Фронтоны этой церкви напоминают фронтоны многих построек Григоровича-Барского и, в частности, фронтоны собора Золотоношского монастыря. Возможно, воронежский памятник строил этот архитектор или его последователи.

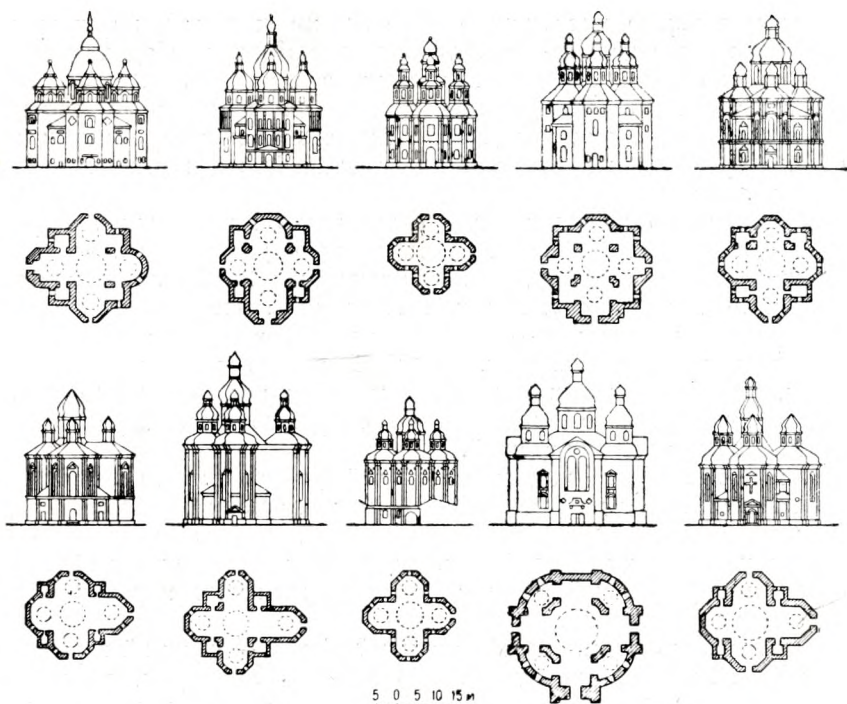
Подлинной жемчужиной группы украинских трехкупольных высотных зданий является знаменитый харьковский Покровский собор (1689 г.). Это здание издавна привлекало внимание исследователей. В специальной работе С. Таранушенко, посвященной этому памятнику, приведены подробные обмеры, даны исчерпывающие описания и изложена история его строительства¹.

Самое поразительное в этом здании — органичное сочетание украинских и русских приемов. По пропорциям и силуэту это типичная трехкупольная — «трехбанная» украинская церковь. Купола поставлены очень близко друг к другу, чем создается подчеркнутая собранность форм, ярковыраженная вертикальность композиции здания. Если массы здания выдержаны в традиционном национальном характере, то в плановом решении этого сооружения содержится много нового. Собор состоит из трех частей: церкви, колокольни и трапезной, которые объединены в двухэтажном здании. Кроме того, в западной части находится усыпальница. Возможно, именно Покровский собор явился прототипом двухэтажных культовых зданий Левобережья. Пирамидальность объема здания создается постепенным уменьшением повторяющихся восьмигранников, что является прямым заимствованием приемов деревянного строительства (девятикупольный собор XVIII в. в селе Новомосковске Днепропетровской области, построенный запорожцами и восходящий к более древним образцам). Приемы деревянного зодчества явственно выступают

¹ Таранушенко С. Покровский собор у Харкові. Харків, 1923.



Церковь в с. Воронеж Сумской обл. (1776 г.)



Крестообразные пятикупольные здания. Планы и фасады

верхний ряд — Николаевский собор в Нежине (XVII в.), Троицкий собор Густынского монастыря (XVII в.), Преображенский собор в Изюме (XVII в.), собор Крупицко-Батуринского монастыря (XVII в.), собор в с. Лютеньки Полтавской области (XVII в.); нижний ряд — Успенский собор в Новгород-Северске (XVII в.), Георгиевский собор Выдубецкого монастыря в Киеве (XVII в.), церковь на Экономических воротах Киево-Печерской лавры (XVII в.), Благовещенский собор в Нежине, арх. Г. Устинов (XVIII в.), Екатерининская церковь в Чернигове (XVIII в.)

также в построении внутреннего пространства способом так называемой телескопической перспективы. Наружное декоративное убранство собора исполнено в духе русской архитектуры, таковы, например, наличники окон; позже эти формы часто встречаются на Украине.

Тип трехкамерных трехкупольных зданий устойчиво развивался на протяжении столетия и является ярким проявлением украинских национальных архитектурно-строительных традиций.

Прежде чем перейти к следующей, ярковыраженной группе пятикамерных зданий, следует остановиться на анализе двух своеобразных

памятников, которые невозможно отнести ни к одной из названных групп. Речь идет о церкви-крепости в городе Коропе (Черниговской области) и соборе Красногорского монастыря в городе Золотоноше.

Церковь Ильи в Коропе (рис. на стр. 114) в принципе отличается от всех вышепересмотренных зданий, будучи одновременно зданием гражданского, оборонного и культового назначения. Это единственный случай такого рода.

Если судить по плану, то восточная часть представляет собой небольшую однефную церковь, напоминающую сулимовскую. Внутренние и наружные стены здания достигают толщины 2—2,5 м. В настоящее время здание двухэтажное, верхний этаж перекрыт коробовым сводом. Междуетажное перекрытие — позднее; раньше это была обычная церковь, открытая во всю высоту. Загадкой является непропорционально огромная, массивная башня, несущая поверху восьмерик и купол. Эта башня возведена позже, пилястры ее северного фасада не совпадают с пилястрами первых двух этажей.

Совсем неожиданный вид имеет южный фасад здания. С этой стороны пристроен вытянутый двухэтажный корпус; его нижний этаж состоит из двух продольных камер и прохода в центре, который ведет на второй этаж. Верхний этаж пристройки представляет собой длинный коридор, перекрытый коробовым сводом с характерными для первой половины XVIII в. распалубками над окнами.

Каким же было здание первоначально? Короп — древний город. Существует мнение, что именно он является древним Хоробрем, упоминаемым в летописях XII в. На рубеже XVII—XVIII вв. Короп наряду с Глуховым являлся центром «войсковой арматы», т. е. казачьей артиллерии. Особую роль Короп и его район играл при гетмане Самойловиче, когда взаимоотношения с Польшей продолжали оставаться крайне напряженными. Здесь не только дислоцировалась артиллерия, но создавалось артиллерийское вооружение и боеприпасы. В этом районе расположен древнейший центр по производству пороха — Шосткинский пороховой завод. Здесь же развертывались события шведской войны.

Все это говорит о том, что Короп был поселением военного характера. По-видимому первоначально здесь была небольшая церковь, приспособленная к обороне, о чем говорит необычайная толщина ее стен. Во времена Самойловича или в годы русско-шведской войны над зданием была возведена башня, в которой помещались пушки, а с южной стороны был пристроен продольный корпус, предназначенный для размещения гарнизона и хранения боеприпасов. В третий этап — в 50—60-х годах XVIII в. — был возведен восьмиугольный барабан с куполом, а бойницы переделаны в окна.

Выше была упомянута церковь начала XVIII в. в селе Борисовке ныне Белгородской области, приспособленная для целей обороны. По-ви-

димому, церковь Ильи в Коропе является вторым сохранившимся на Левобережье памятником оборонного назначения.

Совсем иного рода исключением является собор Красногорского монастыря в Золотоноше, построенный в 1767 г. Григоровичем-Барским по заказу запорожского казака Якова Щербины¹.

Необычным для украинских зданий является план этого здания в виде латинского креста. Казалось бы, это схема культового здания западного образца. Например, по аналогичному плану в XVI—XVII вв. строились церкви в Сербии. В то же время здание завершается поставленными в ряд тремя куполами, что является древней и излюбленной на Украине традицией. К тому же форма куполов типично украинская. Наружное декоративное убранство здания наделено чертами академической школы, а его обилие отражает сложившуюся к этому времени на Украине тенденцию нарядности зданий.

Нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что построенные Григоровичем-Барским здания — Покровская церковь, церковь Николы Набережного, колокольня Кирилловского монастыря и Константино-Еленинская трапезная — все в Киеве, а также Золотоношский собор, в структурном и композиционном отношении произведения очень различные. Руку мастера можно узнать только по характеру деталей. Чувствуется, что это был зодчий переходного времени, когда происходило постепенное развитие новых стилистических форм на классической основе. Несомненно, этот выдающийся зодчий был хорошо знаком с современной петербургской архитектурой, в частности, с творчеством Растрелли. Об этом свидетельствует, например, архитектура Покровской церкви в Киеве (1755 г.) с ее характерным объемным построением и сочными деталями. При всем этом в произведениях зодчего всегда чувствуется нечто свое,



*Собор Крупицко-Батуринского монастыря
(XVII в.)*

¹ Зверинский В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в России, т. II. 1890, стр. 167.



Собор и трапезная Выдубецкого монастыря в Киеве (XVII—XVIII вв.)

местное, национальное — в крестообразности плана, расположении и форме куполов, характере декора.

Более отдаленным напоминанием сходных приемов является никем до сих пор не изучавшаяся, но вполне этого заслуживающая церковь Николая в Козельце (середина XVIII в.). Своеобразие этого однокупольного здания заключается в том, что снаружи оно производит впечатление двухэтажного гражданского сооружения. Оконные наличники — излюбленной Григоровичем-Барским характерной формы. Не исключено, что здание строилось этим зодчим или его учениками.

Совершенно самостоятельную группу составляют памятники крестообразного плана. Эти здания можно назвать пятикамерными, считая камерами четыре выступающие части и подкупольное пространство. В ряде случаев между ветвями креста пристроено еще по одной небольшой камере, и горизонтальная проекция такого здания будет девятикамерной.

Генетическая связь планов пятикамерных и трехкамерных храмов заключается в том, что если два трехкамерных плана наложить один на другой так, чтобы их оси были перпендикулярны, то получится крестообразный пятикамерный тип. Эти типы храмов по размерам и по форме наследуют с древности бытовавшую на Украине структурную ячейку — деревянную клеть-сруб.

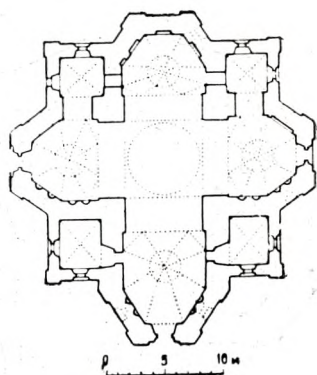
Эти симметричные центрические композиции называют тетраконхами. Как известно, такой тип зданий является древним и распространен в Армении и Грузии.

Здания с крестообразным планом на Украине были особенно излюбленными. Здесь сказалось тяготение к созданию симметричных композиций с равноценными фасадами. Украинские зодчие предпочитали ставить здания на открытых, хорошо обзрешаемых участках, что требовало одинаковой выразительности всех частей здания. Отличительной особенностью зодчества этой поры является одновременное развитие и сосуществование различных типов храмов. И все же, если рассмотренные выше памятники характеризуют процесс сложения национальных особенностей зодчества, то данная группа представляет собой итог этого процесса. Национальные черты достигли здесь наиболее полного и совершенного выражения.

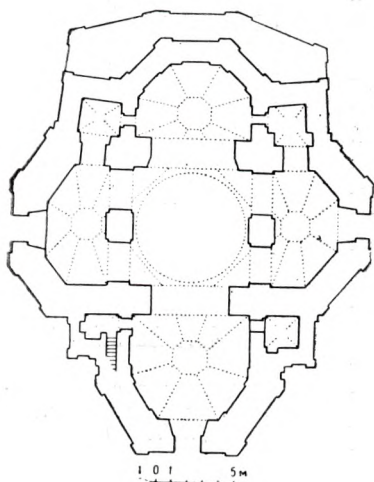
Вековое сложение народных строительных навыков, синтезирование местных традиций со строительными приемами русского народа, освоение и переработка западноевропейского архитектурного опыта, в первую очередь близлежащих стран — все это вместе привело к становлению качеств, которые с полным правом можно назвать национальным украинским архитектурным стилем. Объемно-пространственные и пластические особенности архитектуры данной группы настолько своеобразны, что их можно встретить только на Украине.

Развитый крестообразный план отличается рядом положительных качеств, прежде всего практической целесообразностью и художественной выразительностью. Здание такого типа выглядит как отдельно стоящий монумент-памятник, оно подчеркнуто выделяется в рядовой застройке и, как уже говорилось, требует для восприятия больших свободных пространств. Тем самым определяется и градостроительное значение этих памятников.

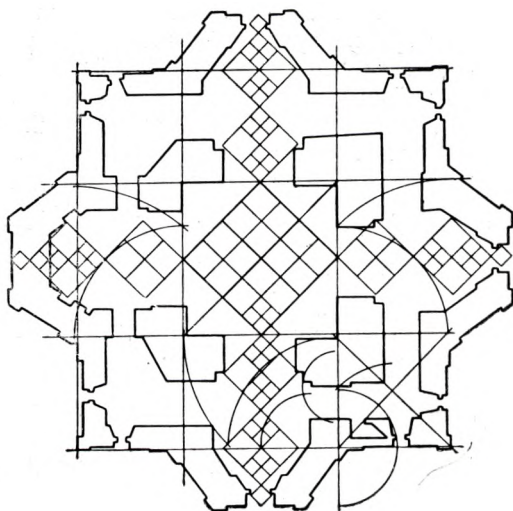
Бесстолпная система обусловила хорошо обзрешаемое и отлично освещенное пространство внутри храма. Крестообразный план давал возможность создания ясной конструктивной схемы здания. Каждый конец



План церкви в с. Лютеньки Полтавской обл. (XVII в.)



Петропавловский собор в Новгороде-Северске (XVII в.). План



Церковь в Сорочинцах, Полтавской обл. (XVIII в.). План. Пропорциональный анализ

креста образует отдельные ячейки, разделенные одна от другой подпружными арками и сводами. Эти подкупольные пространства с помощью парусов, а то и вовсе без них, переходят в барабаны и купола. Создается органическая связь купола с подкупольным пространством.

Строгий порядок и логическая система в распределении масс и пространства подчеркивается тем, что четыре объема увенчиваются четырьмя одинаковыми куполами, а в центре ставится пятый купол большего размера. Любовь к логике и порядку проявилась также и в том, что четыре боковых купола ориентированы точно по странам света.

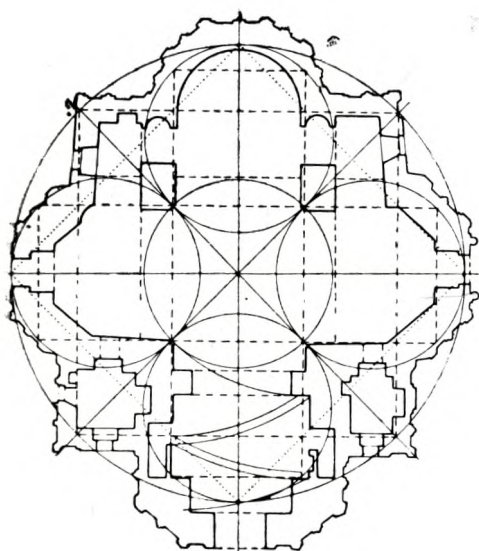
Здания этой группы были построены на протяжении 1680—1730 гг., когда позади остается разруха, политическая неразбериха, гетманские междоусобицы. Остаются в прошлом и постепенно уходят из народной памяти тяжкие для народа авантюристические и предательские действия Выговского, Тетери, Брюховецкого.

Хозяйство и торговля Левобережной Украины постепенно включаются в общерусский рынок, происходит рост хозяйства феодальной казачьей верхушки, усиливается роль духовенства и торгово-ремесленных групп населения. Создаются благоприятные условия для развития строительства.

Но в то же время не следует упускать из виду и противоречивое, по существу негативное значение все возрастающего культового строитель-



Николаевский собор в Нежине (1668 г.)



*Николаевский собор в Нежине. План.
Пропорциональный анализ*

ства. Расплатанные народными восстаниями феодальные устои старшинство и гетману пытаются укрепить с помощью церкви. Феодальная верхушка, не так уж много уделяя внимания организованному градостроительству и вообще гражданскому строительству даже в своих собственных резиденциях, ведет широкое строительство церквей и монастырских комплексов.

В этом отношении деятельность украинских гетманов ничем не напоминала бурную градостроительную деятельность в России начала XVIII в., связанную прежде всего с широкими преобразовательными мерами Петра I. Процесс «обмирщения», т. е. рост светского строительства и его влияние на культовое зодчество, в России начался уже в XVII в.¹ На Украине этот процесс стано-

вится заметным только в 20—30-х годах XVIII в.

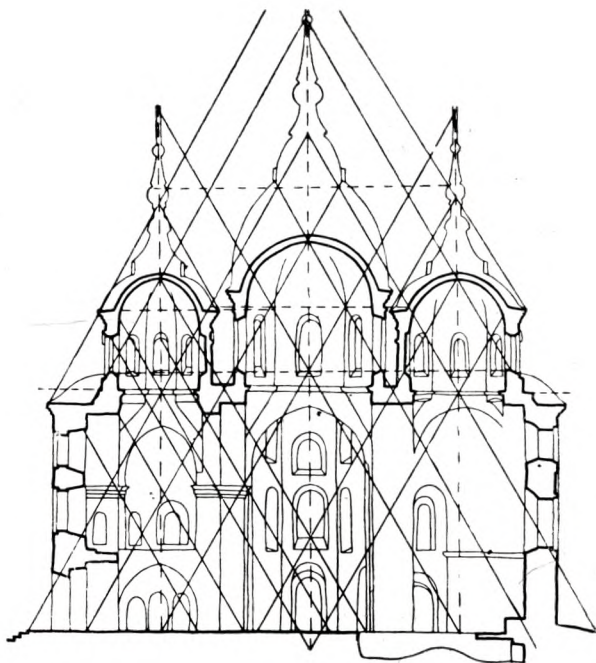
Функции общественной и даже дворцовой архитектуры на Украине довольно долго продолжали выполнять культовые здания.

Одним из ранних памятников пятикупольной крестообразной композиции является Николаевский собор в городе Нежине (1669 г.). Нежин — один из самых примечательных городов Левобережья, в том числе и в архитектурном отношении. Наличие в этом городе большой группы памятников XVII—XVIII вв. объясняется следующим. Основание Нежина восходит ко времени Древнерусского государства. Ряд историков связывает этот город с упоминаемыми в летописях XII в. городами Нежати-на нива, Нежатин, Унежин. По Деулинскому договору 1618 г. Нежин отошел к Польше, а после освобождения в 1649 г. стал центром одного из наиболее крупных казацких полков. В 1656 г. Богдан Хмельницкий переселил сюда богатых греков-торговцев и с этого времени город становится крупнейшим торговым центром не только местного, но и восточ-

¹ Ильин М. Светские основы каменного зодчества Московской Руси XV—XVI вв. Автореферат докторской диссертации. М., 1955, стр. 7—13. Чиняков А. Каменное зодчество в русском централизованном государстве со второй половины XV до конца XVII в. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1954, стр. 11—12.

но-европейского значения. Во внешней торговле России, при отсутствии портов на юге, знаменитые нежинские ярмарки играли весьма видную роль; кроме местных и русских товаров сюда привозились товары из Германии, Италии, Турции и других стран. Не случайно в начале XIX в. в Нежине был организован лицей — придворное учебное заведение.

Из сказанного ясно, что наличие большого количества архитектурных памятников в этом городе не является случайностью. Но мы вынуждены остановиться только на тех, которые нас интересуют в данном случае. Это Николаевский собор

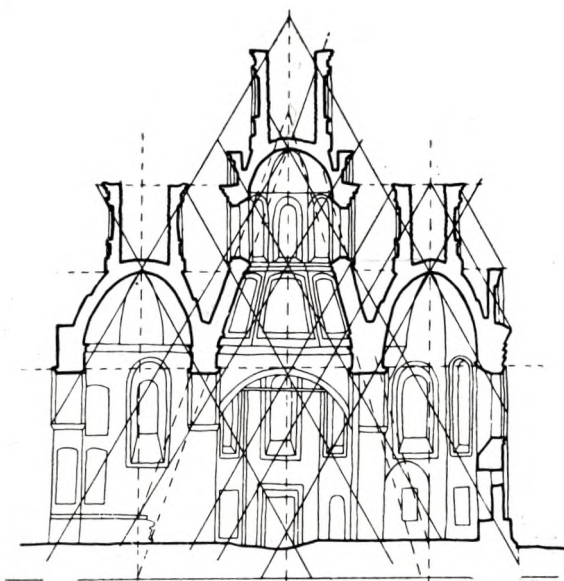


*Николаевский собор в Нежине. Разрез.
Пропорциональный анализ*

(1670 г.) и Благовещенский собор (собор Назарет-Богородицы, 1716 г.).

Николаевский собор является старейшим и самым интересным памятником рассматриваемой группы. Видимо, именно он является прототипом подобных сооружений. Компоновка масс этого памятника отличается ярко выраженной пирамидальностью; его габариты вписываются в равносторонний треугольник. Встроенные по углам объемы сделаны ниже основного массива. Этим создается ступенчатая композиция, завершенная пирамидальной группировкой глав. Центральный купол имеет удлиненную форму. Несколько странную модернизированную форму имеют все главы. Несомненно, это является результатом позднейших переделок.

Наружные объемы основного массива, а также подкуольных барабанов граненые. Это придает зданию особый кристаллообразный вид. Заметна неправильность формы четырех боковых барабанов. Северный и южный купола настолько сплюснуты, что устройство ступенчатых парусов понадобилось только со стороны главного купола, а с противоположной стороны никаких переходных конструкций нет.



Собор в Изюме (1684 г.). Разрез. Пропорциональный анализ

Очень интересна объемно-планировочная схема западной части здания. При входе справа и слева находятся камеры, над которыми устроены хоры, открытые в сторону алтаря и являющиеся своеобразными лоджиями для знатных посетителей храма. Этот принцип найдет дальнейшее развитие в соборе Густынского монастыря и значительно позже — в Вознесенском Переяславском соборе. Подпружные арки, несущие главный купол, в Николаевском соборе имеют слегка стрельчатую форму, что придает их пропорциям особую стройность.

Наружные плоскости собора обработаны при помощи ниш различной конфигурации — в виде прямоугольников, ромбов и т. д. Этот прием также впоследствии станет традиционным (соборы Густынского, Крупицко-Батуринского и Максаковского монастырей). Следует отметить, что первоначально Николаевский собор был украшен также рельефно выступающими деталями в виде гирек, бусин, полуколонок. Под обвалившейся штукатуркой видны следы этого декора.

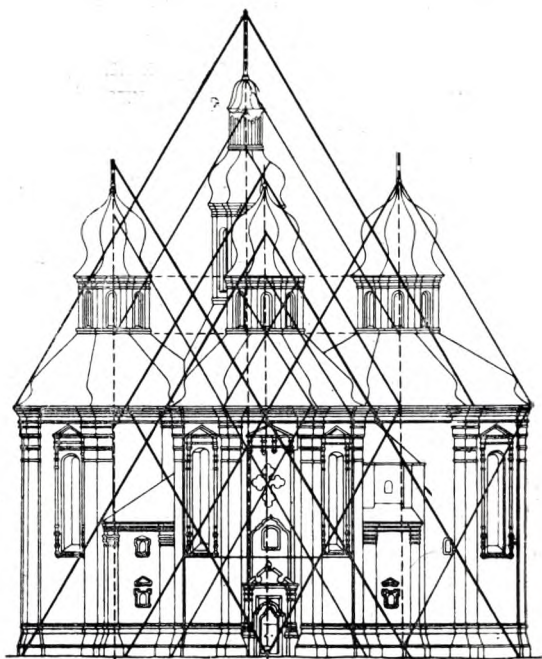
Благовещенский собор в Нежине строился под наблюдением известного общественного и духовного деятеля петровского времени Степана Яворского. Здание было посвящено победе Петра I над шведами. Перед смертью Яворский подарил монастырю огромную библиотеку и распорядился в своем завещании в 1722 г. «церковь всю малеванием украсить». Завещание Яворского было выполнено. Росписи XVIII в. сохранились и сейчас. Известно имя строителя собора. Это был московский зодчий Григорий Иванович Устинов. Авторство Устинова явствует из его челобитной Петру I от 17 декабря 1705 г.¹ В одном из писем Яворский характеризует

¹ ЦГАДА, Малороссийские дела, д. 29, л. 164, 1705 г.

Устинова как мастера «подлинно певного и в малярном деле и в архитектуре искусного».

Композиция здания является необычной и единственной в своем роде. В плане это квадрат с округленными углами. Наружные массы не расчленены, они представляют единый массив, в какой-то мере напоминающий собор Донского монастыря в Москве. Своды собора опираются на четыре столба. В восточной паре столбов устроены лестницы, ведущие в помещения над алтарем, что тоже является необычным. Если в Николаевском соборе ярусной является только западная часть, то здесь ярусы устроены и в западной, и в восточной частях здания. Здание в целом отличается оригинальностью, но оно недостаточно характерно для украинской традиционной архитектуры.

Прекрасным пятикупольным храмом Слобожанщины является Спаский собор в Изюме (1684 г.). По объемно-пространственной композиции это типичный памятник рассматриваемой группы. Здесь хорошо выражены характерные черты: симметрия, пирамидальность, пятикупольность, крестообразность плана, граненность наружных объемов. Это здание позже было изуродовано пристройкой западного притвора и колокольни. Собор опоясывает аркатура, иллюзорно разделяющая здание на два этажа. Грани собора оформлены на углах полуколонками, которые на середине высоты заканчиваются профилированными базами-гирьками. Таковыми же удлинненными полуколонками обрамлены оконные проемы. Это декоративное убранство вместе с четырехрядным зубчатым карнизом создает гармоничное решение. Можно предположить, что по традиционному украинскому обычаю здание первоначально имело «опасание», т. е. галерею, опоясывающую здание.



*Екатерининская церковь в Чернигове (1715 г.)
Фасад. Пропорциональный анализ*

Архитектурные детали Спасского собора в Изюме являются точным воспроизведением деталей харьковского Покровского собора. Учитывая, что эти здания почти одновременны, можно предположить, что они строились одним мастером или группой народных зодчих под руководством одного мастера. В обоих памятниках явственны черты русской архитектуры. В этом нет ничего удивительного, ибо в этих районах всегда было сильно русское влияние. Уже в XVII в. здесь находились русские гарнизоны и русскими мастерами создавались укрепления так называемой украинской линии.

Столь же замечательным памятником группы пятикупольных храмов является Троицкий собор Густынского монастыря (1676 г.). Не будет преувеличением сказать, что этот памятник является одним из лучших произведений украинской архитектуры.

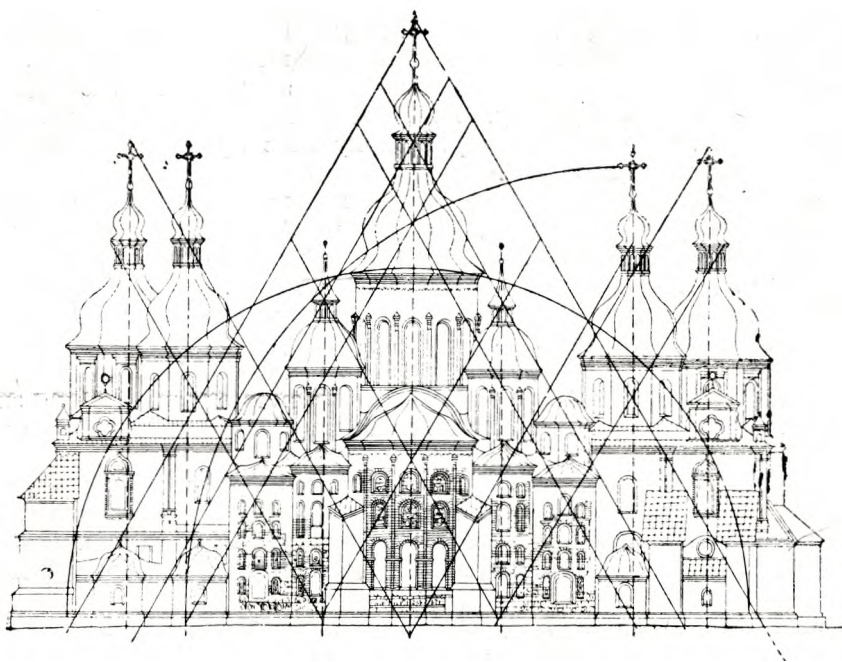
Для изучения истории украинской архитектуры этот ансамбль особенно привлекателен. Все в нем значительно и интересно: и комплекс в целом, и каждое здание в отдельности, и история строительства этих зданий, и связанные с этим архитектурным комплексом выдающиеся имена, и события истории украинского народа.

Основание этого монастыря, так же как и ряда других монастырей Левобережья в XVI в., связано с именем Раины Вишневецкой. Постройки XVI — начала XVII в. не сохранились, ибо они были деревянными. Фундатором дошедших до нас каменных зданий Густынского монастыря был гетман Самойлович. «Летописец о первом зачатии и создании святыне обители монастыря Густынского»¹ повествует о том, как «начаша здати церковь малу... в року 1614... а року 1636... попущением божим за грехи наши церковь оная божия со всею красою и лептою своею среди белого дня сгоре вся даже до основания... и иные все здания монастырские истощися и сгоре...».

В 1671 г. новая церковь опять сгорела «со всякими украшениями, сиречь з роботою зело прекрасного снецарского и малярского». В 1672 г. был заложен нынешний Троицкий собор.

Этому памятнику присущи многие черты, о которых уже говорилось, поэтому следует остановиться только на тех, которые особенно характерны. В этом здании обобщено все то самобытное и оригинальное, что постепенно развивалось в украинском зодчестве. Крестообразные объемы здания, как и в ряде других случаев, по внешним углам закреплены пристройкой дополнительных объемов, которые скомпонованы с учетом общей пирамидальной композиции. С этой целью они разделены по горизонтали на две части: нижняя — прямоугольная, верхняя — граненая.

¹ Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских, вып. 7—8, 1848.



Софийский собор в Киеве (XI—XVIII вв.). Восточный фасад. Пропорциональный анализ

Эта граненность присуща всем частям здания. В итоге получилась богатая игра плоскостей.

В решении композиционной задачи большую роль играет форма оконных проемов. Здесь применено восемь типов окон, от самых больших, в выступающих крестообразных объемах, до самых маленьких в верхнем ярусе угловых объемов. Для создания четкого ритма в необходимых случаях рядом с оконными проемами устроены глухие ниши. Оконные проемы и ниши обрамлены висячими полуколонками. Особенно богато обработана восточная абсида; другого подобного примера мы не знаем в украинской архитектуре.

Интерьер здания производит величественное впечатление благодаря устройству трех ярусов ниш в западной, южной и северной сторонах западного притвора. Мы видели, что принцип устройства внутренних ярусных ниш камер в крестообразном здании, по-видимому, впервые применен в нежинском Николаевском соборе. С помощью такого приема решалась

прежде всего практическая задача. Это были удобные места для власть имущих, т. е. для казацкой старшины. Ярусное расположение ниш делает интерьер собора в какой-то мере напоминающим театральный зал.

Купола украинских церквей и колоколен в основном имеют сферическую или грушевидную форму. В Густыньском соборе применены грушевидные купола. Именно эти очертания куполов придают особое своеобразие украинским памятникам.

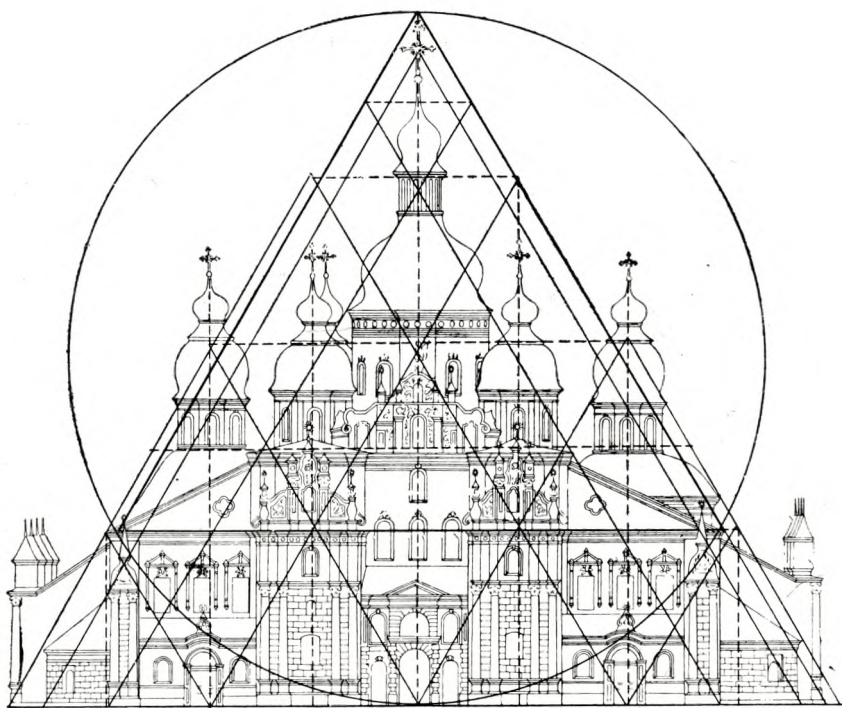
Все пять куполов Троицкого собора имеют неправильную форму и различные размеры. Например, диаметр по оси север — юг восточного барабана равен изнутри 5,64 м, а такой же диаметр западного барабана равен 4,59 м, т. е. разница больше одного метра. Южный и северный купола сплюснуты. Разница диаметров здесь также более одного метра (5,35 и 4,14 м). Объяснить такую значительную неправильность можно только тем, что стены делались слегка наклонными внутрь, как в деревянных зданиях. При сложности объемного решения на значительной высоте без точных измерительных приборов заданные параметры было выдержать трудно.

Переход подпружных арок к барабану в Густыньском соборе осуществлен с помощью двухступенчатых парусов. Интересно устройство этих парусов в боковых куполах. Сторона, примыкающая к главному барабану, образует почти прямую линию, поэтому паруса устроены только с этой стороны.

Густыньский ансамбль окружен стеной, образующей прямоугольник, близкий к квадрату. В каждой стороне были устроены въездные ворота. В северной стене находятся ворота с Варваринской надвратной церковью. В настоящее время это здание сильно перестроено, особенно южный фасад. Между тем оно привлекает внимание оригинальностью своих форм и пристроенной круглой башней. Северный фасад Варваринской церкви украшен нишами, характерными для Прилуцко-Густыньской и Батуринско-Максаковской группы памятников. Есть основания предполагать, что это здание было одновременно жилым, оборонным и культовым и является самым древним в ансамбле. Как мы видели, такого рода здание, но более позднее, было в Коропе.

С восточной стороны в монастырь ведут въездные ворота, на которых стоит пятикупольная Петропавловская церковь того же времени, что и Троицкая. Известен еще только один случай подобной композиции — это церковь на Экономических воротах Киево-Печерской лавры.

Архитектура комплекса Густыньского монастыря оказала влияние на последующее строительство. Черты этой архитектуры заметны в зданиях Максаковского и Круцицко-Батуринского монастырей и в Спасском соборе в Прилуках (1716 г.). По объемно-пространственному решению собор в Прилуках аналогичен Троицкому собору, хотя намного уступает ему в гармоничности и производит впечатление механически составлен-

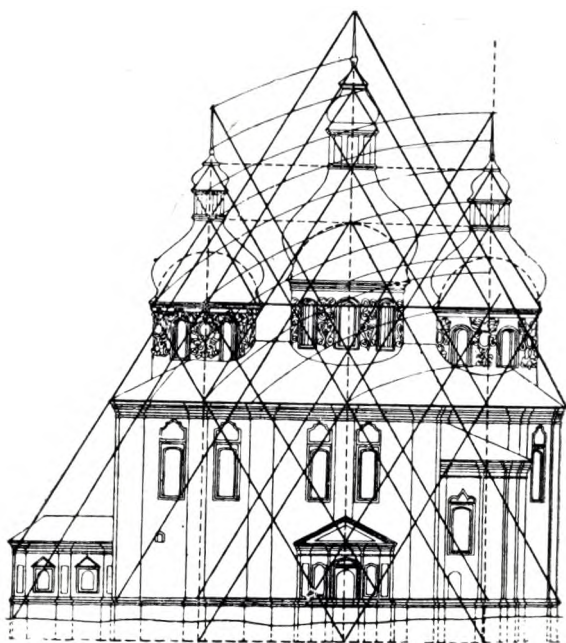


Михайловский Златоверхий собор в Киеве (XI—XVIII вв.). Пропорциональный анализ западного фасада

ных объемов. Особенно мелко и немасштабно купольное завершение этого здания.

Прекрасную группу памятников рассматриваемого типа составляют: церковь на Экономических воротах Киево-Печерской лавры (1698 г.), церковь в Лютеньках Полтавской области (1686 г.), Георгиевский собор Выдубецкого монастыря (1701 г.), Успенский собор в Новгород-Северске (конец XVII в.), Екатерининская церковь в Чернигове (1715 г.) и церковь в Сорочинцах (1732 г.). Объемно-плановое решение этих зданий в принципе является одинаковым. Мы обратим лишь внимание на некоторые особенности этой группы.

Архитектура Георгиевского собора Выдубецкого монастыря и церкви на Экономических воротах Киево-Печерской лавры поразительна по изысканности, грациозности и богатству пластического убранства. Эти



*Георгиевский собор в Даневке (XVIII в.). Фасад.
Пропорциональный анализ*

два здания исполнены поистине артистически. Удивляет уверенность, с которой архитектор оперирует объемами, пропорциями и декоративным убранством. Если в Прилукском соборе архитектор не знал, что ему делать с оконными проемами и очень нерешительно расположил их в четыре ряда в одноэтажном здании, то в этих памятниках тонко и умело достигнута гармоничная слаженность и торжественная приподнятость архитектурного образа. Эта архитектура звучит мажорно, что соответствует данному этапу истории украинского народа.

Каждая грань объемов очерчена сильно раскрепованными угловыми пилястрами, в капителях которых волюты выгнуты

в обратную сторону, чего, вероятно, нет больше нигде в мире. Ритм окон и вообще ритм второго яруса церкви на Экономических воротах великолепен. Рисунок оконных наличников этих двух памятников, а также черниговской Екатерининской церкви поражает своим благородным изяществом. Надо добавить, что эти здания были белого цвета, излюбленного на Украине. В этих районах даже деревянные здания обычно белились. Белый цвет создает богатейшую гамму оттенков в зависимости от освещения, времени дня и года, от окружения, направления падающих теней и т. д.

Все это, вместе взятое, создает неповторимое очарование этой группы памятников, подлинную национальную самобытность их облика.

Достопримечательностью Сорочинской церкви является ее наружное убранство. По объемному построению она представляет тот же тип. Ее центральный купол очень велик. Боковые же настолько малы, что световые барабаны играют незначительную роль.

Пропорциональный анализ планов зданий этого типа, в частности Густынского Троицкого собора, церкви в Сорочинцах, Изюмского собора и Николаевского собора в Нежине, показывает, что основой пропорционирования служит размер подкупольного квадрата, т. е. соотношение его сторон и диагонали (см. чертежи).

Существует сооружение, которое как бы подводит итог строительству крестообразных пятикупольных зданий на Украине. Это собор в Козельце (1764 г.). Его объемно-плановая структура усложнена, но в принципе аналогична рассмотренным зданиям.

Архитектура собора поистине символична. Это великолепное здание построено в честь рода Разумовских. Интерьер здесь величествен, плановое решение — богатейшее, убранство — поразительное. Но все это дворцовое великолепие выглядит совершенно неожиданным на фоне тишайшего украинского села, каким всегда был Козелец.

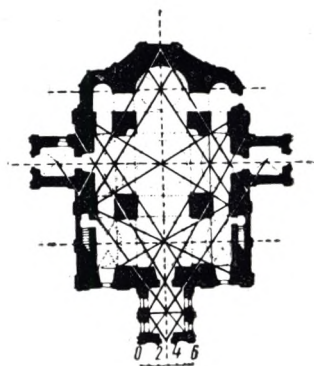
Козелецкий собор, построенный русским зодчим Квасовым и украинским зодчим Григоровичем-Барским, является последней страницей старого украинского зодчества и возвещает приход и утверждение новых архитектурных вкусов.

Разновидностью рассмотренного типа храмов являются пятикамерные, но однокупольные сооружения. Можно допустить, что прототипом этих центральных храмов на Украине была известная церковь в Сутковцах.

Одним из ранних произведений такого типа является церковь Николы Притисского на Подоле в Киеве, сооруженная на рубеже XVII—XVIII вв.

Оригинальным зданием, в котором получили дальнейшее развитие приемы объемно-пространственного построения, является Вознесенский собор в Переяславе (1700 г.).

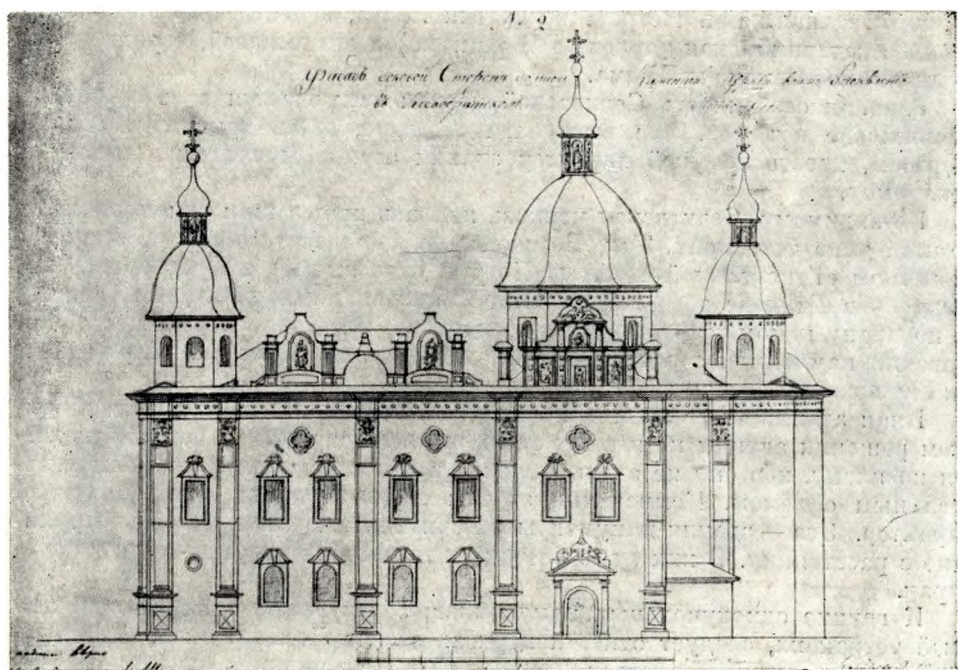
По плану он несколько отличается от рассматриваемых памятников. Здесь соблюдены крестообразные очертания плана, но этот план образует девятикамерную композицию: пять — в ветвях креста и центральном подкупольном пространстве, а четыре — в наружных углах. Казалось бы, что при таком плане здание должно иметь пять куполов. Но здание увенчано одним куполом, да к тому же совсем необычных пропорций; барабан этого купола непомерно вытянут вверх. Так как возвышающиеся боковые объемы остались без куполов, их пришлось завершить фронтонами, в силу чего здание приобрело некоторые черты гражданской архитектуры.



*Георгиевский собор в Даньковке (XVIII в.). План.
Пропорциональный анализ*



Троицкий собор в Чернигове (1679—1695 гг.). Западный фасад



Собор Братского монастыря в Киеве, арх. О. Старцев (1690—1693 гг.). Южный фасад. Чертеж XIX в.

Прекрасно выглядит интерьер этого здания. Четыре добавочные камеры представляют собой трехъярусные лоджии, что является развитием того же приема, что в Густыньском Троицком соборе.

О наличии своеобразных приемов переяславских зодчих свидетельствует и другой памятник этого города — Покровский собор, 1709 г. (не существует). Это здание также имело крестообразный план с пятью главными камерами. Оригинальной особенностью этого здания является то, что к главной апсиде с севера и юга были пристроены полукруглые башни с двумя рядами глухих ниш, что напоминает строительные приемы Киевской Руси.

Прекрасным образцом храмов этого типа является однокупольная церковь в Седневе (1690 г.) — этой своеобразной столице династии казацких старшин: генерального бунчукового товарища Якова Лизогуба

(участвовавшего при Петре I во взятии Азова, в честь чего была построена Екатерининская церковь в Чернигове) и его сыновей, черниговских полководцев Семена и Ефима.

Главная особенность Седневской церкви заключается в своеобразной компоновке объемов. Все выступающие части здесь понижены. Таким образом, крестообразный характер здания четко выявлен и в плане, и в объемах.

По-видимому, Седневская церковь явилась прототипом однокупольных зданий типа тетраконх. Так, Вознесенская церковь в Коропе (построена атаманом «Генеральной армат» Петром Юркевичем) и Преображенская церковь в Глухове того же времени являются памятниками-близнецами и по плану напоминают седневскую церковь. Возможно коропский и глуховский памятники строились одним мастером по более раннему седневскому образцу.

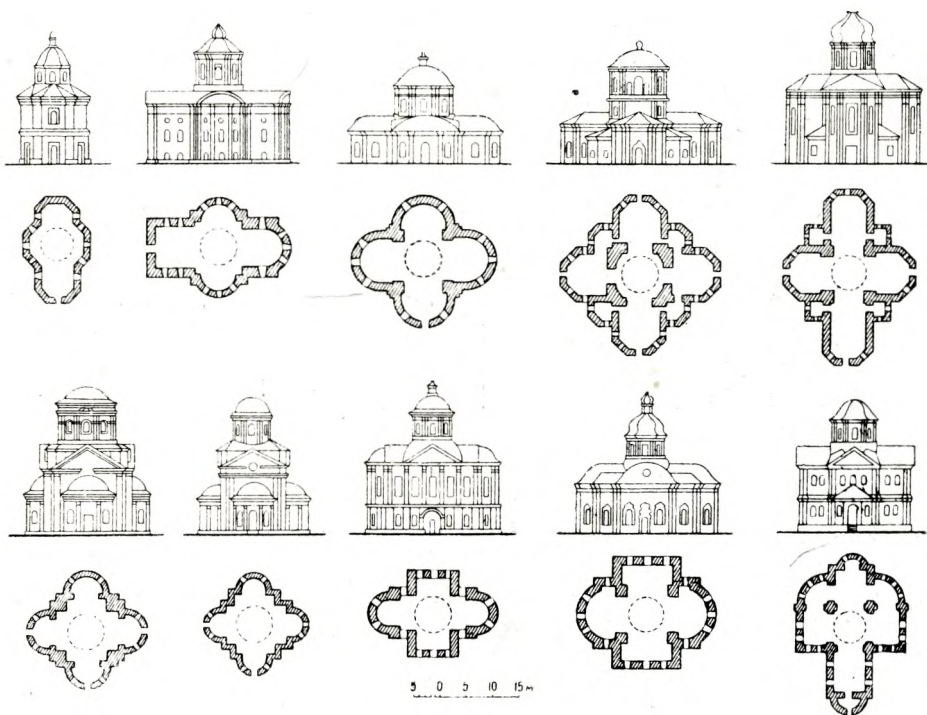
План зданий этого типа — правильный тетраконх, но в общем объемном решении апсиды не играют столь значительной роли, как это кажется по плану, ибо они не очень заметны в сопоставлении с мощным центральным объемом. Композиция здания в целом носит явно башенный характер. Это — здания-монументы, рассчитанные прежде всего на восприятие с расстояния. В них мало световых проемов и внутри царит полумрак.

К группе однокупольных памятников, образующих в плане правильный тетраконх, следует отнести церковь в селе Лемешпи около Козельца (1761 г.), а также церковь в Диканьке на Полтавщине. Изящно раскрепованные колонны и пилястры украшают диканьский памятник. Отлично прорисована лепка вычурного «елизаветинского» декора. В памятнике чувствуется продуманная пропорциональность классической архитектуры. В сравнении с бесхитростной, мощной, выразительной и своеобразной архитектурой рубежа XVII—XVIII вв. эти памятники вызывают двойственное чувство.

Странно выглядит на фоне украинского пейзажа игривая, придворная архитектура церкви в Диканьке. Ведь Диканька — это родовое имение Кочубея, который сложил свою голову на плахе. Слащавая архитектура диканьского памятника вряд ли соответствует тому времени, когда здесь разыгрался один из трагических эпизодов украинской истории.

Совсем иное впечатление производит маленькая, забытая церковь в селении Новые Млыны, расположенном при слиянии двух рек Украины — Десны и Сейма. На этом месте прежде существовал Новомлынский монастырь, упраздненный в 1776 г. Это здание не имеет никакого декора; его достоинство заключается в простоте и ясности архитектурного образа.

Сходная по тетраконховому плану, но, вероятно, более древняя, церковь сохранилась в селении Максаки на правом берегу Десны, против бывшего Максаковского монастыря. Такой же памятник сохранился в ме-



Однокупольные здания. Планы и фасады

верхний ряд — церковь Ильи на Подоле в Киеве (XVII в.), церковь в с. Воронеж Сумской обл. (XVIII в.), церковь в с. Новые Млыны Черниговской обл. (XVIII в.), церковь в Седневе (XVII в.), церковь Николая Притисского в Киеве (XVII в.); нижний ряд — церковь Вознесения в Коропе (XVIII в.), церковь в с. Лемешы Черниговской обл. (XVIII в.), церковь Иоанна Богослова в Нежине (XVIII в.), Введенская церковь в Нежине (XVIII в.), церковь Николая в Козельце (XVIII в.)

стечке Погар Брянской области, во времена гетманщины относившемся к Стародубскому полку.

Тетраконховая система получила на Украине широкое распространение в силу традиционного стремления украинских зодчих к симметричному построению зданий. Наряду с правильным тетраконхом (церкви в селе Носовка, 1765 г. и селе Рыково, 1772 г., на Черниговщине) появляются некоторые вариации этого плана. По новой схеме созданы отличающиеся исключительной пропорциональной слаженностью два памятника в Нежине — церковь Иоанна Богослова (1752 г.) и Введенская церковь (1778 г.). Первая из них примечательна тем, что стоит на высоком подклете по русскому образцу.



Вознесенская церковь в Короне (XVIII в.)

Материалы исследования дают возможность прийти к заключению, что в течение рассматриваемого времени в монументальном культовом зодчестве Левобережья и Киева не наблюдалось строгой последовательности в строительстве зданий различных объемно-пространственных схем — зальных, трехчастных однокупольных и трехкупольных, пятикамерных однокупольных и пятикупольных. Тип зальных зданий был редким; остальные развивались параллельно.

Разнообразие одновременно существующих типов увеличивается еще двумя типами: это столпные здания прямоугольного плана — трехкупольные и пятикупольные.

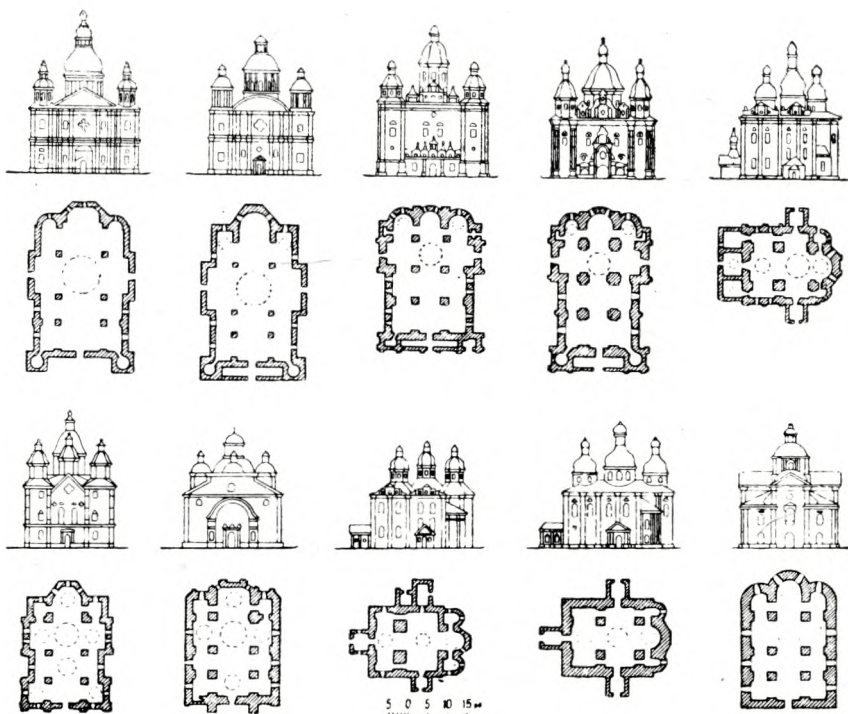
Весьма оригинальным, комбинированным типом являются здания кубовидного объема и прямоугольного плана, которые тем не менее, по древней национальной традиции, увенчаны тремя куполами. Это собор в Ромнах (1689 г.), Фроловский собор в Киеве (1732 г.) и Георгиевский

собор в селе Даневке около Козельца (1770 г.).

Древнейший из них Троицкий собор в Ромнах представляет сооружение, объемно-плановая структура которого в принципе отличается от всех выше рассмотренных памятников. Если в тех зданиях трехкупольное завершение увенчивало сильно расчлененный массив здания, то в данном случае здание представляет собой единый кубовидный объем. В плане он близок к квадрату. Этот массив расчленен простыми пилястрами и двумя рядами удлиненных окон с предельно простым обрамлением.

Крестообразность плана внутреннего пространства выявлена благодаря четырем опорным столбам. Форма и расположение куполов Троицкого собора традиционны. Южный и северный фасады здания увенчаны фронтонами, что в дальнейшем становится излюбленным приемом.

Собор в Ромнах и последующие соборы этого типа являются новым шагом в типологическом развитии монументальной архитектуры. В то



Типы многокупольных зданий прямоугольного плана

верхний ряд — Троицкий собор в Чернигове (XVII в.), Мгарский собор (XVII в.), Никольский собор в Киеве (арх. О. Старцев, XVII в.), Братский собор в Киеве (арх. О. Старцев, XVII в.), собор в Ромнах (XVII в.); нижний ряд — Крестовоздвиженский собор в Полтаве (XVIII в.), Гамалеевский собор (XVIII в.), Фроловский собор в Киеве (XVIII в.), Георгиевский собор в Даневке (XVIII в.), Троицкий собор в Глухове (XVIII в.)

же время этот тип в какой-то мере напоминает русские кубовидные храмы XVII в., например собор в Измайлове в Москве, собор в Рязани и др.

Георгиевский собор в Даневке отличается своим декоративным лепным убранством. Во Фроловском и Роменском соборах отсутствует такое убранство, причем именно на этом построен эффект выразительности простых плоскостей здания и нарядных фронтонов. В Георгиевском соборе фронтонов нет. Нарядность этому зданию придает декоративная лепка, которой украшены барабаны куполов и главный портал.

Новым типом храмов являются многокупольные (обычно пятикупольные) здания прямоугольного плана. Все предшествующие храмы были



Мгарский собор. Фрагмент интерьера (1684—1692 гг.)

зданиями центрического типа. Эта центричность была выражена главным образом расположением куполов. В зданиях рассматриваемого типа купола теряют свое композиционное значение, ибо главенствующее положение занимает горизонтальный корпус самого здания.

В новых типах зданий в принципе меняется организация внутреннего пространства. Хотя крестообразный план пирамидальных композиций создавал некоторую расчлененность внутреннего пространства, но оно легко обозревалось, ибо не было внутренних столбов. Появление внутренних опор, а также ярусных боковых нефов делает интерьер многослагаемым, состоящим как бы из отдельных секций как по горизонтали, так и по вертикали. Барабаны боковых куполов перестают быть световыми.

Продольные нефы — главный и боковые — выражены в зданиях такого типа слабо, отнюдь не в такой мере, как это делалось в культовых зданиях Западной Европы. В плане этих зданий форма латинского креста фактически отсутствует. Нет в них также нервюрных сводов, удли-

ненных пучкообразных колонн, стрельчатых арок, цветных витражей и тому подобных элементов, свойственных западноевропейским базиликам.

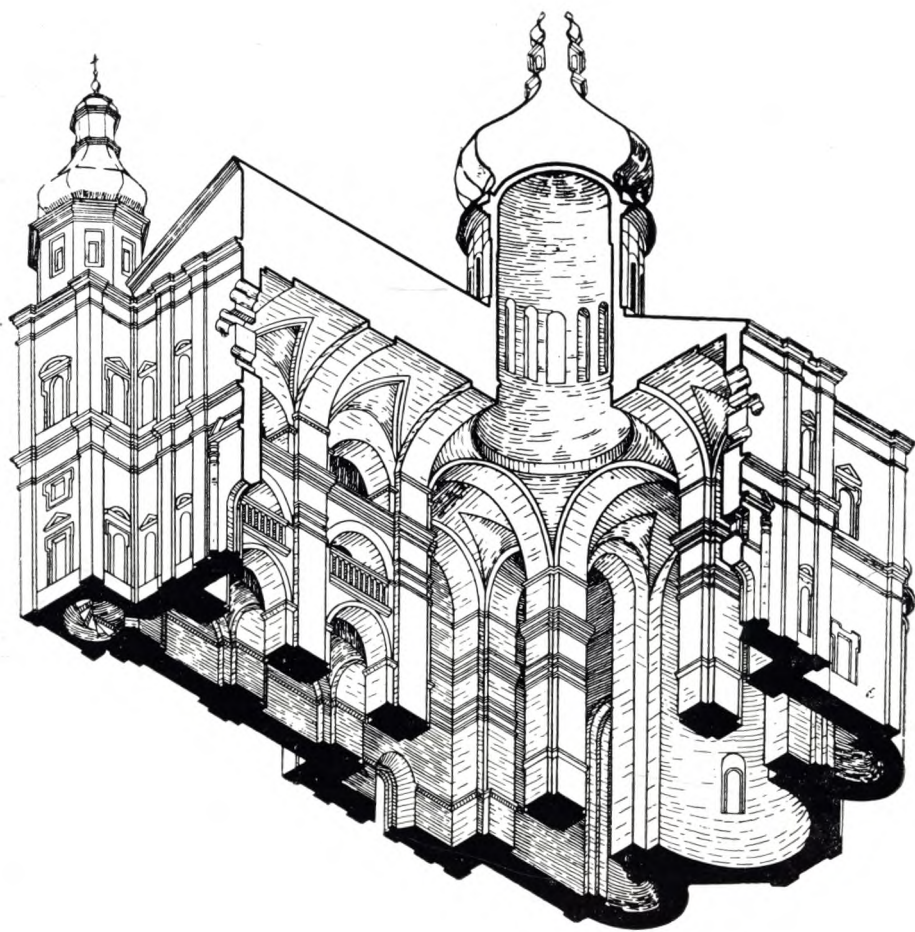
Сторонники западного происхождения этих типов храмов на Украине (Антонович, Павлуцкий), не подкрепляя свои доводы фактическими сопоставлениями, ограничиваются лишь общими заявлениями об идентичности западноевропейских и украинских памятников такого типа. В этом отношении исключением является исследование Залозецкого, который называет несколько памятников западной архитектуры, по его мнению являющихся прототипами украинских памятников такого типа¹. Это — церковь Иль-Джезу в Риме (1556—1604) и Петропавловская церковь в Вильнюсе (1668—1684).

Мгарский собор и Троицкий собор в Чернигове действительно напоминают названные памятники Вильнюса и Рима главным образом построением плана. Следует отметить, впрочем, что боковые нефы церкви Иль-Джезу состоят из отдельных камер-притворов, что в принципе отличается от объемного построения двух украинских памятников. К тому же в плане церкви Иль-Джезу предельно ясно выражена форма латинского креста, чего нет в памятниках Мгара и Чернигова.

Сопоставление архитектуры названных памятников действительно дает основание утверждать, что эти два украинских храма являются результатом освоения некоторых приемов западноевропейского объемно-планового построения. Однако следует иметь в виду, что эти приемы не являются открытием западноевропейских зодчих, а имеют своим первоисточником византийскую архитектуру, с которой, как известно, была связана древнерусская архитектура XII—XIII вв. Таким образом, трудно сказать, какая линия в этом процессе эволюции украинской архитектуры в XVII в. была сильнее — линия освоения современных западноевропейских приемов или же линия возрождения в новых условиях некоторых русско-византийских традиций. Наследие великокняжеской Руси не было мертвым грузом для украинских зодчих XVII в. Обновление древнерусских памятников, предпринятое в первой половине XVII в., не могло не вызвать общественного интереса к этим зданиям, зажившим своей второй жизнью. Логично допустить, что отблесками этого великого наследия и являются памятники рассматриваемого типа.

Эти храмы строились на Украине почти одновременно в 1680—1700 гг. Это были годы сравнительно продолжительного правления Украины гетманами Самойловичем и Мазепой. Казацкое старшинство достигло апогея своей власти. Именно в это время «ясновельможные» и их окружение порывают с той демократической основой, которая существовала при Хмельницком. Правда, казацкие старшины явно переоценивают свою роль, так

¹ Z alozieckyi. Die Barockarchiteckture Osteuropas mit besonderer berucksichtigungen der Ukraine. Berlin, 1929.



Троицкий собор в Чернигове (1679—1695 гг.). Аксонометрический разрез

как русское самодержавное правительство стремится к ликвидации даже относительной автономии Украины. Перед казацкими старшинами стоял выбор: либо превратиться в рядовое российское дворянство, либо пойти на конфликт с самодержавием и угодить в Сибирь. Казацкая старшина искала путей возвеличения и сохранения своего престижа в формах монументального культового зодчества.

В большинстве бесстолпных крестообразных зданий религиозные церемонии не предусматривали какой-либо дифференциации населения. Многокамерное, довольно сложное построение пространства в храмах нового типа было более удобным для общества, все более расслаивавшегося на имущественные и правовые группы.

Собор Троицкого монастыря в Чернигове является старейшим зданием этого типа. Он выстроен в 1695 г. В 1781 и 1808 гг. горел. После пожара 1781 г. вместо прежних пяти куполов было восстановлено три, остальные оказались поврежденными настолько, что были совсем разобраны¹.

Планировка здания и основные объемы дошли до нас без изменения, но наружные и внутренние детали, несомненно, подвергались переделкам и модернизации в духе классицизма. Однако эти переделки не уничтожили полностью своеобразие первоначальной архитектуры. Достаточно сказать, что в здании нет колонн или полуколонн, а пилястры не имеют развитых капителей и баз. Свообразным «латинизмом» является устройство ниш на всех фасадах в обоих ярусах здания. В таких нишах в католических странах обычно устанавливалась скульптура, здесь же в некоторых нишах сделаны живописные изображения, видимо, более позднего происхождения.

На западном фасаде собора находятся две башни, увенчанные восьмигранными главами. Внутри одной из них устроена лестница, ведущая в верхние ярусы. Наличие этих башен обычно считается приемом, заимствованным в западной архитектуре. Однако в Чернигове еще с XI в. сохранился Спасский собор с двумя башнями на западном фасаде (одна из них — поздняя).

Если в зданиях предшествующих типов интерьер обычно решался просто, без украшения, если не считать богатого резного иконостаса, то здесь не только иное пространственное построение интерьера, но и иной принцип его декоративного убранства. Все рассчитано на внешний эффект. Сильно раскрепованные столбы, трехъярусные боковые нефы с балюстрадами, удаляющиеся в перспективе крестовые своды нижних галерей боковых нефов — все это выглядит нарядно, тем более что стены и потолки покрыты декоративной и тематической росписью (живопись была поновлена в 1876—1878 гг.). Пятиярусный иконостас собора представлял собой редкий образец работы украинских мастеров XVII в. Несомненно, зодчий был знаком с архитектурой итальянского Возрождения и с ее реминисценциями в более близких к Украине странах.

Элементы некоторой подражательности снижают ценность этого памятника, а его пространственное построение создает впечатление какой-то

¹ Шафонский А. Черниговского наместничества топографическое описание. М., 1851, стр. 269.

незавершенности. В зданиях пирамидальной композиции весь пропорциональный строй был подчинен принципу строгой центричности. В данном же случае пространство организовано по принципу горизонтальной ярусности, по боковые нефы слишком коротки для того, чтобы получилось развитое горизонтальное пространство. Это особенно чувствуется во втором ярусе, который представляет собой обычные, довольно незначительные по размерам хоры, а третий ярус вообще является ложным. Ложными, закрытыми были все боковые барабаны, что совершенно противоречит украинской традиции.

Кто был автором этого здания?

В специальной литературе последних десятилетий утвердилось мнение, что автором был Адам Зерникау — немец из Кенигсберга, философ, богослов и правовед, — после долгого пребывания в университетских городах Европы очутившийся в 1680 г. в Чернигове. Первоисточником этих сведений являлась, по-видимому, автобиография Зерникау¹. Однако сопоставление даты приезда Зерникау (1680 г.) и начала строительства собора (1679 г.) говорит о том, что когда Зерникау прибыл в Чернигов, собор уже строился. Кроме того, Зерникау, который многословно и подробно пишет обо всех событиях своей биографии, ни слова не говорит о том, что он участвовал в строительстве Черниговского храма.

Из сказанного следует, что авторство Зерникау в отношении Троицкого Черниговского собора очень сомнительно. Кто же, все-таки, мог быть автором этого незаурядного здания? Точно ответить на этот вопрос невозможно, но мы позволим себе высказать новое предположение на этот счет.

Выше было приведено письмо гетмана Самойловича к игумену Мгарского монастыря Русиновичу от 12 января 1684 г., где сказано: «...залецил нам наш полковник Черниговский... майстра немецкое породы на имя Ивана Баптисту, которого для поправки церкви пастырское до Чернигова з Литвы затыгнуено...», и далее: «...показывал нам оный тут абрис Черниговское пастырское церкви». Итак, Иван Баптист был из Литвы приглашен в Чернигов для церковного строительства. Что именно он строил здесь, мы не знаем, однако можно предположить, что это был Троицкий собор. Такое предположение подтверждается тем, что Мгарский собор, который строил этот мастер, являлся несколько уменьшенным вариантом Троицкого Черниговского собора.

¹ Труды Киевской духовной академии, Киев, 1860, кн. 3, стр. 173. В комментариях высказано предположение, что Зерникау, после многих постигших его неудач, пострится в монахи Киево-Печерской лавры, где и умер в 1692 г. (собор был закончен строительством в 1695 г.). Есть и другие сведения: в дневнике генерального хорунжего Николая Ханенко (1727—1753 гг.) сказано «...отца Адама, що у преосвященного новгородского был (Зерникава) поховано в Невском монастыре. Умер здесь 5 января, 1733 г.». (Приложение к ж. «Киевская Старина», 1884, март, стр. 90).

Главный собор Мгарского монастыря (1692 г.) был построен почти одновременно с Троицким собором, при тех же самых влиятельных патронах. Объемно-плановая структура этого здания идентична вышерассмотренным, и лишь в некоторых деталях имеется различие. Роль этого памятника в истории украинской архитектуры возрастает еще и потому, что сохранились документы, более или менее полно освещающие его строительство¹.

Иван Баптист умер, не достроив собор. При нем каменные работы были выполнены только наполовину. Его строительная деятельность в Мгарском монастыре была неудачной: построенный под его руководством Троицкий собор частично обрушился вскоре после окончания работ, а кирпичный свод собора рухнул в 1728 г.

Строительство собора было завершено народным мастером Афанасием Пиратинским (очевидно, уроженцем Пирятина), а плотничьи работы вел «тесельский майстер» Демьян Ворона. И при жизни Иван Баптист не был единственным строителем здания. Подмастером при нем состоял Мартын Томашевский, судя по фамилии, также украинец.

Мгарский собор горел в 1734 и в 1755 гг., после чего перестраивался. Поэтому не ясен вопрос о первоначальном завершении памятника. Согласно договору на его строительство, здание должно было иметь «среднюю баню-матицу с полубанком наверху той матицы». Всего должно было быть три купола, расположенных по прямой с востока на запад. Но при описании последствий пожара 1775 г. указывается, что сгорело семь куполов этого здания, но не говорится об их расположении. А с того момента, как этот памятник начал привлекать внимание исследователей, на нем было пять куполов, расположенных по московскому образцу, т. е. один в центре, а четыре на углах здания.

По договору 1682 г. размеры мгарского памятника должны быть следующими: длина 57 локтей (19 саж. или 40,7 м); ширина 37 локтей (12 саж. и 1 аршин, или 26,6 м); высота без креста — 63 локтя (21 сажень, или 44 м), при ширине фундаментов — 5 локтей (1,67 сажени, или 3,5 м)².

По данным обмеров с натуры ЦГРМ УССР в 1956—1957 гг. длина, ширина и высота (в наибольших параметрах) соответственно — 40,6, 27, 36 м.

Как видим, заданная длина и ширина здания практически совпадают с натурой, но по высоте Баптист отклонился на целых восемь метров. Очевидно, свести своды точно на заданной высоте не всегда удавалось.

¹ Суммирующие материалы приведены в статье В. Модзелевского «Будування церков у Лубенському Мгарському монастирі в 1682—1701 гг.» «Наше минуле», № 3, 1918.

² Камакин И. Договоры на сооружение церквей в Малороссии в XVII в. Киев, 1912, стр. 11.

Если планы Троицкого Черниговского и Мгарского соборов почти одинаковы, то иное впечатление оставляет сравнение их интерьеров. В пропорциях интерьера Мгарского собора от принципа базиликальности по сути дела ничего не осталось. Боковые нефы малозаметны, тем более что они двухъярусные, а не трехъярусные, как в Черниговском соборе. Правый и левый приделы алтаря двухэтажные и, видимо, отсюда этот прием заимствован для устройства алтарной части в более позднем Нежинском Благовещенском соборе.

Пропорциональное решение и общая композиция наружных объемов Троицкого и Мгарского соборов имеет много общего, за исключением количества куполов и их композиции. Надо заметить, что верхи всех черниговских памятников при большом разнообразии отличаются какой-то особой упругостью форм. Таковы купола Троицкого и Елецкого монастырей и других памятников. Этого нет в «полубанках по верху матиц» Мгарского собора. Фонарь с маковкой по верху основного купола довольно суховат. Зато в Мгарском соборе на всех фасадах, за исключением восточного, возведены живописные фронтоны, характерные не в меньшей степени и для гражданских зданий.

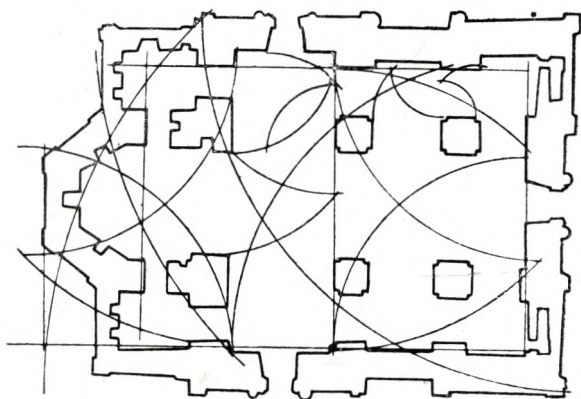
Но самой главной достопримечательностью Мгарского собора являются его лепные украшения. Эта лепка носит барельефный характер. Лепные композиции даже внутри собора не связаны с религиозной тематикой и выражают тему изобилия и плодородия. Лепные изображения крылатых фигур, несущих корзины с плодами и цветами, исполнены подчеркнуто реалистично. Эти украшения кажутся особенно выразительными потому, что они komponуются прямо на гладкой поверхности стены. От этого выигрывает также и выразительность плоскости, она кажется более монолитной.

К этому же типу храмов относится собор Полтавского Крестовоздвиженского монастыря (1709 г.). Его план почти не отличается от плана Мгарского собора, но в объемном решении и декоративной обработке здания имеются еще большие различия, чем при сравнении предыдущих двух памятников. Это единственный сохранившийся на Украине храм с семью куполами (в Стародубе существовал Преображенский собор XVII в., также увенчанный семью куполами, но памятник не сохранился). Расположение этих куполов в плане представляет своеобразное сочетание украинского крестообразного пятиглавия с двумя башнями на западной стороне, как это было в некоторых памятниках XI—XII вв.

В пластическом решении вышерассмотренных двух памятников в той или иной мере чувствуется влияние классических приемов. Здесь этого нет. По горизонтали здание лишь слегка разделено узким карнизом на две неравные части. Угловые пилястры расчленены поперечным узором, как это было в памятниках Стародуба и Глухова. Исключительным своеобразием отличаются оконные проемы и их обрамление. Здесь примене-



Собор Крестовоздвиженского монастыря в Полтаве (1689—1709 гг.)



Собор Крестовоздвиженского монастыря в Полтаве (1689—1709 гг.). План. Пропорциональный анализ

ны много типов окон от почти квадратных до сильно вытянутых, что создает большое разнообразие в чередовании плоскостей и проемов. Рисунок наличников и порталов также разнообразен и чрезвычайно живописен.

В целом можно сказать, что в этом памятнике при прямоугольном базиликальном плане с большой силой сказались традиционные самобытные черты, которые мы уже наблюдали в ряде других памятников.

Пропорциональный анализ плана этого здания подтверждает наблюдение, что основой соразмерности зданий являлся квадрат и его диагональ (см. чертеж). Так, в соборе Полтавского Крестовоздвиженского монастыря диагональ квадрата, построенного на стороне столба, равна расстоянию между этим столбом и пилястром стены; диагональ квадрата, построенного на этом расстоянии, равна расстоянию между парой столбов; диагональ квадрата, построенного на расстоянии между ними, равна ширине бокового нефа и т. д.

Рассмотренные памятники (в наиболее чистом виде этот тип представлен Троицким Черниговским собором) знаменуют собой обращение к творческой переработке традиций архитектуры XI—XII вв., а с другой стороны, в какой-то мере отражают стилистические черты архитектуры Западной Европы, а именно ее ренессансно-барочное направление.

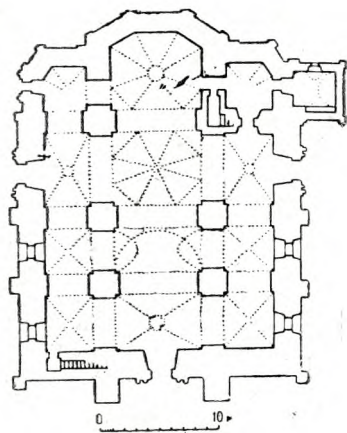
Весьма примечательно, что зодчие полтавского памятника, который начал строиться, когда были закончены первые два собора, принимая за основу их планировочное решение, решительно отходят от ренессансных приемов и продолжают линию самобытного, местного построения объемов и плоскостей. Таким образом, появление нового типа храмов отнюдь не повлияло на общий процесс развития традиционных приемов, а как раз наоборот: этот новый тип, не успев появиться на украинской земле, стал явно эволюционировать под воздействием местных традиций. Доказательством этому, в еще большей мере, чем полтавский памятник, является собор Гамалеевского монастыря (1735 г.).

В свое время было высказано мнение, что здание было построено все тем же Адамом Зерникау¹, однако никаких документов в подтверждение этого не приводилось (к этому времени его, по-видимому, не было в живых).

Ошибочное мнение о том, что это здание тождественно собору Троицкого Черниговского монастыря было высказано свыше ста лет назад А. Ратшиным². Действительно, если сравнить планы этих двух зданий, то сходство Черниговского и Гамалеевского памятников несомненно — это шестистолпные, трехнефные, пятикупольные (вначале в Троицком Черниговском соборе также было пять куполов) здания. Но если обратиться к сравнению объемов и внешнего вида этих зданий, то легко убедиться, что в Гамалеевском памятнике по сути восстановлены прежние крестообразные объемы, ибо угловые приделы на южной и северной стороне сделаны пониженными, как это всегда делалось в крестообразных композициях.

Вид этого памятника зафиксирован в плане монастыря, составленном вскоре после пожара 1795 г. (монастырь горел еще раньше в 1738 г.)³. Этот чертеж ценен особенно тем, что кроме плана всего ансамбля здесь изображены фасады наиболее значительных зданий. Среди них собор, который не только по объемам, но даже в деталях имеет такой же вид, как и теперь. Переделаны только купола, о чем легко догадаться по их приплюснутой форме и на что есть прямые указания в чертеже.

Зодчий Гамалеевского собора настолько изменил по сравнению с черниговским прототипом композицию наружных плоскостей и объемов, что невозможно себе представить, чтобы один и тот же автор строил эти столь различные здания. Если для Черниговского и Мгарского памятников характерна горизонтальность членений, то в соборе Гамалеевского монастыря горизонтальных карнизов вообще нет, а имеющиеся по углам выступы, которые даже нельзя назвать пилястрами, настолько они упрощены, подчеркивают как раз вертикальность объемов, что всегда было



Собор Гамалеевского монастыря (1735 г.). План

¹ Домонтович М. Материалы для географии и статистики России. Черниговская губерния. Спб., 1865, стр. 671.

² Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях в России. М., 1852, стр. 19.

³ ЦГИАЛ, фонд 1399, оп. 1, ед. хр. 843.



Собор Гамалеевского монастыря (1735 г.)

в традициях украинского зодчества. И в довершение всего оконные проемы собора совершенно не имеют наличников, а наружные плоскости — каких-либо украшений, что придает зданию строгий, даже оборонный вид.

Анализируя архитектуру Черниговского и Мгарского соборов (до украшения последнего лепкой в XVIII в.), нельзя отрицать, что здесь чувствуется рука мастера, прошедшего европейскую выучку. Этого никак нельзя сказать об архитектуре Гамалеевского собора. Здесь все непосред-

ственно и самобытно и в то же время в некоторых деталях неумело с точки зрения элементарного представления о формах классической архитектуры. Подобного странного портика не было в украинской архитектуре ни до, ни после. Явно украинские народные мотивы (декоративные розетки) оригинально сочетаются здесь с приемами классической архитектуры (полуколонки с упрощенными капителями с непропорционально огромной базой) и деталями русского строительного искусства (завершение портала в виде кокошников).

В конце XVII в. в Киеве было построено еще два здания — Никольский собор (1696 г.), переименованный в начале XIX в. в Военно-Никольский, и собор Братского монастыря (1693 г.).

Согласно установившемуся мнению, автором этих зданий является известный московский зодчий Осип Старцев¹. Однако И. Э. Грабарь высказал новую гипотезу о работах Старцева на Украине. Он считал, что эти киевские соборы Старцев построил по проектам Зарудного². Нам кажется такое предположение маловероятным по той простой причине, что давно известны и самим Грабарем в свое время опубликованы документы, подтверждающие авторство Старцева в отношении этих зданий³.

Старцев был одним из первых русских зодчих, строивших на Украине. Естественно, что произведения, созданные на Украине известным московским мастером, вызывают особый интерес.

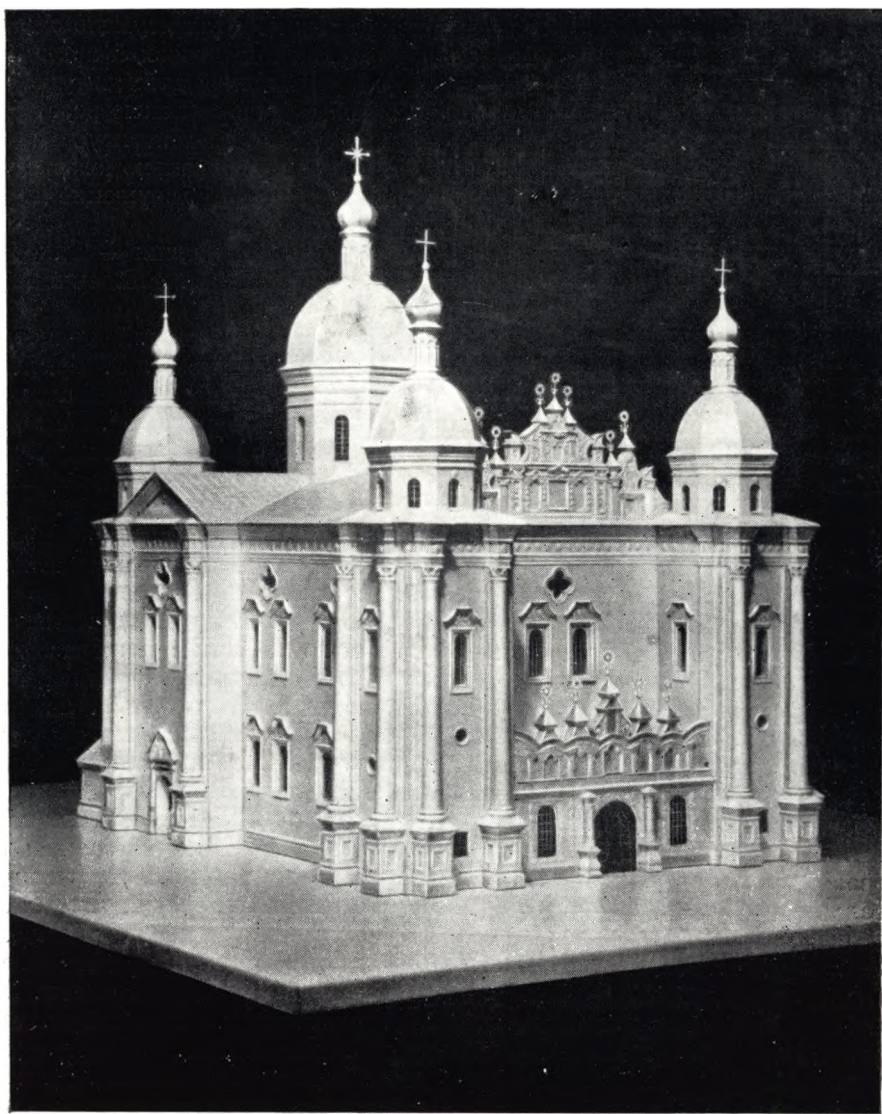
Рассматривать подробно объемно-плановое решение двух киевских соборов нет необходимости; в принципе оно таково же, как в выше рассмотренных зданиях этого типа. К тому же оба киевских храма отличаются друг от друга только деталями. Поэтому следует остановиться на том новом, что содержится в архитектуре этих зданий в сравнении с другими памятниками этого типа. Однако прежде надо сказать о некоторых общих предпосылках строительства в Братском и Никольском монастырях.

Киево-Братский училищный монастырь был не только духовным, но в известной мере и светским заведением. Этот монастырь был одним из центров братских организаций на Украине, морально возглавляющих национально-освободительную борьбу. Киево-Могилянская коллегия, ставшая впоследствии академией, и монастырь существовали с начала XVII в. и уже с той поры Войско Запорожское всем своим составом, во главе с гетманом Сагайдачным становится коллективным братчиком. Запорожцы были главными патронами и щедрыми вкладчиками братства, а многие из них, в том числе и знаменитый Сагайдачный, доживали здесь свой дни. Сагайдачный похоронен в Братском монастыре в 1622 г.; к концу жизни он был монахом и ктитorem монастыря и принимал деятельное

¹ ЦГАДА, Малороссийские дела, д. 60, 1682 г., лл. 64—66, д. 43; 1693 г., лл. 86—88, д. 60; 1693 г., лл. 48—50.

² История русского искусства, т. V. М., 1960, стр. 43.

³ История русского искусства. Под ред. И. Грабаря, т. II, стр. 396—398.



*Никольский собор в Киеве (1690—1696 гг.). Арх. О. Старцев. Макет (Музей
НИИТИ АСИА УССР)*

участие в строительстве Богоявленского храма, существовавшего до собора, возведенного Старцевым.

О том, что значил этот монастырь с академией при нем в деле развития национально-освободительного движения, можно судить по тому, что во время восстания против поляков в 1648 г. монастырь и академия совсем опустели, так как все воспитанники, в том числе будущий гетман Самойлович, ушли в войска Хмельницкого. Особое внимание монастырю уделял и сам Хмельницкий, который в своем универсале 1656 г. предоставил монастырю различные владения и льготы.

Сходными были предпосылки строительства в Никольском монастыре, строения которого в XVII в., как свидетельствует Алеппский, утопали в виноградниках, буйно вившихся тогда на днепровских склонах. Этот монастырь также был из числа тех, к которым запорожское казачество и его руководители питали особую привязанность и всячески его опекали.

Социально-исторические предпосылки в опосредствованном виде не могли не получить своего отражения в архитектуре этих комплексов.

Бурный XVII в. воспитал в украинском народе идеалы силы, величия, веру в непреодолимость народной стихии в борьбе за социальную справедливость и национальную независимость. Эти идеалы пронизывали всю духовную культуру народа. В архитектуре для их выражения требовались прежде всего крупные объемы, большие плоскости, ясная композиция, внушительная и доступная восприятию.

Московский зодчий Осип Старцев сумел проникнуться духом украинской культуры. Он почти ничего не перенес из московской архитектуры в свои киевские произведения. Старцев полностью позаимствовал объемно-плановое решение Троицко-Мгарско-Полтавского типа, но придал ему другое толкование, иную пластическую обработку. Он бывал на Украине не только в Киеве, но и в других городах и та культурная атмосфера, о которой выше шла речь, была ему хорошо знакома.

Если в полтавском памятнике еще есть горизонтальное членение объема, то Старцев в своих сооружениях от этого полностью отказался и тем самым восстановил украинскую традицию построения вертикальных композиций.

В Братском соборе Старцев сохраняет пилястры. В Никольском соборе он украшает углы здания полуколоннами, стоящими на высоком цоколе. Они в полной мере являются декоративными, но имеют базу и развитые капители, зрительно поддерживая карниз. Таким образом, впервые в строительстве Приднепровской Украины появляется ордер. Как и многие другие здания XVII в., эти соборы в середине XVIII в. подверглись некоторым переделкам, главным образом в целях большей декоративности. К ним были пристроены низкие западные притворы с пышными лепными фронтонами. И следует сказать, что эти пристройки сделаны очень умело, с учетом контраста больших гладких плоскостей и сильных декора-

тивных пятен. Низкий западный притвор становится главным объектом применения декоративных средств и этот аккорд с еще большей силой повторен верхним фронтоном.

Оба старцевских здания завершаются верхним карнизом с характерными для украинского зодчества розетками на ленте фриза. Порталы, оконные проемы и грани куполов также обработаны лепкой, выполненной в 30—50-х годах XVIII в. Эта лепка, как и в Мгарском соборе, носит растительный характер, но мотивы ее более конкретны. Например, в лепке Никольского собора излюбленным мотивом является лоза и кисти винограда (Никольский монастырь действительно утопал в виноградных садах). Лепка выполнена горельфом. Как в художественном отношении, так и по техническому выполнению она является безупречной.



Можно подвести итог анализу культовой архитектуры.

По схеме объемно-пространственного построения существовали следующие типы храмов: зальные; трехкамерные — однокупольные и трехкупольные; пятикамерные крестовокупольные — однокупольные, трехкупольные и пятикупольные; прямоугольные столпные — трехкупольные, пятикупольные и семикупольные.

Вершиной национального зодчества следует признать трехкамерные и крестообразные в плане пятикупольные храмы, которые, пожалуй, наиболее органично впитали опыт развития народного зодчества различных районов Украины.

Можно установить наличие некоторых местных школ Левобережья: Стародубско-Глуховская (трехкупольные здания с чертами украинско-белорусского декора); Седнево-Коропско-Козелецкая (однокупольные здания), Харьковско-Изюмская (с чертами русского декоративного убранства). Видное место в архитектуре Левобережья занимает Густынская школа с трехъярусным решением интерьера (наподобие зрительного зала).

Процесс развития отдельных типов зданий и различных школ на рубеже XVII—XVIII вв. логически привел к созданию пятикупольных композиций крестообразного плана. Эти здания можно считать синтезом предшествующего развития архитектуры, в них наиболее ярко воплощено национальное своеобразие украинской архитектуры. Это своеобразие заключается в равноценности всех фасадов, симметрии, пирамидальности общей композиции, соответствии внутреннего пространства наружному облику, в практической целесообразности объемно-планового решения. Этот тип храмов с наибольшей полнотой выражает идейное устремление эпохи, утверждение гуманистического начала и всенародного престижа; это церкви-памятники в честь одержанной победы в борьбе за национальное освобождение.

Особая роль принадлежит группе многокупольных памятников прямоугольного плана. В памятниках такого типа (Троицкий собор в Чернигове и Мгарский собор) можно различить элементы творческой переработки некоторых приемов архитектуры Древнерусского государства, а также приемов западной базиликальной архитектуры ренессансно-барочного направления. В последующих вариантах этого же типа (соборы Полтавского Крестовоздвиженского и Гамалеевского монастырей) местные мастера при сходном плановом решении возвращаются к прежней традиционной украинской вертикально-пирамидальной трактовке масс и объемов.

Наряду с местными традициями, идущими от навыков народного зодчества, в частности от зодчества деревянного, в архитектуре Левобережья и Поднепровья явственно прослеживается влияние русской архитектуры, особенно в смежных с Россией районах, а также в южнорусских окраинных землях (Сумы — Харьков — Ромны — Изюм и др.). В свою очередь украинское зодчество также оказало влияние на развитие зодчества великого русского народа.



ДЕКОРАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АРХИТЕКТУРЫ ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ И ПОДНЕПРОВЬЯ в XVII—XVIII вв.

В архитектуре Левобережья и Поднепровья в XVII—VIII вв. мы знаем лишь единичные примеры применения объемно-тематической скульптуры.

Из литературных описаний известно, что здание Малороссийской коллегии в Глухове, построенное А. Квасовым во второй половине XVIII в., было украшено статуями богов, ораторов и философов, в соседстве с изображениями грозных усатых гетманов в жупанах, а также разной войсковой лепной геральдикой, изображениями купидонов, лирами Аполлона и, кроме того, растительным орнаментом, в котором подсолнух занимал главное место¹.

Однако это здание относится к концу рассматриваемого периода, когда развитие архитектуры все более явственно протекало под знаком классицизма.

Каким-то подобием синтеза архитектуры и скульптуры являлось здание Киевской ратуши, разобранный вскоре после пожара в 1811 г. Это интересное здание горело несколько раз и перестраивалось; о его более раннем виде можно судить лишь по неточным описаниям и чертежам XVIII — начала XIX в. Все же достоверно известно, что на крыльце главного фасада стояла медная скульптура Фемиды высотой 1,5 м (хранится в Софийском заповеднике в Киеве). По отношению к масштабу здания она казалась совсем незначительной, да и установлена была лишь в конце XVIII в. Но все же она является редким образцом украинской

¹ Кулиш П. Собрание сочинений, т. V. Киев, 1910, стр. 103.

скульптуры. Кроме Фемиды на южном фасаде ратуши находилась большая металлическая фигура архангела Михаила, поражающего змия. Эта фигура была плоскостной (из двух скрепленных металлических листов).

Перед Киевской ратушей в середине XVIII в. был устроен фонтан в виде ротонды (так называемый Фелициал, арх. Григорович-Барский). На верху ротонды стояла фигура апостола Андрея, а внизу стоял ангел с кружкой в руках, из которой лилась вода. В начале XIX в. здесь была установлена деревянная фигура Самсона, раздирающего льва, из пасти которого в бассейн лилась вода. Следует отметить, что в данном случае скульптура была применена для решения локальной градостроительной задачи — как оформление городской площади.

Причина того, что объемная скульптура не была распространена в украинском искусстве, заключается в том, что этому препятствовали религиозные каноны, запрещающие применение ее в художественном убранстве культовых зданий.

В художественных навыках и склонностях украинского народа всегда исключительно большую роль играли цвет и декоративные мотивы, в чем легко убедиться на примерах народной вышивки, резьбы, керамики, убранства народного жилища. Эта общая тенденция отразилась в архитектуре в том, что здания щедро и весьма искусно украшались художественной лепниной. Богатая орнаментация памятников декоративной лепкой, являющаяся национальной особенностью украинского зодчества, была исполнена в относительно короткий срок, а именно в 30—60-х годах XVIII в. Это Мгарский собор, соборы Никольского, Братского и Михайловского Златоверхого монастырей в Киеве, Успенский собор и Троицкая надвратная церковь Киево-Печерской лавры (в трех последних случаях древние здания XI—XII вв. были перестроены и украшены лепкой), Софийская колокольня и брама Заборовского, собор Золотоношского монастыря, церковь в с. Барышевке, Козелецкий собор, церковь в с. Воронеж, собор Георгиевского (Даневского) монастыря около Козельца и некоторые другие.

Особое место занимают лепные украшения церкви в Сорочинцах, исполненные в духе народных декоративных узоров, бытовавших в керамических изделиях, различных порезках по дереву, вышивке и т. п. Если в декоре некоторых памятников заметно влияние книжной графики и пе-



Собор Георгиевского монастыря в с. Даневка. Деталь лепки на барабане купола (XVIII в.)



*Колокольня Софийского собора.
Маска на втором ярусе южного
фасада (XVIII в.)*

переработанных общеевропейских мотивов (главным образом барочного характера), то сугубо местный, подлинно народный колорит украшений сорочинской церкви является ее отличительной особенностью.

В барельефных украшениях церкви в с. Воронеж Черниговской области (в 70-х годах XVIII в.) на наружных плоскостях стен изображены святые. Этот случай является единственным, не получившим дальнейшего распространения.

Лепные украшения Мгарского собора размещены наиболее эффектно — в виде обрамлений оконных и дверных проемов и на фронтонах. Лепщики здесь не всегда считаются с архитектурными элементами. Например, фигуры летящих «слав», не поместившись на плоскости стены, располагаются частично и на плоскости выступающего пилястра (западный фасад). Лепнина Мгарского собора отличается уверенным, красивым рисунком орнаментальных мотивов. Как на-

ружная, так и внутренняя лепка носит светский характер в отличие от более поздних, канонических сюжетных изображений воронежской церкви. На фасадах изображены большей частью отвлеченные декоративные мотивы, а внутри — гирлянды цветов, фруктов и плодов местного происхождения, символизирующие тему изобилия.

Такого же характера лепка была в интерьерах тех частей Михайловского собора в Киеве, которые пристроены в XVII—XVIII вв., а также на нижнем западном фронте собора Братского монастыря и на фронтонах и в виде обрамления проемов Успенского собора Киево-Печерской лавры.

В 30—60-х годах XVIII в. все большее распространение получает декоративная лепка, которая komponуется по принципу украинской плахты или по принципу вышитого рушника, т. е. сплошь или в избранных местах. Самым излюбленным был эффектный прием подчеркиванием декором избранных плоскостей. Наиболее блестяще этот композиционно-декоративный прием осуществлен в Мгарском соборе и Никольском соборе в Киеве.

В Украинских памятниках часто особенно богатым декором украшаются верхние части зданий — фронтоны, барабаны куполов и сами купола. Объясняется это тем, что в ряде наиболее известных древних памят-



Колокольня Софийского собора (XVIII в.). Фрагмент первого яруса

ников именно эти части подвергались перестройкам и вместе с тем декорированию (Софийский, Михайловский, Кирилловский, Успенский соборы в Киеве). Этот прием декорирования распространился и на вновь сооружаемые здания, такие как церковь в Барышевке, отчасти дом Заборовского в Киеве и др.

Нередко архитектурный орнамент носит геометрический характер в сочетании с элементами классических профилей. Эти мотивы бытовали в деревянной резьбе и в украшениях предметов домашнего обихода, в том числе и в керамике. Таково убранство сорочинской и отчасти лютевской церквей на Полтавщине, а также трапезной Выдубецкого монастыря и надвратной церкви Новгород-Северского монастыря. Подобный орнамент обычно покрывает архитектурные элементы, выступающие от плоскости стены.

В других случаях лепной орнамент покрывает основную плоскость, причем характер этой линии приближается к характеру настенной росписи. Вместо геометрических мотивов или же одновременно с ними, здесь



Колокольня Софийского собора (XVIII в.). Фрагмент второго яруса

фигурируют классические мотивы — акант, пальмовая ветвь и почерпнутые из местной флоры изображения цветов — подсолнечника, мальвы, особенно часто гроздья и листья винограда, георгины, колокольчики и даже различные овощи и плоды. Из этих растительных мотивов komponуются гирлянды, букеты, «вазоны», «бегунчики» и тому подобные изображения, широко распространенные в настенных народных росписях и в декоративных бытовых тканях (Мгарский собор, соборы Братского и Никольского монастырей в Киеве, Успенский собор Киево-Печерской лавры и др.).

Кроме геометрических и растительных мотивов часто изображались различные аллегорические фигуры, главным образом в виде летящих «слав» (Мгарский собор, портал собора Киево-Печерской лавры), головы купидонов (церковь в с. Воронеж, Софийская колокольня, Братский собор и др.), птицы и животные. Кроме того, гетманы и старшины любили изображать свои фамильные гербы на зданиях, которые строились при их участии. Эта традиция продолжала существовать и позже, когда вместо гетманских гербов стали изображать царскую корону и двуглавых орлов (дом Заборовского, Мгарский собор, Георгиевский собор в Даневке около Козельца, ворота Михайловского монастыря в Киеве).

Наряду с лепкой существенная роль в художественном убранстве зданий принадлежит также орнаментации из кирпича, хотя этот прием не играл на Украине такой преобладающей роли, как это было в XVII в. в русской архитектуре. Декоративные элементы из кирпича имеют укрупненный характер (шахматные кирпичные членения стен Молчинского монастыря в Путивле, убранство Черниговского коллегиума). Нарядный кирпичный декор применен в таких памятниках, как дом Лизогуба в Чернигове или трапезная Троицкого Черниговского монастыря.

По-иному обстояло дело с монументальной живописью. К сожалению, до нас дошло не очень много примеров монументальной росписи.

В этой области украинские зодчие имели великое наследие XI—XII вв. Всемирно известные мозаики и фрески покрывали стены Софийского, Михайловского и Кирилловского соборов в Киеве, так называемую Старгородскую божницу в Остре. Несомненно, древние росписи украшали стены не дошедших до нас зданий в Чернигове, Переяславе и других местах.

С начала XVII в. на Украине производились большие работы по реставрации древних зданий. Эти работы должны были оказать определенное воздействие на умы современных зодчих и способствовать возрождению искусства росписи зданий. Монументальная живопись вновь расцветает, причем в первую очередь росписью украшаются древние здания — или по местам не сохранившейся древней живописи, или заново (Софийский и Кирилловский соборы, церковь на Берестове в Киеве, Успенский собор и Троицкая церковь Киево-Печерской лавры). Из новых зданий,



Колокольня Софийского собора (XVIII в.). Фрагмент третьего яруса

украшенных росписью, известны собор Густынского монастыря, Михайловская церковь в Переяславе, Троицкий собор в Чернигове, собор Благовещенского монастыря в Нежине, трапезная Выдубецкого монастыря. Несомненно, таких росписей существовало гораздо больше, но они уничтожены временем и переделками.

О монументальной украинской живописи XVII в. говорится в записках П. Алеппского. Этот путешественник подробно описывает здания Киево-Печерской лавры, Софийский, Михайловский, Братский соборы в Киеве, Троицкий собор в Густыни, церкви в Переяславе, Чигирине, Субботове и ряд других.

Записки Алеппского особенно ценны в данном случае тем, что подтверждают распространение монументальной живописи уже в середине XVII в., т. е. до того, как многие деревянные здания и целые ансамбли были перестроены в каменные и заново расписаны или «поновлены» в XVIII в.

Алеппский делает следующее замечание: «В этом городе (речь идет о Киеве) среди казацких живописцев есть много искусных мастеров, которые обладают большой изобретательностью ума в изображении людей как они есть». ¹ Здесь подчеркивается изображение людей «как они есть», т. е. не канонических изображений, а живописи реалистического характера.

Древние росписи варварски обновлялись в XIX в. Отрадным пс-



Успенский собор Киево-Печерской лавры. Внутренний портал (XVIII в.)

¹ Алеппский П. Уп. соч., т. II, стр. 76.



Успенский собор Киево-Печерской лавры (XI—XVIII вв.). Декоративное убранство восточного фасада

ключением в этом смысле являются росписи Троицкой церкви Киево-Печерской лавры. Описанные П. Алеппским росписи этого памятника не сохранились; существующие росписи относятся к 30—40-м годам XVIII в., но и они являются уникальным памятником монументальной живописи на Украине этого периода. На стенах собора изображены библейские сцены, но выполнены они не условно, не по канонам византийской культовой живописи, а совершенно реалистично. Мало сказать, что эта живопись носит светский характер, она имеет местный, национальный колорит — сочная тональность рисунка и орнамента, но главное характер фигур, лиц, одежды и аксессуаров.

Следует отметить, что эту роспись, как и многие другие росписи, принято было считать исполненной под влиянием распространенных в ту пору гравюр фламандца Пискатора (Фишера). Мы не беремся в данном случае решать, в какой мере подобное утверждение является справедливым. Для нас важно, что характер этой живописи удивительно соответствует архитектуре собора (имея в виду его перестройку в начале XVIII в.). Как архитектурные формы, так и живопись выполнены в живой сочной манере.

Чувство стиля было присуще живописцам-монументалистам XVIII в. и в других случаях. Росписи Троицкого собора в Чернигове выполнены в несколько другой манере, более строгой и уравновешенной, что вполне соответствует ренессансным формам интерьера этого здания. Живопись была обновлена в XIX в., но, вероятно, общий характер первоначальной росписи сохранен. В соборе сохранилось также несколько живописных барочных панно.

Редким памятником начала XVIII в., в котором хотя и в плохом состоянии, но все же сохранились первоначальные росписи, является Благовещенский собор в Нежине. Этот собор был просто предназначен для росписи: при больших и никак не обработанных внутренних плоскостях в здании было бы пусто. Именно росписи придали интерьеру здания уют и должный масштаб. Чтобы подчеркнуть роль и значение основателя Густынского монастыря гетмана Самойловича, художник поместил портрет этого фундатора и щедрого покровителя на стене Троицкого собора. Он был изображен в натуральную величину слева от главного входа на уровне глаз зрителя. В настоящее время от портрета сохранились лишь следы (от остальных росписей здания остались также только фрагменты, да и те, видимо, были переписаны в XIX в.). Известны и другие случаи, когда светские особы изображались на стенах храмов. В храме Спаса на Берестове в 1696 г. был написан портрет Мазепы, а в Успенском соборе Киево-Печерской лавры были изображены все гетманы, начиная с Хмельницкого¹.

¹ Хоткевич И. О портретах Богдана Хмельницкого. «Искусство в южной России», № 3—4, 1913.



Коллегиум в Чернигове (1700—1702 гг.). Фрагмент фасада

Из разных литературных источников XIX в. известно, что назидательно-символическими росписями на темы античной и библейской мифологии были покрыты стены Киевской академии, Переяславской семинарии, резиденции переяславских архиереев в с. Андрушах, Полтавского архиерейского дома и ряда других зданий.

На Украине существовал и другой прием привлечения живописного искусства для усиления художественной выразительности зданий, а именно их убранство с помощью так называемых колтрин — картин на холсте и кожах, украшавших стены наподобие шпалер¹, а также размещение в интерьерах зданий, в том числе в храмах, станковых монументальных

¹ Шероцкий К. Очерки по истории декоративного искусства Украины, т. 1. Киев, 1914, стр. 15.



Брама Заборовского в Киеве (XVIII в.)



Церковь в Сорочинцах (1732 г.). Портал

Молдавии, как страны, которую он хотел завоевать. Эта картина исторгла слезы зрителей»¹. Алеппский также сообщает о том, что покои митрополита Софийского собора были украшены четырьмя большими портретами патриархов. Портрет Богдана Хмельницкого после его смерти висел в Ильинской церкви в Субботове, где он был похоронен. Известно, что в Гамалеевском соборе находился портрет его fundатора гетмана Скоропадского, а в Успенском соборе Елецкого монастыря в Чернигове — портрет генерального обозного Дунина-Борковского.

Портретами именитых граждан были украшены залы старой Киевской ратуши. В залах Киевской академии на стенах красовались многочисленные парсуны, изображавшие деятелей и благотворителей академии. В «Книге пожиткам Полуботка» также перечисляются ряд парсун, которые находились в его черниговских домах — царские портреты, изображения членов семьи Полуботка и др.

Оформление интерьеров с помощью разного рода изображений на стенах, потолках, дверях, так же как и роспись предметов внутренней обстановки, было присуще не только уникальным зданиям, но было широко распространено в обычных зданиях. Интересные данные приведены у Алеппского. Он так описывает кельи Киево-Печерской лавры: «Кельи

портретов (парсун). Этими приемами создавалась характерная национальная специфика интерьера.

В Георгиевском соборе Выдубецкого монастыря был портрет его fundатора, известного казацкого полковника Миклашевского. В несохранившейся субботовской церкви, в которой был похоронен погибший в бою сын Хмельницкого, Тимофей, висел его портрет. «Над гробницей покойного Тимофея Хмельницкого, — сказано в записках П. Алеппского, — по их обычаю висит большая хоругвь, на которой написан весьма схожий портрет героя верхом на коне, с мечом в правой руке и с булавой в левой и с изображением на переднем плане

¹ Алеппский П. Уп. соч., т. II, стр. 192.



Церковь в Ромнах (XVIII в.). Фрагмент иконостаса. Мастер Сысой Шалмагов

разрисованы и расписаны красками и украшены всякими картинами и превосходными изображениями. Каждая келья изукрашена всякого рода убранством, красива, изящна, опрятна, так что веселит душу входящим в нее и прибавляет жизни своим обитателям»¹.

Убранство интерьеров с помощью декоративных элементов, композиционно и даже структурно связанных со зданиями, особенно наглядно представлено таким типичным для культовых зданий приемом, как устройство иконостасов.

В XVII—XVIII вв. украинские мастера-резчики по дереву создали множество подлинных шедевров такого рода, настоящих произведений высокого искусства.

Особенно замечательными были иконостасы Елецкого и Троицкого соборов в Чернигове, Софийского, Никольского и Лаврского соборов в Киеве, а также Сорочинской, Лютеньской, Роменской церквей.

Иконостас Роменской деревянной церкви, перенесенной в дореволюционные годы из г. Ромны в Полтаву и разрушенной фашистской бомбой в Отечественную войну, был выполнен в XVIII в. мастером Сысоем Шал-

¹ Алеппский П. Уп. соч., т. II, стр. 44.

матовым. Этот иконостас примечателен, в частности, тем, что в его центре изображена укрепленная часть города Ромны со стенами и башнями¹.

Богато украшенный иконостас является главным декоративным пятном интерьера. Здесь принят во внимание хорошо известный закон контрастного сопоставления; чем проще решены плоскости интерьера, тем наряднее иконостас.



Существенным элементом структурной, а в применении к особенностям украинской архитектуры и декоративной характеристики зданий является ордерная система. Как известно, под ордерной системой понимают определенные приемы объемно-планового построения зданий с помощью стоечно-балочных конструкций по принципу архитрава (балки) и колонны (столба). Если за основу этой системы брать колонну и антаблемент, то в этом смысле украинская архитектура данного периода не является

¹ Мусієнко П. З далекого минулого. «Мистецтво» № 1, 1962.



Фрагмент павильона у Економічних воріт Києво-Печерської лаври (XVIII в.)

ордерной. Перекрытием в ней обычно являются своды, а несущей опорой — стены.

Однако ордерные членения и элементы ордера в этой архитектуре были. Только все это приобрело не конструктивный, а декоративный характер. С помощью ордерной декорации украинские зодчие украшали главный элемент здания — стену.

На Украине эта ордерная декорация применяется в своеобразных прямоугольных и крестообразных объемно-пространственных композициях, не имеющих ничего общего не только с классическим периптером, но, за редкими исключениями, мало имеющих общего также и с усложненными композициями европейского барокко. Рассуждения исследователей о влиянии форм европейского барокко на украинскую архитектуру обычно подкреплялись ссылками на декор и прежде всего на примеры барочных фронтонов. Однако в этом сказывается односторонность взгляда на украинскую архитектуру. Трудно себе представить, чтобы фронтон мог определить характер архитектуры в целом, в главном; фронтон является внешним, декоративным компонентом, который может присутствовать в здании, а может и совсем не быть. В наиболее самобытных произведениях украинской архитектуры, например в крестообразных в плане пятикупольных храмах второй половины XVII в., вообще фронтонов нет.

Метод применения ордерных форм на Украине отличается от западноевропейских приемов. Нередко на Западе пышная ордерно-барочная декорация сосредоточивается на узком торцовом фасаде, она как бы представлена к главному корпусу здания. Фасады украинских памятников в большинстве случаев делались в принципе одинаковыми. Декоративные средства, связанные со структурными элементами и элементами ордера, размещались в общем равномерно (церковь на Экономических воротах Киево-Печерской лавры, дом Лизогуба в Чернигове и др.). В этом отношении несомненна родственность украинских приемов с русской архитектурой середины XVII в. и более ранних периодов. В таких памятниках, как церковь в Путинках, церковь в Останкине, Покровский собор в Москве и ряде других, декоративные средства также применены на всех фасадах, хотя характер этой декорации и ее нередко асимметричное расположение являются иными, чем на Украине.



*Надвратная колокольня Новгород-Северского
Спасского монастыря (XVII в.)*

Процесс формирования национальных особенностей зодчества совершался на общерусской основе в условиях активных взаимных влияний. Украинская центричность, ярусность купольных завершений, а также характерный главным образом растительный по своему характеру декор нашли свое проявление, в частности, в постройках Москвы и Подмосковья, например в зданиях Донского и Симоновского монастырей и других произведениях рубежа XVII—XVIII вв. С другой стороны, с момента воссоединения Украины с Россией приемы русского национального зодчества явственно видны не только в смежных с Россией районах, например в Новгород-Северске, Путивле, Сумах, но также в Чернигове, Киеве, Нежине, Харькове и даже вдалеке на юге расположенном Изюме. В ряде случаев мы наблюдаем буквально смешение русско-украинских приемов зодчества, как в харьковском Покровском соборе.

Ко всему этому надо добавить, что Россия дала украинскому зодчеству развитую технику кирпичного строительства, организацию строительных работ, технологию производства строительных материалов. Естественно, что граничащая с Западной Европой Украина воспринимала и осваивала некоторые общеевропейские архитектурные формы, которые в свою очередь послужили источником для дальнейшей трансформации в русских землях.

Украина подвергла очень сильной переработке ордерную систему и превратила ее в откровенную плоскостную декорацию. Между тем в более удаленной от западных стран России принципы ордерной системы внешне сохранились в большей мере, хотя тоже чисто декоративно. Русские мастера старались сохранить видимость опоры, несущей нагрузку. В огромном массиве Никольского собора в Киеве Старцев применил не пилястры, как, вероятно, сделал бы украинский мастер, а приставленные к стене полуколонны на южном и северном фасадах, иллюзорно несущие антаблемент с фронтоном.

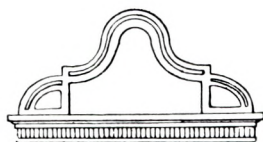
Колоннад в их классическом или ренессансном виде в рассматриваемой архитектуре нет, но вариации подобного рода были. В очень своеобразной трактовке этот прием встречается в памятниках Новгород-Северска — в надвратной башне, в здании бурсы и в настоятельском корпусе Спасского монастыря.

Рассматривая вопрос о различных, иногда весьма отдаленных проявлениях ордерности, нельзя не вспомнить о Покровском соборе в Харькове и Преображенском соборе в Изюме, при которых, вероятно, были галерсиопасания. Нижний ярус Покровского собора имеет глубокие ниши, образующие плоскостную аркатуру.

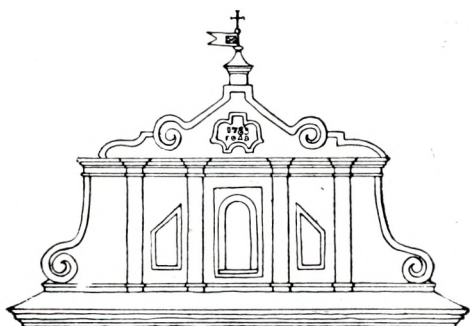
Особую группу составляют памятники, в которых нет явных ордерных элементов — колонн, полуколонн или пилястр с развитыми капителями или базами, но зато применяются карнизы, пилястры и лопатки, отдаленно связанные с классической ордерной системой.



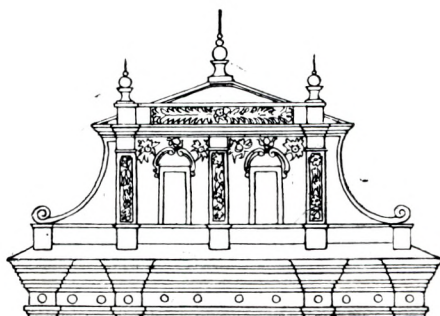
1



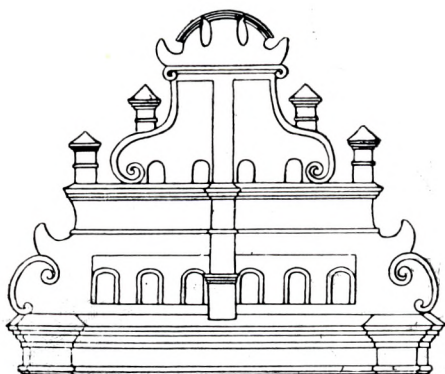
2



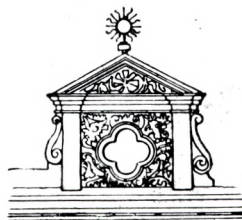
3



4



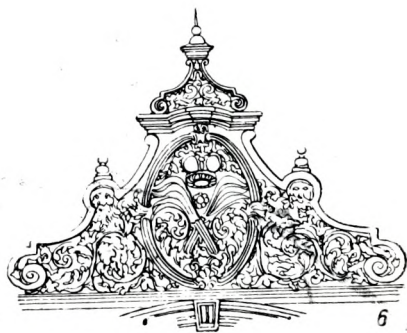
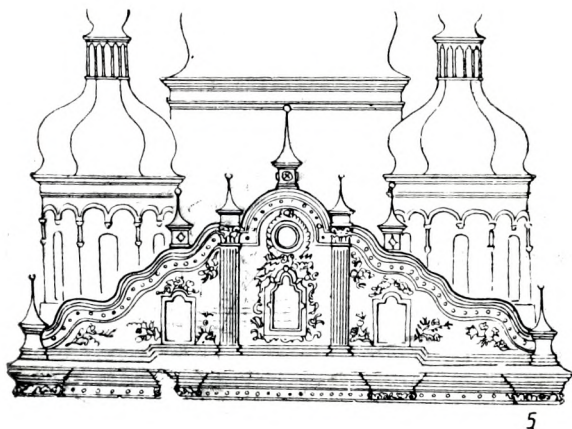
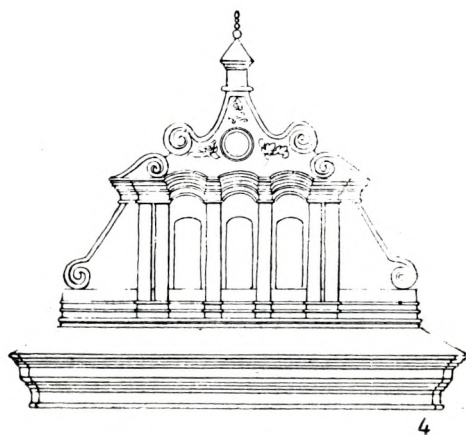
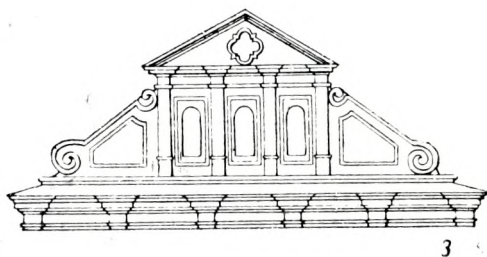
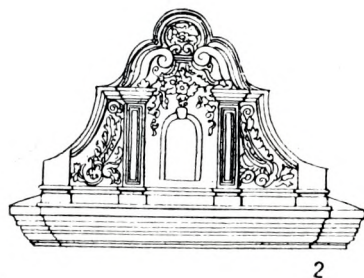
5



6

Фронтоны зданий

1 — брама Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве (XVIII в.); 2 — каменица в Прилуках (нач. XVIII в.); 3 и 4 — кельи Киево-Печерской лавры (XVIII в.); 5 — церковь Ильи в Субботове (XVII в.), 6 — Софийский собор в Киеве (декор XVIII в.)



Фронтоны зданий

1 и 4 — архимандричьи покои в Киево-Печерской лавре (XVIII в.); 2 — павильон у Экономических ворот Киево-Печерской лавры (XVIII в.); 3 — настоятельский корпус Киево-Печерской лавры (XVIII в.); 5 — собор Кириллового монастыря в Киеве, западный фасад (декор XVIII в.); 6 — брама Заборовского в Киеве (XVIII в.)

Украинские зодчие искали разных путей нарушить нетерпимую для их вкуса гладь стены. Иногда для этой цели применялся способ декорирования стены с помощью ниш незначительного заглубления. Такие ниши-филенки являются характерным приемом декора зданий как снаружи, так и внутри. Этот прием нередко встречается в русской архитектуре. Украинские зодчие разрабатывали его в двух направлениях: придавая нишам более разнообразные очертания — прямоугольные, ромбовидные, крестообразные и т. д., а также переходя к более сильному врезыванию в толщу стены, чем достигался сильный пластический эффект.

Одним из ранних примеров декорирования стены с помощью ниш различных очертаний является Николаевский собор в Нежине. Фигурными нишами украшены стены ряда других памятников второй половины XVII в. — собор Крупицко-Батуринского монастыря, здания Густынского монастыря, собор Воздвиженского монастыря в Полтаве — и более поздних сооружений, например Георгиевского собора около Козельца.

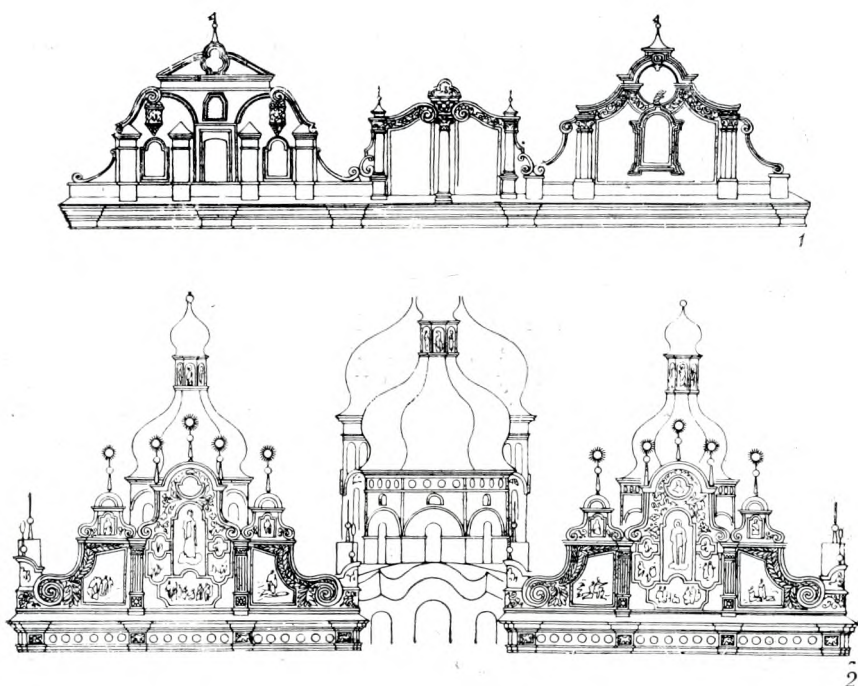
Столь полюбившиеся украинским зодчим ниши внутри зданий делают более глубокими, теряют свое чисто декоративное значение и служат практическим потребностям в качестве открытых встроенных шкафов в каменицах, кельях, трапезных, а также и в культовых зданиях (церковь в Лютеньках, церковь на Экономических воротах Киево-Печерской лавры и др.).

Наконец особой разновидностью является убранство, воспроизводящее структурные элементы ордера. В этих случаях пилястры с развитыми базами и капителями иллюзорно несут нагрузку. Ордерная система как бы изображена на плоскости с соблюдением свойственного периферу ритма в расстановке колонн. Таков, например, ритм пилястр северного и южного фасадов Успенского собора Киево-Печерской лавры, Мгарского собора и Троицкого собора в Чернигове.

С середины XVIII в. ордерные элементы более широкое и разнообразное применение получают в творчестве Григоровича-Барского (церковь Николы Набережного, колокольня Кирилловского монастыря, Покровская церковь — в Киеве и др.). Своеобразное преломление начал ордерной архитектуры имеет место в творчестве выдающегося зодчего середины XVIII в. Степана Ковнира (так называемый Ковнировский корпус и колокольня на Дальних пещерах Киево-Печерской лавры).

В некоторых памятниках конца рассматриваемого периода декор тяготеет к самому нарядному и сложному коринфскому ордеру или же произвольному его варианту (собор Рождества в Козельце — архитекторы Квасов и Григорович-Барский; церковь в Диканьке).

Оригинальные, самобытные черты получает убранство в таких памятниках, как церковь Предтечи в Стародубе, Георгиевский собор Выдубецкого монастыря, церковь на Экономических воротах Киево-Печерской



Фронтоны зданий (XVIII в.)

1 — Ковнировский корпус Киево-Печерской лавры; 2 — Успенский собор Киево-Печерской лавры, западный фасад

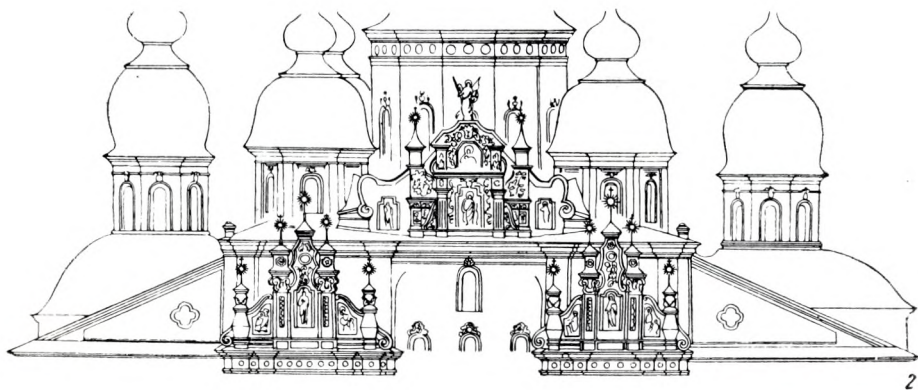
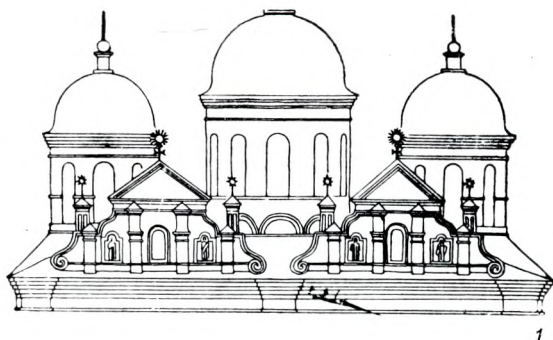
лавры, Успенский собор в Новгород-Северске. Это проявилось в характере капителей с обратным выгибом волют, а также в расчленении плоскости пиле́стр с поперечными профилированными полосками.

■
Художественный облик зданий в значительной мере обусловлен характером оконных наличников и дверных порталов. Если в русской архитектуре окна устраивались обычно небольшими, а основным декоративным элементом являлся богато украшенный дверной портал, чаще всего в виде перспективно убывающих арок (так называемый перспективный портал), то на Украине это является редкостью [в Путивльском Молчинском соборе (1669) и в церкви в Соснице (1752)].

Обрамление оконных и дверных проемов, так же как и декор плоскостей, отличается в украинской архитектуре нарядностью и большим разнообразием. Техника выполнения этого убранства была двух видов: из

профилированного или специально обтесанного кирпича с последующим оштукатуриванием тонким слоем или же посредством лепки, причем рисунок орнамента иногда выполнялся резьбой по сырой штукатурке (порталы церкви в Сорочинцах, портал и фриз трапезной Выдубецкого монастыря), а иногда собственно лепкой (Мгарский собор).

Декор в виде резьбы по камню не применялся. Исключение составляют резные украшения Никольского собора в Киеве, выполненные по камню и усиленные поверх лепкой. Именно посредством лепки украинские мастера создали непревзойденные шедевры орнаментального убранства зданий.



Фронтоны зданий (XVIII в.)

1 — Фроловский собор в Киеве; 2 — Михайловский Златоверхий собор в Киеве, западный фасад

Можно установить следующую хронологическую закономерность — в XVII в. и примерно первой трети XVIII в. декоративное убранство выполнялось в кирпиче, позже большое распространение получает декоративная лепка.

Если ордерная плоскостная декорация в виде пилястр и лопаток имеет в своей основе ренессансный первоисточник, то при изучении характера оконных наличников и порталов становится очевидной настолько сильная переработка элементов ордерного убранства, что с полным основанием можно считать этот декор проявлением самобытного творчества народных мастеров.

Характер оконных обрамлений зависит прежде всего от очертаний самих проемов — прямоугольных, арочных, шестиугольных фигурных (крестообразных) и круглых. Редко встречаются первый и последний типы. Прямоугольные окна известны в Успенской церкви Киево-Печерской лавры, в Михайловской церкви в Переяславе. Круглые окна появляются только со второй половины XVIII в. (памятники в Золотоноше и с. Воронеж) и то в качестве второстепенных при наличии больших световых проемов. В подавляющем большинстве случаев оконные перемычки делались арочными, со слабо выраженной кривизной (кельи Елецкого монастыря, каменицы). Хотя в начале XX в. в земском строительстве с претензией на украинский стиль была большая мода на шестиугольные «национальные» окна, такие окна в каменной архитектуре XVII — начале XVIII в. встречались редко (Петропавловская церковь Густынского монастыря). Крестообразные окна встречаются в конце XVII и начале XVIII в. в зданиях различного объемно-планового построения (собор Мгарского монастыря, Екатерининская церковь в Чернигове и др.). Фигурные окна требовали такого обрамления, которое хотя бы приблизительно повторяло их очертания. Это легче всего достигалось с помощью свободной лепки. Прямоугольные удлиненные очертания требовали столь же удлиненных наличников в виде полуколонок и пилястр.

Формы дверных проемов были более однообразными. В подавляющем большинстве случаев верхняя перемычка проемов представляет кривую различных очертаний; нередко она имеет вид сложной трехцентрковой арки с килевидным завышением (Екатерининская церковь в Чернигове, церковь в Сорочинцах и др.). За очень редкими исключениями (собор в Козельце, Успенская церковь Киево-Печерской лавры), прямоугольных проемов не встречается.

При большом разнообразии оконных наличников, дверных порталов и характера настенной лепки можно сделать условное их разделение на три группы: первая — оригинальное, чисто местное по характеру декоративное убранство (церкви в Сорочинцах, Лютеньках, Троицкий собор Густынского монастыря, соборы Киево-Печерской лавры, Братского, Выдубецкого, Глуховско-Петропавловского монастырей, здания, соо-



Церковь на Экономических воротах Киево-Печерской лавры (1696—1698 гг.). Фрагмент



Трапезная Троицкого монастыря в Чернигове (XVIII в.). Оконный наличник

руженные Григоровичем-Барским и Ковниром); вторая — синтез местных приемов с декоративными приемами русской архитектуры (группа черниговских, путивльских, новгород-северских, стародубско-глуховских, харьковско-изюмских памятников. Воскресенский собор в Сумах, реставрация Софии Киевской); третья — убранство середины XVIII в. с элементами западных мотивов (декоративное оформление проемов Троицкой надвратной церкви Киево-Печерской лавры и Кирилловского собора, собор Красногорского монастыря в Золотоноше; церковь в Диканьке, Козелецкая канцелярия и др.).

Характер убранства прежде всего зависит от способа выполнения. Там, где оно выполнено в кирпичной кладке, преобладают вертикальные элементы в виде полуколонн и пилястров в свободной трактовке и с обязательной креповкой горизонтальных элементов.

Ордерные пропорции при этом не соблюдаются, энтазис отсутствует, капители и базы носят условный характер, а нередко баз и совсем нет, они заменяются гирьками (Троицкий собор Густынского монастыря, собор в Изюме).

Если же убранство выполняется способом штукатурных профилированных тяг, то они в основном следуют контуру проемов, нередко обрамляя площадь значительно большую, но все же подчиняясь очертанию проема (например, порталы Екатерининской церкви в Чернигове, Георгиевской церкви Выдубецкого монастыря и др.). И наконец, если убранство выполняется посредством лепки, то она либо обрамляет проем (Никольский собор в Киеве, Успенский собор и Троицкая церковь Киево-Печерской лавры), либо располагается над проемом (церковь в Сорочинцах, Мгар, бурса в Переяславе и др.).

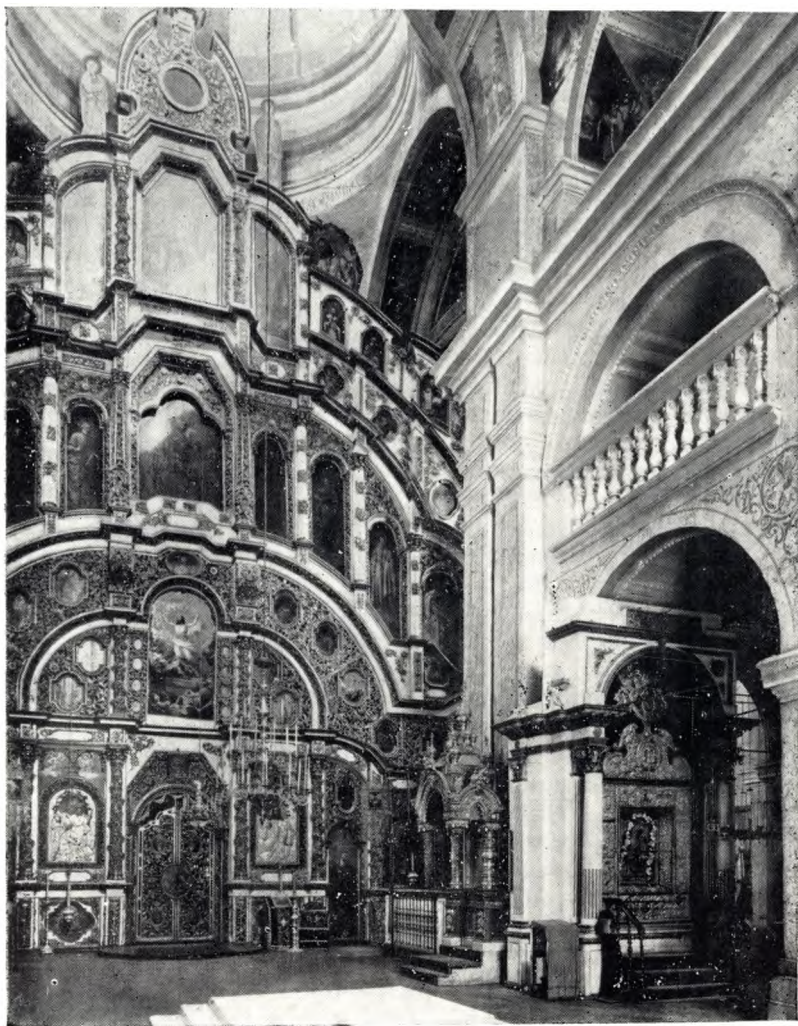
Но чаще всего декор из кирпича, профилированные тяги и лепка

применялись одновременно, что создавало эффектное декоративное решение. Характерные черты украинской нации — лиризм, любовь к прекрасному, радостное оптимистическое ощущение мира, любовное отношение к яркому цвету и красивому узору — нашли здесь свое непосредственное выражение. Народный оптимизм выражался в искусстве того времени простым и наглядным способом; излюбленные формы, цветы, плоды, растения, краски непосредственно воспроизводились в орнаменте, ткачестве, вышивке, резьбе, архитектурном декоре. И лишь к концу XVIII в. наступает время, когда эта непосредственность заменяется более сложным художественным видением мира и появляются новые формы.

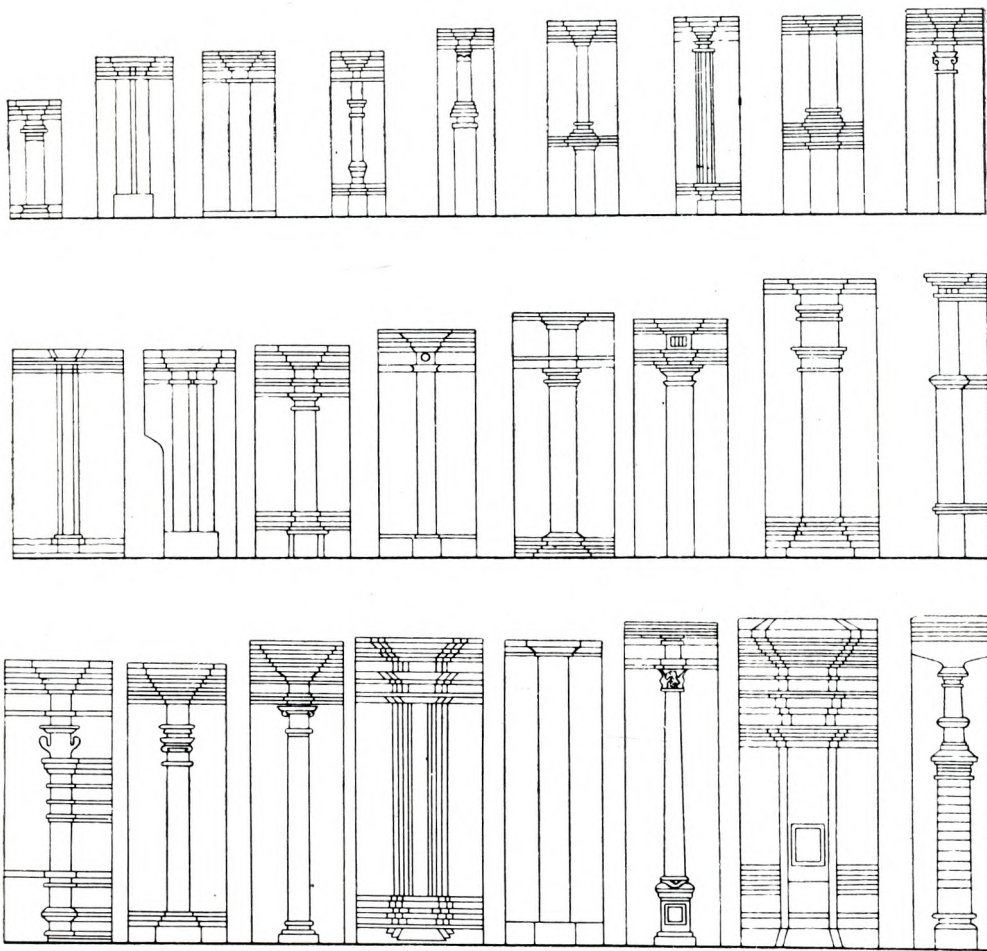
Объемно-пространственная структура здания логично и безупречно дополнялась декоративными деталями, но в некоторых памятниках декор был перенасыщенным, чувство меры изменяло мастеру. Логичным, совершенным и подлинно архитектурным следует считать декор Троицкого собора Густынского монастыря, обоих соборов Старцева в Киеве — Никольского и Братского, и Мгарского собора. Высокими художественными качествами отличается декор дома Лизогуба, трапезной Троицкого монастыря в Чернигове, а также декорированные в XVIII в. части Успенского собора Киево-Печерской лавры. Потеря чувства меры в применении декоративных средств, пожалуй, присуща таким зданиям, как собор Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве (разрушенный в предвоенные годы) и коллегиум в Чернигове. В то же время в распределении декора в Успенском соборе Киево-Печерской лавры есть определенная закономерность: низ решен строго, монументально, декоративные пятна даны отдельными фрагментами, а главные элементы, выражающие пирамидальный строй памятника, украшены в полную силу. В этом чувствуется большая продуманность.



Церковь в Сорочинцах (XVIII в.). Оконный наличник

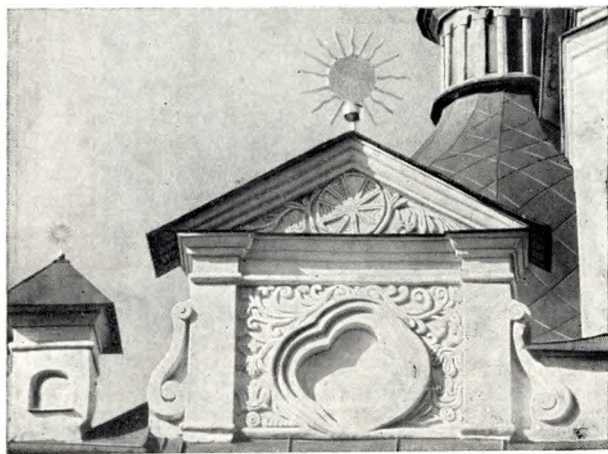


Собор Троицкого монастыря в Чернигове (1679—1695 гг.). Интерьер



Типы пилястр и полуколонн

верхний ряд — трапезная Михайловского монастыря в Киеве (XVIII в.), Николаевская церковь в Путивле (XVIII в.), келья Благовещенского монастыря в Нежине (XVIII в.), трапезная Троицкого монастыря в Чернигове (XVII в.), коллегиум в Чернигове (XVII в.), каменица в Покорщине (XVIII в.), собор в Изюме (XVII в.), церковь Ильи в Коропе (XVIII в.), церковь Вознесения в Нежине (XVIII в.); средний ряд — трапезная Никольского собора в Киеве (XVII в.), надвратная церковь Софрониевского монастыря (XVIII в.), трапезная Выдубецкого монастыря в Киеве (XVII в.), Михайловская церковь в Переяславе (XVII в.), Троицкий собор в Чернигове (XVII в.), Мгарский собор (XVII в.), церковь в с. Лютеньки, Полтавской области (XVIII в.), колокольня на Дальних пещерах Киево-Печерской лавры (XVIII в.); нижний ряд — церковь на Экономических воротах Киево-Печерской лавры (XVII в.), собор в Козельце (XVIII в.), Покровская церковь в Киеве (XVIII в.), колокольня Софийского собора в Киеве (XVIII в.), церковь Вознесения в Коропе (XVIII в.), Никольский собор в Киеве (XVII в.), дом Лизогуба в Чернигове (XVII в.), канцелярия в Козельце (XVIII в.)



Софийский собор в Киеве, фронтоны (декор XVIII в.)

В здании Черниговского коллегиума композиционный ритм сбивчив, неясен, декоративные приемы слишком разнообразны¹. В некоторых частях здания заметна попытка подчеркнуть плоскость стены (двухэтажный объем под башней), однако в примыкающем вытянутом корпусе эта плоскость совершенно теряется под покровом разномасштабного и разностильного декора. Но одна часть этого здания декорирована сдержанно — это два верхних яруса колокольни. Обращает внимание исключительно оригинальная форма верхнего яруса: выпуклая гладкая поверхность барабанов чередуется с вогнутой. Эта своеобразная гофрированная гладь масштабно и умело украшена поверху карнизом с характерным лепным фризом в виде розеток.

Мастером исключительного дарования в применении декора проявил себя Старцев. Старцев понимал силу выразительности гладкой стены. Окна его зданий врезаны в гладь стен и лишь слегка оттенены лепкой.

Та же изысканность архитектурного декора отличает Густынский Троицкий собор. От простых, суровых граненых форм этого зда-

¹ Здесь речь идет об архитектуре коллегиума после реставрации 1948—1956 гг.

ния веет крепостной строгостью. И вот на такой фон восточной абсиды нанесен аккорд четкого, ясного ритма висящих полуколоннок. Этот прием напоминает аркатурный пояс далекой и прекрасной церкви на реке Нерль под Владимиром. Но тут висящие полуколонки расположены на плоскостях пяти граней, они воспринимаются в перспективном ракурсе в движении, что делает этот декор особенно выразительным.



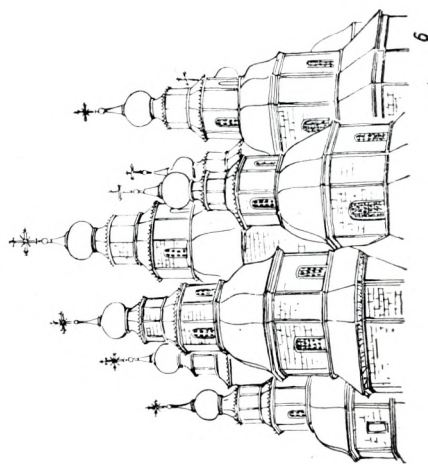
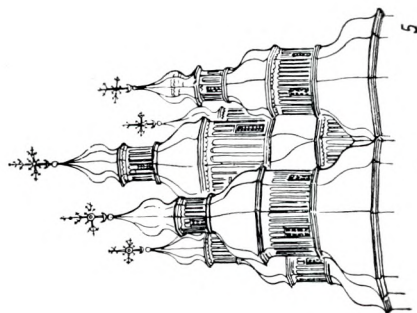
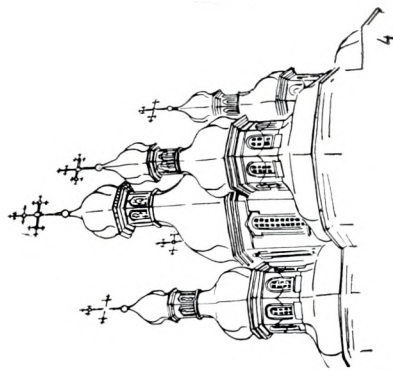
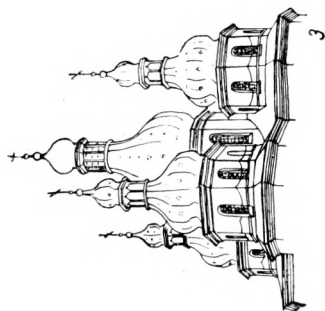
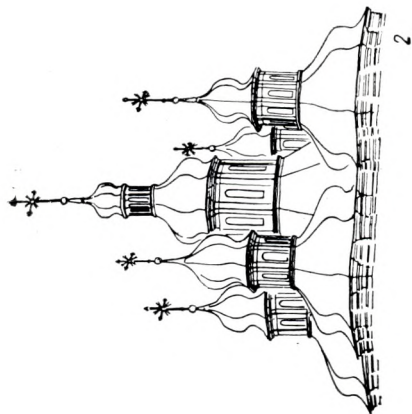
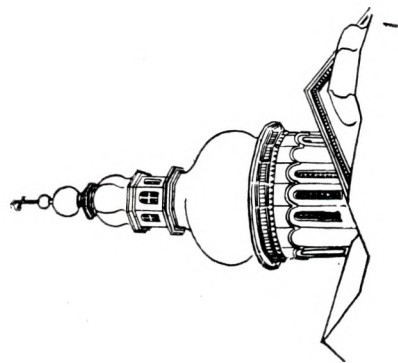
Почти все перекрытия зданий в XVII—XVIII вв. были сводчатые и это обусловило специфический характер декора интерьера. Посредством несложных штукатурных тяг очерчены ребра сводов трапезной Троицкого собора в Чернигове. Штукатурные филенки прямоугольной, трапециевидной или характерной крестообразной формы (наподобие формы оконных наличников) украшают своды подвальных помещений этого же собора и верхнего помещения в башне Черниговского коллегиума, а также дома игумена Глуховско-Петропавловского монастыря. Несколько более изысканный характер носит обрамление распалубок оконных проемов в здании, примыкающем к колокольне Михайловской церкви в Переяславе. Вся эта лепка много раз поновлялась и переделывалась.

Существенную роль в убранстве зданий играла керамика, которая получила на Украине широкое распространение в виде многоцветных изразцов. Этому способствовали традиции развитого керамического производства, склонность народа к красочности и нарядности в различных областях искусства, главным образом декоративно-прикладного.

В ряде памятников Москвы и Подмосковья, Ярославля, Ростова и в других русских городах цветная керамика сплошь покрывала здания или их отдельные части. На Поднепровье и Левобережье керамика применялась гораздо сдержаннее, в виде отдельных вставок-плит или круглых дисков-розеток (Михайловский собор в Киеве, Георгиевский собор Выдубецкого монастыря, трапезная Никольского собора в Киеве, Успенский собор Киево-Печерской лавры, Михайловская церковь в Переяславе, колокольня Молчинского монастыря в Путивле, коллегиум в Чернигове, надвратная башня Новгород-Северского Спасского монастыря). Изразцы обычно устанавливались над окнами или вообще в композиции оконных наличников (например, в Георгиевском соборе Выдубецкого монастыря). Реже керамические изделия применялись для декоративного оформления порталов. Обычно же розетки применялись для обогащения опоясывающего здание фриза, располагаясь на нем равномерно, что создавало определенный ритм наподобие триглифов и метопа в классических карнизах (Михайловская церковь в Переяславе). Такой же принцип расположения керамических розеток соблюдался при украшении барабанов. Как вообще в керамических поливных изделиях, в этих плитках и розетках

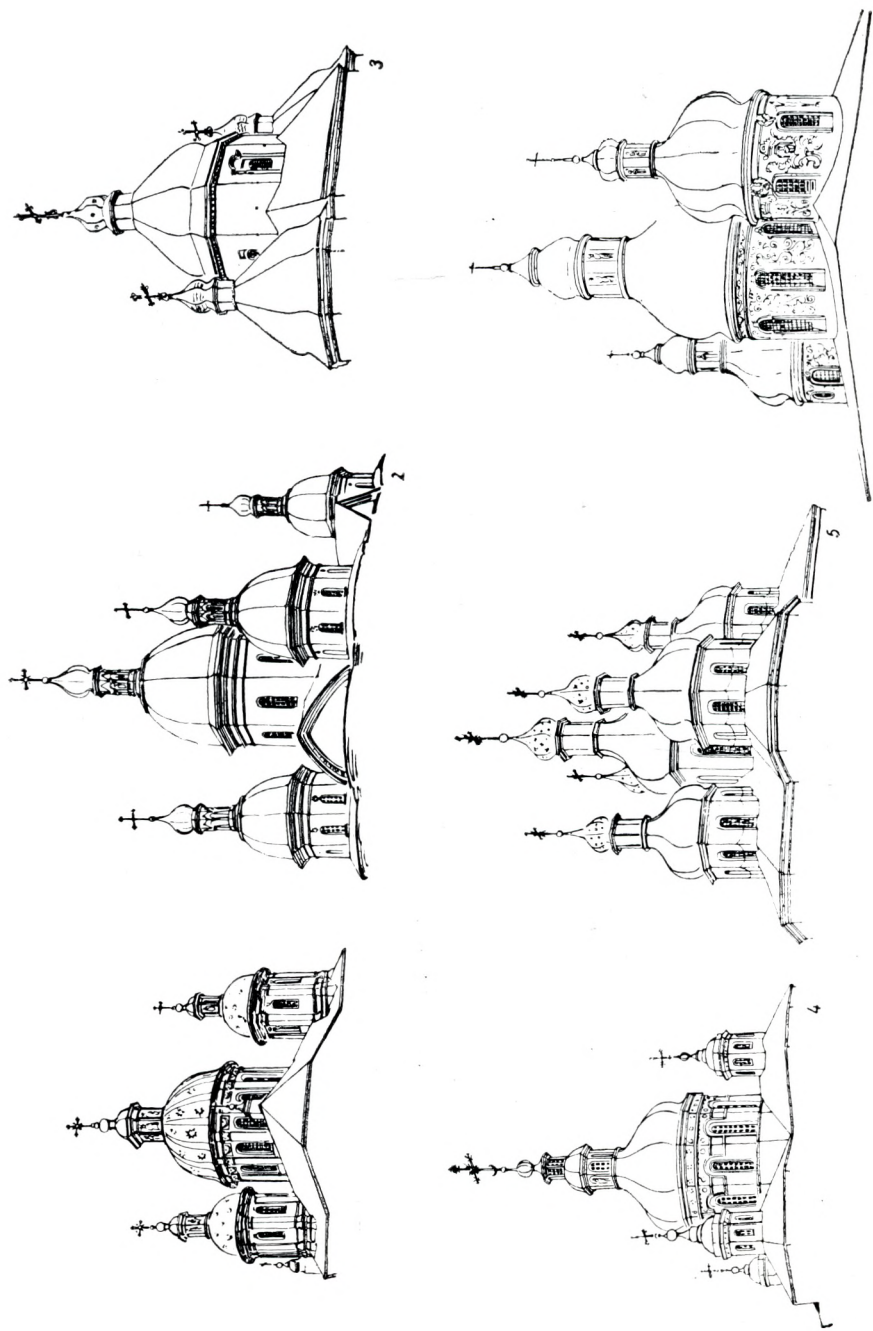


Собор Елецкого монастыря в Чернигове (XII в.). Барабан купола (XVII в.)



Купола и барабаны

1 — собор Троицкого монастыря в Чернигове (XVII в.); 2 — Екатерининская церковь в Чернигове (XVIII в.); 3 — собор Густынского монастыря (XVII в.); 4 — церковь на Экономических воротах Киево-Печерской лавры (XVII в.); 5 — церковь в Ромнах (деревянная) (XVIII в.); 6 — церковь в Новомосковске (деревянная) (XVIII в.)



Кукола и барабаны

1 — Мгарский собор (XVII в.); 2 — Никольский собор в Киеве (XVII в.); 3 — церковь в с. Полонки (XVIII в.); 4 — церковь в Сорочинцах (XVIII в.); 5 — собор Крупицко-Батуринского монастыря (XVII в.); 6 — собор в Даневке (XVIII в.).

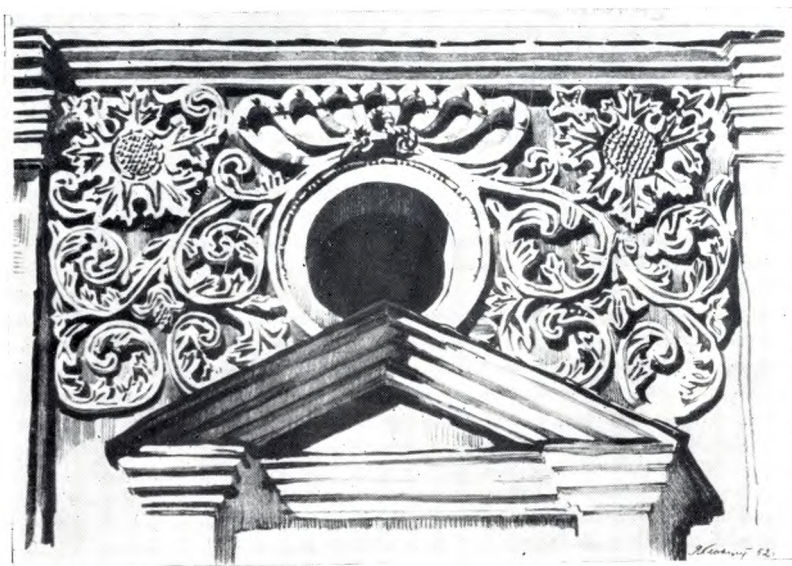
преобладал сиренево-зеленый цвет. Рисунок растительного или геометрического характера иногда был довольно сложным, например, в крупных плитах небольшой колокольни Молчинского монастыря в Путивле. Кроме растительных мотивов, были символические изображения, например головы купидонов. Крупномасштабный упрощенный рисунок применялся, когда плитки должны были располагаться высоко, например в Михайловском соборе в Киеве. Небольшие по размеру плитки делались гладкими, а плитки или розетки более значительных размеров — рельефными и раскрашенными.

В интерьерах зданий поливные изразцы широко применялись для облицовки печей. Этими кахлями «зеркала» печей облицовывались сплошь. Несмотря на общую тональность, каждая такая плитка зрительно воспринималась отдельно, благодаря тому, что она имела свой законченный орнаментальный рисунок и являлась как бы отдельным маленьким панно. Печные изразцы располагались в шахматном порядке. В какой-то степени подобная облицовка находилась в композиционной связи с оконными переплетами и стеклами, дверными филенками, а самое главное — с рисунком ковров и рушников, в изобилии украшавших горницы.

Рисунок печных изразцов отличался гораздо большим разнообразием, чем в наружных изразцах. Широко применялся растительный орнамент. Для нанесения рисунка штамп применялся редко, обычно каждый рисунок делался от руки (такой керамикой облицована сохранившаяся печька в одном из зданий Крупицко-Батуринского монастыря). На изразцах изображались также различные птицы, звери и даже жанровые фигурки панов, мещан, крестьян и т. д. в духе народного лубка. Масштаб этих изображений рассчитан на восприятие вблизи и поэтому рисунок мельче, чем в наружных изразцах.



Особое внимание уделялось декорированию фронтонов и куполов, ибо они в немалой степени способствовали выражению традиционной пирамидальной композиции зданий. Фронтам придавался своеобразный пышный и нарядный облик таким характерным приемом, как устройство «солнц» и пирамид. На возвышающихся точках фронтонов и других частях крыши, особенно на углах, устанавливались на флагштоках кованые из металла и позолоченные изображения дисков солнца с лучами. Таких «солнц» устанавливалось по верху крупных зданий по несколько десятков. Сами купола нередко украшались изображениями звезд. Пирамиды устраивались в верхних частях фронтонов, обычно на них дополнительно устанавливались «солнца» (Никольский собор в Киеве, Пятницкая церковь в Чернигове). Хотя эти пирамиды и не были большими (при-



*Лепной декор над порталом бursы в Переяславе и окном
Мгарского собора (XVIII в.). Рисунки Д. Яблонского*

мерно $1,5 \times 1$ м), но их устанавливалось в каждом фронте до десятка, что подчеркивало общий пирамидальный строй сооружения.

Графический анализ показывает, что многокупольные завершения, а также фронтоны различных размеров и очертаний в большинстве случаев вписываются в равносторонний треугольник (фронтоны и купольное завершение Михайловского собора, брама Заборовского и др.). Подобное пирамидальное построение характерно не только для завершений, но и для зданий в целом, причем такая композиция свойственна даже древним зданиям, подвергшимся реконструкции в XVII—XVIII вв. Главные фасады Михайловского и Софийского соборов (по современным обмерам) очень точно вписываются в такой треугольник.

Это трудно объяснить случайностью. Очевидно, при перестройке этих зданий учитывалось подобное пропорционирование. В реставрации Софийского собора в 30-х годах XVII в. принимал участие итальянский архитектор Октавиано Манчини¹, что в какой-то мере объясняет строгость следования принципу геометрического пропорционирования.

Декоративные фронтоны имеют очень сложную форму как по очертаниям, так и по заполнению плоскости фронтона. Эта плоскость обычно членилась вертикальными пилястрами и нишами самой различной формы. Иногда фронтоны по своей композиции были двухъярусными. В ряде случаев внешний их контур оформлялся наподобие гигантских волют, как, например, в Успенском соборе Киево-Печерской лавры. Каждый фронтон этого собора представлял собой композицию из одного большого фронтона и двух меньших, очень умело и хитроумно скомпонованных вместе. Богатейшая лепка этих фронтонов, а также подкупольных барабанов и оконных наличников отличалась поразительной сочностью и уверенностью рисунка. Эти качества орнаментации достигались идеальной техникой горельефной лепки. Благодаря сильному рельефу в условиях южного освещения создавалось контрастное, светотеневое выявление каждой детали орнамента, прекрасно видимой даже на значительном удалении.

Очень часто в композицию фронтонов вводилась живопись, как правило, тематическая. Эти панно были самых разнообразных и весьма сложных очертаний.

¹ Архитектор Октавиано Манчини, родом из Болоньи, оставил свои пометки на книге «Regole generali di architettura di Sebastiano Serlio», хранящейся в библиотеке Краковского национального музея. Из этих пометок, датированных 1637 и 1638 гг., выясняются некоторые данные о Манчини, в частности, о его работе по приглашению Петра Могилы по реставрации Софийского собора. (Rozprawy i sprawozdania museuma Narodowego w Krakowie, V, 1958; Maria Krynicka i Marek Wierzbicki. Oktawiano Mancini — architekt Piotra Mohili).



Выявленные на конкретных примерах принципы убранства зданий можно суммировать следующим образом.

В архитектуре Левобережья и Поднепровья единичны случаи применения объемной скульптуры. В XVIII в. весьма распространен орнаментально-скульптурный декор в виде барельефной лепки. Распространена монументальная живопись, а также украшение интерьеров парсунной живописью и колтринами.

Как и во всей Европе, в архитектуре Украины также проявилось влияние ордерности, но главным образом как декоративного приема.

До 30-х годов XVIII в. убранство зданий, довольно сдержанное, выполняется главным образом из кирпича. В последующее время убранство становится более нарядным и выполняется посредством лепки. Украинские зодчие были непревзойденными мастерами лепки как по богатству орнаментальных мотивов, так и по качеству технического исполнения.

Украшения в виде лепки, а также иногда из кирпича применялись в строгом порядке. На Украине почти не встречается сплошного орнаментального покрытия больших целостных плоскостей здания. Декор применяется главным образом в виде оконных наличников, дверных порталов, а также на фронтонах.

Украшению верхних частей зданий — фронтонов и куполов — уделялось особое внимание, эти части зданий оформлялись с исключительным богатством и нарядностью с таким расчетом, чтобы подчеркнуть пирамидальность общей композиции.

Одной из особенностей декоративного убранства зданий являлось применение цветных керамических плит и розеток в виде отдельных вкраплений.



З а к л ю ч е н и е

При оценке памятников архитектуры того или иного народа возникает главный вопрос: что специфическое, характерное для данного народа, а также новое, прогрессивное с точки зрения общих процессов эволюции архитектуры содержится в этих памятниках?

Вопрос о самостоятельности и оригинальности украинского зодчества был поставлен еще в начале XX в. Тогда на страницах печати велась дискуссия о том, существует ли украинский стиль в архитектуре. Спор по этому поводу шел не только между историками и искусствоведами, но и между архитекторами-практиками. От исторических архитектурных проблем перебрасывался мост к современным задачам развития архитектурного творчества¹.

Может показаться излишним вспоминать сейчас об этих давних спорах. За годы Советской власти на Украине вышло много различных работ, в которых если и не исчерпывающе, то достаточно убедительно показан национальный гений украинского народа в различных его проявлениях, в том числе и в области архитектурного творчества.

¹ Карпович. Малороссийское церковное зодчество. «Зодчий», № 6, 1904; Филианский. Наследие Украины. «Строитель», № 10, 1905; Антонович Д. Характер дослідів над українським архітектурним стилем. «Дзвін», № 12, 1913; Шумицький М. Український архітектурний стиль в сучасному і минулому. «Ілюстрована Україна», № 7—8, 1913; А. Л. Украинский архитектурный стиль. «Украинская жизнь», № 9, 1912; Новицкий А. По поводу статьи «Український архітектурний стиль». «Украинская жизнь», № 11, 1912; Бар А. Об украинском архитектурном стиле. «Украинская жизнь», № 1, 1913; Кричевский В. Разуміння українського стилю. «Сяйво», № 3, 1914.

И все же наслоения прошлого, косные традиции, устаревшие представления очень живучи. Несколько поколений воспитывалось на книгах и учебниках, в которых утверждалось, что в Европе существует только греко-римская архитектура и различные ее модификации. Таким образом, круг представлений об архитектурно-строительной деятельности европейских народов был односторонним, суженным и тем самым неправильным.

Разумеется, были причины, которые объясняют подобную односторонность: не было еще достаточной изученности материала, не было подготовленных кадров исследователей и т. д. Но главное было не в этом, а в том, что существовали политические силы, которым выгодно было насаждать и поддерживать мнение о культурной гегемонии одних народов и мнимой неполноценности других.

Положение с оценкой исторической и культурной деятельности так называемых малых народов решительным образом изменилось с тех пор, как сложился лагерь социалистических стран. Мы являемся свидетелями поразительного расцвета исследовательской работы в различных областях национальной культуры в советских республиках и в таких социалистических странах, как Польша, Румыния, Болгария, Венгрия, Чехословакия, Югославия. Изумленному миру предстают сейчас художественные сокровища этих народов, о которых в ряде случаев мало кто знал, кроме узкого круга специалистов.

Хотя 42-миллионный украинский народ довольно затруднительно отнести к народам «малым», но в известной мере и он относился к тем народам, об архитектуре которых почти ничего не говорилось даже в специальных трудах. В специальной литературе по искусству европейских народов, как правило, об украинской архитектуре никаких сведений не содержится.

Украинский народ, как и другие народы Европы, имел в прошлом свою оригинальную, высокоразвитую национальную архитектуру. Отошло время, когда делались необоснованные попытки перенесения в современную строительную практику архитектурных форм прошлого. Но это отнюдь не умаляет значения архитектурного наследия украинского народа и нашего уважения к нему.

Национальная специфика украинского зодчества прежде всего отчетливо выступает в характере населенных мест. Украинский народ предпочитал устраивать города и села свободно, живописно, мастерски используя природные данные и избегая скученности. На землях Украины столетиями продолжались кровопролитные, ожесточенные войны; поэтому в планировке населенных мест требования обороны учитывались самым тщательным образом, а оборонительные сооружения, к которым относились также монастыри и даже отдельные церкви, придавали специфический облик не только городам, но даже и крупным поселениям сельского типа.

Свободная планировка населенных мест, наличие обширных незатесненных пространств, на которых обычно в значительном удалении от рядовой застройки возводились крупные общественные здания или усадьбы казацкой верхушки — все это само собой определяло объемно-пространственные особенности подобных сооружений. На Украине преобладал тип центрической композиции культовых зданий крестообразного плана, рассчитанных на обозрение со всех сторон. Центрическая симметрия объемов подчеркивалась пирамидальной группировкой фронтонов и куполов с характерными грушевидными очертаниями.

Народные мастера проявили исключительное умение, фантазию и творческую изобретательность в декоративном, обычно лепном, убранстве зданий. Богатейшей лепкой покрывались порталы и обрамления оконных проемов, фронтоны и подкупольные барабаны. Эта лепка реалистически, а иногда и стилизованно изображала растительные мотивы нередко местного происхождения. Во многих случаях лепка дополнялась настенной живописью, геральдическими изображениями, цветной керамикой и коваными украшениями из цветных металлов. Все это вместе взятое создавало исключительную нарядную живописность архитектурных произведений; наиболее значительные из них создавались как памятники-монументы, символизирующие национальное самоутверждение, победу в национально-освободительной борьбе, воссоединение с братским русским народом.

Психический склад украинского народа обусловил создание характерных для него образов и форм архитектуры — живописных, нарядных, жизнеутверждающих. Свойственная народу особенность художественного восприятия проявилась во всех видах пластических и изобразительных искусств. Именно народные истоки являются той базой, на которой создавались типы зданий, их объемно-пространственная композиция, декор и цветное решение.

Нам кажется, что прежние споры о том, какое начало лежит в основе украинского зодчества — освоение извечно бытовавших приемов деревянной архитектуры, переработка наследия величественной архитектуры древнерусского государства или же освоение принципов западной архитектуры — что такая постановка вопроса неправильна, хотя бы потому, что условия исторического развития Правобережной и Левобережной Украины отнюдь не идентичны. Если к этому добавить, что южные земли Украины представляли собой безбрежные степи, а северные — дремучие леса, то станет ясным, что определенные факторы могли в разной степени проявляться в формировании национальных особенностей зодчества различных районов Украины.

Основой национального архитектурного стиля были прежде всего местные, развивающиеся традиции народной культуры во всей ее совокуп-

ности, включая материальную культуру, в том числе способы обработки и использования строительных материалов, а также культуру быта, фольклор, народное песенное и музыкальное творчество, литературу, художественное видение мира в целом.

В украинском зодчестве в рассмотренных территориальных и хронологических границах можно проследить некоторые принципы, восходящие к архитектуре древнерусского государства. Несомненны также и некоторые черты зодчества соседних западных стран, подвергшиеся на Украине переработке, согласно местным традициям и навыкам. Однако было бы ошибочным полагать (и рассмотренный материал подтверждает это), что содержание и формы украинской архитектуры могли определяться этими факторами. Народная культура, и зодчество в том числе, не могла жить прошлым или привнесенным извне, тем более в эпоху, когда национально-освободительная борьба и воссоединение с Россией являлись основой дальнейшего существования украинского народа. Только глубинные местные народные условия могли явиться источником вдохновения при создании образов и форм архитектуры. Было бы недостаточно констатировать взаимосвязь русского и украинского зодчества, как обычное явление во взаимообщении двух соседних народов. В данном случае перед нами процесс более глубокий и органический, он коренится в общем историческом родстве культуры этих народов; нередко на практике это приводило буквально к взаимопроникновению русских и украинских архитектурно-строительных приемов.

Пропорциональный анализ и сопоставление обмерных данных ряда объектов — Изюмского собора, Екатерининской церкви в Чернигове, собора в Даневке, церкви в Сорочинцах, Николаевского собора в Нежине — с обмерами русских памятников выявляет устойчивую традицию определенных соразмерностей, характерных как для украинского, так и русского зодчества. Несмотря на различие внешних форм, основой этой соразмерности является подкупольный квадрат со стороны стандартных размеров: шесть — восемь метров. Квадрат и его диагональ являются масштабным и в то же время структурным модулем. Это соотношение стороны квадрата и его диагонали характерно и для пропорционирования основных элементов гражданских зданий.

Таким образом, социально-исторические и экономические предпосылки, специфика употребляемого материала и влияние климатических условий, а также трудно поддающиеся анализу черты психического склада нации — вот то главное, что в совокупности определило национальную специфику украинской архитектуры.

Архитектура Левобережья и Поднепровья в XVII—XVIII вв. была богаче, ярче и самобытнее, чем это обычно представлялось. Как нам кажется, важным итогом разбора и суммирования приведенных фактов является то, что в общем процессе эволюции архитектурных приемов

весьма существенная роль принадлежала также разным типам гражданского строительства.

Приведенные новые, а также подвергнутые анализу уже известные фактические данные свидетельствуют, что наиболее ярко национальные особенности в градостроительстве, а также в архитектуре отдельных зданий проявились на Приднепровье и Левобережье в 70-х годах XVII — 70-х годах XVIII вв., т. е. в период национального подъема, последовавшего после воссоединения Украины с Россией. Это не была архитектура единая для целого столетия и одинаковая для различных классовых групп. Факты показывают, что в течение этого времени она отличалась большим разнообразием, порой весьма быстрой сменой одних типов и форм зданий другими.

Выдвинутая буржуазными националистическими историками теория о якобы внеклассовом развитии Украины этого периода (так называемая теория «единого потока») находится в прямом противоречии также с реальными фактами развития строительства и архитектуры в XVII—XVIII вв. Как и у всех народов, на Украине развитие архитектурно-строительной деятельности наряду с другими причинами определялось в первую очередь социальными и имущественными факторами.

Однако национальные самобытные черты — явление устойчивое, выходящее за пределы относительно быстро сменяющихся имущественно-классовых факторов. Вот почему, несмотря на большое разнообразие рассмотренных типов зданий, им присуща национальная специфика, отличающая украинскую архитектуру от архитектуры других народов.

Возможно, что приведенные автором материалы и данные таких архитектурных комплексов, как гетманские дворы и замки, различные гражданские здания в Глухове, Батурине, Чигирине, Гадяче, Чернигове и других местах, а также Рыхловском, Глухово-Петропавловском, Крупицко-Батуринском, Максаковском, Даневском и других монастырях, далеки от исчерпывающей полноты. Но было сделано, что возможно, так как эти комплексы практически не существуют. В лучшем случае, сохранились отдельные полуразрушенные здания, а остатки многих приходилось изучать с лопатой в руке.

Остается лишь льстить себя надеждой, что проделанная работа по разысканию и изучению архитектурных комплексов и зданий послужит путеводной нитью для последующих исследователей и реставраторов и, может быть, настанет час, когда наиболее ценные здания будут восстановлены.

Проблема реставрации ряда важнейших памятников украинского зодчества, как нам кажется, касается таких объектов, как дом Кочубея в Батурине, каменицы в Прилуках, Любече, Красном селе, дом Лизогуба в Чернигове, комплексы Густынского, Гамалеевского и других монастырей, а также гражданских и культовых зданий в Нежине, Глухове, Коропе, Стародубе.

В целях реставрации могут быть использованы данные о местных строительных школах Левобережья: Стародубско-Глуховской, Черниговской, Седнево-Коропско-Козелецкой, Густынской и Харьковско-Изюмской. Выявленные характерные приемы мастеров этих школ также существенны для установления позднейших перестроек и реставрации первоначальных форм памятников. Этому же могут способствовать отмеченные моменты взаимовлияния украинской, русской и отчасти белорусской архитектуры, а также новый материал об авторстве некоторых сооружений.

Национальная самобытность зодчества, особенно в рассматриваемых районах Украины, была выражена не менее, а возможно, даже более ярко, чем у соседних западных народов. Если на Поднепровье и Левобережье насчитывается буквально несколько зданий, отдаленно варьирующих западноевропейские архитектурные приемы, то большинство произведений монументального зодчества в соседних западных странах сооружено именно в таком общеевропейском стиле.

На этом основании было бы неправильно делать вывод, что одна ветвь архитектуры, где самобытные начала выражены ярче, является архитектурой хорошей, а та, где преобладают общеевропейские или иные какие-то черты, — плохой. Народ создает ту архитектуру, которая возможна и необходима в данный период его исторического развития.

Национальные традиции архитектуры украинского народа — его гордость и один из источников вдохновения при создании архитектуры новой, подлинно современной, отвечающей идеалам коммунистического общества.



УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ

На русском языке

- Автобиография Адама Зерникау. Труды Киевской Духовной Академии, кн. 3, Киев, 1860.
- Астриб М. Лубенский мужской Свято-Преображенский монастырь. Полтава, 1915.
- Белюсович. Николаевский Крупицко-Батурицкий монастырь. Чернигов, 1859.
- Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. М. 1953.
- Воссоединение Украины с Россией. Сб. статей. М., 1954.
- Голобуцкий В. Запорожское казачество. Киев, 1957.
- Голубев С. Старый корпус Киевской академии и его «репарация». Киев, 1913.
- Горностаев Ф. Строительство графов Разумовских на Черниговщине. М., 1911.
- Грабовский И., Днестров И. Переяслав-Хмельницкий. Киев, 1954.
- Добровольский П. Черниговский Елецкий монастырь. Чернигов, 1900.
- Духовное завещание Василия Загоровского, кастеляна Брацлавского, написанное в 1579 г. «Архив Юго-Западной России», т. I. Киев, 1859.
- Ефимов А. Черниговский Свято-Троицкий мужской монастырь. Чернигов, 1911.
- Жуков К. Украинский архитектурный стиль. «Украинская жизнь», 1912, № 9.
- Закревский Н. Описание Киева, т. I—II. М., 1868.
- Зодчество Украины. Сб. Киев, 1954.
- Исторический очерк Пустынно-Рыхловского монастыря. Одесса, 1903.
- История Украинской ССР, т. I. Киев, 1953.
- Каманин И. Договоры на сооружение церквей в Малороссии в XVII в. Киев, 1904.
- Карпов А. Малороссийские города в эпоху воссоединения Малороссии и Велюкороссии. Спб., 1877.
- Карпович. Малороссийское церковное зодчество. «Зодчий», 1904, № 6.
- Козелецкий Георгиевский монастырь. Чернигов, 1862.

Книга пожиткам Полуботка. «Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете». М., 1862.

✓ Кожин Н. Украинское искусство XIV — нач. XX вв. Львов, 1958.

Кордт Ф. Материалы для истории отечественной топографии. Киев, 1907.

Лазаревский А. Гетманские дома в Глухове. «Киевская Старина», т. I, 1892.

Лазаревский А. Обзорение Румянцевской описи Малороссии. Чернигов, 1867—1872.

Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Спб., 1885.

Летописец о первом зачатии и создании святыне обители монастыря Густынского. «Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете», М., 1848, № 7—8.

Логвин Г. Чернигов, Новгород-Северский, Глухов, Путивль. М., 1965.

Лукомский Г. Украинское барокко. Спб., 1911.

✓ Ляскоронский. Иностранные карты XVI—XVII вв., относящиеся к южной России. Спб., 1898.

✓ Мухин П. Братский монастырь. Киев, 1893.

Мышлевский. Крепости и гарнизоны в южной России в 1718 г.

Новицкий А. Черты самобытности в украинском зодчестве. Спб., 1911.

Никитин А. Оборонительные сооружения засечной черты XVI—XVII вв. «Материалы и исследования по археологии СССР», 1955, № 44.

Олейников Н. Краткий исторический очерк Троицкого женского монастыря. Полтава, 1900.

Павлудкий Г. Древности Украины. Киев, 1905.

Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I—II. Спб., 1862—1863.

✓ Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном архимандритом Павлом Алеппским, вып. I—IV, М., 1897.

✓ Путешествие академика Гильденштедта по Слободско-украинской губернии. Харьков, 1892.

Путешествие в Святую землю священника Иоанна Лукьянова в начале XVIII в. «Русский архив», кн. I—III, 1863.

✓ Романовский В. Развитие городов Левобережной Украины после воссоединения Украины с Россией. В сб.: «Воссоединение Украины с Россией». М., 1954.

✓ Россия, полное географическое описание нашего отечества. Под ред. В. Семенова, т. VII. 1903.

Сборник материалов по Исторической топографии Киева. Киев, 1874.

Скальковский А. История новой Сечи или последнего коша Запорожского, Одесса, 1885.

Смирнов П. Города Московского государства в первой половине XVII в. Киев, 1917.

Смирнов Я. Рисунки Киева и копии их конца XVIII в. (Вестерфельда). М., 1908.

Тверской Л. Русское градостроительство до конца XVII в. М., 1953.

Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654—1954), одобренные ЦК КПСС. М., 1954.

Титов Ф. Типография Киево-Печерской лавры. Киев, 1916.

Филарет (Гумилевский). Историко-статистическое описание Черниговской епархии, т. I—VI. Чернигов, 1870—1888.

Филарет (Гумилевский). Историко-статистическое описание Харьковской епархии, т. I—IV. Харьков—Москва, 1880—1890.

Филарет (Гумилевский). Крупицко-Батуринский мужской монастырь. Чернигов, 1862.

Филанский. Наследие Украины. «Строитель», 1905, № 10.

- Фундуклей Н. Обзорение Киева в отношении к древностям. Киев, 1897.
- Харлампович К. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь, т. I. Казань, 1911.
- Холостенко Н. Исследование памятника XII в. в Новгород-Северске. Сб. сообщений Киевпроекта, № 1—2, 1958.
- Хоткевич И. О портретах Богдана Хмельницкого, «Искусство в Южной России», Киев, 1913, № 3—4.
- Цапенко М. Новые материалы из истории градостроительства Украины. «Архитектура СССР», 1962, № 6.
- ✓ Эвлия Челеби. Книга путешествия. Вып. 1. М., 1961.
- Шафонский А. Черниговского наместничества топографическое описание. М., 1851.
- Шероцкий К. Очерки по истории декоративного искусства Украины. Т. 1. Живописное убранство дома в прошлом и настоящем. Киев, 1914.
- Шероцкий К. Киев. Путеводитель. Киев, 1917.
- Юрченко П. Народное жилище Украины. М., 1941.
- Яблонский Д. Порталы в украинской архитектуре XVII—XVIII вв. Киев, 1955.
- Яковлев А. Засечная черта Московского государства в XVII в. М., 1916.

На украинском языке

- Драган М. Українські дерев'яні церкви т. I—II. Львів, 1937.
- Жолтовський П. Визвольна боротьба Українського народу в пам'ятках мистецтва XVI—XVIII ст. Київ, 1958.
- Історія Києва, т. I, Київ, 1960.
- ✓ Кричевський В. Разуміння Українського стилю. «Слайво», 1914, № 3.
- ✓ Логвин Г. Чигирин-Субботів. Київ, 1954.
- Логвин Г., Яблонський Д. Будинок Лизогуба. Зб. «Питання Історії архітектури і будівельної техніки України». Київ, 1959.
- Маслов С. Українська друкована книга XVI—XVIII вв. Київ, 1925.
- Модзалевський В. Будівання церков у Лубенському Мгарському монастирі в 1682—1701 рр. «Наше минуле», № 3, Київ, 1918.
- Модзалевський В. Гути на Чернігівщині. Київ, 1926.
- Нариси Історії архітектури Української РСР. Київ, 1957.
- Новаківська Н. Найкрупніша громадська споруда на Україні в XVIII ст. «Вісник АБІА УРСР», № 1, 1959.
- Павленко М. Нові спостереження над Чернігівським Мазепиним будинком. «Україна», VII, 1930.
- Підлісна Г. Нові данні про пам'ятники Української архітектури. Зб. «Питання історії архітектури та будівельної техніки України». Київ, 1959.
- Різниченко В. Господа генерального судді Вас Кочубея в Батурині. «Ілюстрована Україна», Львів, 1913, № 17—18.
- Сімікін. Архітектурні пам'ятки Переяслава та його околиць. «Архітектура Радянської України», 1941, № 1.
- Таранушенко С. Пам'ятники архітектури Слобожанщини XVII—XVIII ст. Зб. «Питання Історії архітектури та будівельної техніки України». Київ, 1959.
- Таранушенко С. Покровський собор у Харкові. Харків, 1923.
- Таранушенко С. Лизогубівська кам'яниця у Седневі. Харків, 1932.
- Таранушенко С. Мистецтво Слобожанщини XVI—XVII ст. Харків, 1935.
- Татаренко С. Українське барокко. «Архітектура Радянської України», 1940, № 8.
- Федоренко П. Будинок Мазепи — будинок Лизогуба. «Україна», VII, 1930.

Холостенко М. Українська архітектура XVII ст. «Архітектура Радянської України», 1940, № 10.

Холостенко М. Іван Григорович-Барський — зодчий Київа XVIII ст. «Архітектура Радянської України», 1940, № 11.

Холостенко М. Зодчий П. И. Нейолов у Київі. «Архітектура Радянської України», 1940, № 2.

Холостенко М. Архитектура України XIV—XVIII ст. «Архітектура Радянської України», 1940, № 8.

Цапенко М. Українська громадська архітектура XVII—XVIII ст. Вісник АБІА УРСР, 1960, № 2.

Цапенко М. З історії шукань національного стилю в архітектурі України. Зб. «Питання Історії архітектури та будівельної техніки України». Київ, 1959.

Цапенко М. Особливості будівельної техніки України XVII—XVIII ст. Вісник АБІА УРСР, 1962, № 3.

• Чужийці про Україну. Зб. Львів, 1938.

Шумицький М. Український архітектурний стиль. Київ, 1914.

Шумицький М. Український архітектурний стиль в сучасному і минулому. «Ілюстрована Україна», 1913, № 7—8.

Щербаківський В. Архітектура у різних народів і на Україні. Київ—Львів, 1910.

Юрченко П. Дерев'яне зодчество України. Київ, 1949.

На польском языке

Krótką nauka budownicza Dworów, Pałaców Zamków podług Nieba i zwyczaju Polskiego. Krakow, 1659.

Maria Krynicka i Marek Wierzbicki. Oktawiano Mancini. — Architect Piotra Mohili. Rozprawy i sprawozdania muzeuma Narodowego w Krakowie, V, 1958.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов в Москве.

ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив в Москве.

ЦГИА УССР — Центральный государственный исторический архив Украинской ССР.

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.

ЦРМГУ — Центральные реставрационные мастерские Госстроя УССР.

НИИТИ АСИА — Институт теории и истории архитектуры и строительной техники Академии строительства и архитектуры УССР (в настоящее время киевский Научно-исследовательский институт теории, истории и перспективных проблем советской архитектуры Госкомитета гражданского строительства и архитектуры при Госстрое СССР).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Глухов в середине XVIII в. Рисунок — реконструкция Г. Логвина по плану 1746 г. (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 416, л. 605) и плану 1776 г. (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 418, л. 590) (стр. 12).

Гуты и рудни в с. Деменки на Черниговщине. Из плана 1732 г. в книге В. Модзалевского «Гути на Чернігівщині», Київ, 1926 (стр. 12)

План Новой Запорожской Сечи, 1774 г. (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 21963) (стр. 13)

Расположение куреней в Старой Запорожской Сечи, начало XVIII в. Из книги А. Скальского «История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского», Одесса, 1885 (стр. 14)

Здания Киево-Печерской лавры, XVII—XVIII вв. Чертеж арх. А. Меленского, нач. XIX в. (стр. 15)

Крупицко-Батурицкий монастырь, XVII—XVIII вв. Фрагмент заглавного листа поминальной книги этого монастыря XVIII в. (Краеведческий музей г. Конотопа) (стр. 18)

Крупицко-Батурицкий монастырь. Вид с северной стороны. Рисунок — реконструкция К. Лоляло по изображению на заглавном листе поминальной книги (стр. 19)

Расположение ансамблей на рельефе. Схемы М 1:5000 (по обмерам и топографическим планам) (стр. 20)

Типы укреплений украинских городов Левобережья в первой половине XVII в. По книге В. Кордта «Материалы по истории русской картографии», вып. II (карты Боплана). Киев, 1910 (стр. 22)

Фрагмент заглавного листа книги «Анфологон», изданной в Новгород-Северске в 1678 г. Изображение зданий Новгород-Северского Спасского монастыря (стр. 23)

Фрагмент карты Антона Вида, XVI в. Из книги В. Січинського «Чужинці про Україну». Львів, 1938 (стр. 24)

Крепость Кодак на Днепре, 1637 г. Чертеж XVII в. (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 22095) (стр. 25)

Замок Богдана Хмельницкого в с. Субботове, XVII в. Рисунок — реконструкция Г. Логвина (стр. 27)

Большемерный и фигурный кирпич в кладке зданий XVII—XVIII вв. Чертежи по обмерам автора с образцов (стр. 31)

Паруса и своды Николаевского собора в Нежине (1668 г.) и Михайловской церкви в с. Воронеж Сумской обл. (1776 г.). Рисунки по фотографиям автора. (стр. 31)

Николаевский собор в Нежине. Боковой купол. Фото автора (стр. 34)

Кельи Благовещенского монастыря в Нежине, XVIII в. Аксонометрический разрез (по обмерам автора) (стр. 34)

Трапезная Троицкого монастыря в Чернигове, 1667—1679 гг. Интерьер. Фото автора (стр. 36)

Дом Лизогуба в Чернигове, конец XVII в. Интерьер. Фото (стр. 37)

Троицкий собор Густынского монастыря, 1672—1676 гг. Аксонометрический разрез (по обмерам ЦРМГУ и автора) (стр. 39)

Екатерининская церковь в Чернигове, 1715 г. Аксонометрический разрез (по обмерам ЦРМГУ) (стр. 41)

Дом Лизогуба в Чернигове, конец XVII в. Пропорциональный анализ плана по обмерному чертежу (стр. 42)

Трапезная Троицкого монастыря в Чернигове, 1677—1679 гг. Пропорциональный анализ плана по обмерному чертежу (стр. 44)

г. Гадяч. План XVIII в. Чертежная копия с оригинала (ЦГВИА, ф. 418, д. 574) (стр. 49)

г. Лубны. План XVIII в. Из книги К. Бочкарева «Очерки Лубенской старины». М., 1900 (стр. 50)

г. Нежин. План 1803 г. Чертежная копия с оригинала (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 21590, л. 3) (стр. 50)

г. Стародуб. План XVIII в. Чертежная копия с оригинала (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 21590, л. 4) (стр. 51)

г. Полтава. План XVIII в. Чертежная копия с оригинала (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 23369) (стр. 53)

г. Прилуки. План XVIII в. Чертежная копия с оригинала (ЦГВИА, ф. 418, д. 72597) (стр. 54)

г. Глухов. План 1746 г. (до реконструкции города под руководством А. Квасова). Фотокопия с оригинала (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 416, л. 605) (стр. 55)

г. Глухов. План 1776 г. (после реконструкции). Чертежная копия с оригинала (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 418, л. 590) (стр. 57)

г. Чигирин. Рисунок с детали гравюры 1678 г., на которой изображена осада города турками в 1667 г. (Из собрания Погодина в Гос. публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде) (стр. 58)

г. Чигирин. План 1678 г. Фотокопия с оригинала (ЦГВИА, ф. ВУА) (стр. 59)

г. Изюм. План 1768 г. Чертежная копия с оригинала. ЦГИА УССР (Харьковский филиал, ф. 339, д. 337) (стр. 61)

г. Батурин. План нач. XIX в. Чертежная копия с оригинала (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 21680) (стр. 62)

Никольский монастырь в Киеве. План нач. XIX в. Чертежная копия с оригинала (ЦГИАЛ, ф. 1488, оп. 2, д. 143) (стр. 63)

Левобережная Украина. Карта с указанием памятников архитектуры XVII—XVIII вв., расположенных вне городов (стр. 64)

Спасский монастырь в Новгород-Северске. План (по обмерам ЦРМГУ) (стр. 65)

Елецкий монастырь в Чернигове. План нач. XIX в. Чертежная копия с оригинала (ЦГИАЛ, ф. 1488, д. 925) (стр. 66)

Троицкий монастырь в Чернигове. План (по обмерам ЦРМГУ) (стр. 67)

Гамалеевский монастырь. Чертежная копия с плана 1795 г. (ЦГИАЛ, ф. 1488, оп. 14, д. 950) (стр. 68)

Рыхловский монастырь, XVII—XVIII вв. Рисунок — реконструкция К. Ломяло (по фото XIX в., обмерам и исследованиям автора) (стр. 69)

Глуховско-Петропавловский монастырь, XVII—XVIII вв. Рисунок — реконструкция К. Ломяло (по фото XIX в., обмерам и исследованиям автора) (стр. 72)

Крупицко-Батурицкий монастырь, XVII—XVIII вв. План, составленный по рисунку в поминальной книге монастыря (серед. XVIII в.), по обмерам и исследованиям автора (стр. 73)

Крупицко-Батурицкий монастырь, XVII—XVIII вв. Общий вид. Рисунок — реконструкция К. Ломяло (по изображению в поминальной книге монастыря, обмерам и исследованиям автора) (стр. 75)

Густынский монастырь, XVII—XVIII вв. Макет. Вид с северо-запада и востока. Музей НИИТИ АСИА УССР (стр. 77)

Дом Кочубя в Батурине, XVII в. Планы наземного этажа и подвала (обмеры автора) (стр. 81)

Так называемый дом Полуботка в Чернигове, XVII в. План (обмеры автора, П. Муспенко и С. Таранушенко) (стр. 83)

Дом Лизогуба в Чернигове, XVII в. Чертежная копия плана XVIII в. (стр. 85)

Дом Лизогуба в Чернигове, XVII в. Восточный фасад. Фото автора (стр. 86)

Так называемый дом Петра I в Киеве, XVIII в. (обмеры ЦРМГУ) (стр. 89)

Дом Давыдовых в с. Каменке на Днестре. По рисунку из рукописи 1823 г. (Черниговский обл. архив, ф. 674, оп. 2, д. 4, л. 513—514) (стр. 89)

Северные кельи Елецкого монастыря в Чернигове, XVII в. План (обмеры ЦРМГУ) (стр. 90)

Кельи Благовещенского монастыря в Нежине, XVIII в. План и разрез (обмеры автора) (стр. 90)

Трапезная и кельи Спасского монастыря в Новгород-Северске, XVII в. План (обмеры ЦРМГУ) (стр. 91)

Жилой дом в Глухове, XVIII в. План первого этажа (обмер автора) (стр. 91)

Типы оконных наличников гражданских и культовых зданий XVII—XVIII вв. Таблица (по обмерам, зарисовкам и фотографиям) (стр. 92)

Гражданские здания XVII—XVIII вв. Планы и фасады. Таблица (по обмерам ЦРМГУ, автора и др.) (стр. 93)

Общественные здания XVIII в. Чертежи 1784 г. Фотокопии с оригиналов (Черниговский областной архив, ф. 58, оп. 1, д. 222)

Каменница Константиновичей в Чернигове. Фасад и разрез (по материалам С. А. Таранушенко) (стр. 96)

Каменница Полуботка в с. Любече, нач. XVIII в. Рисунок худ. А. Сластёна (стр. 98)

Каменница Полуботка в г. Любече. План (обмеры автора) (стр. 98)

Каменница Галагана в г. Прилуках, нач. XVIII в. План, разрез, фасад (обмеры автора) (стр. 99)

Каменница в Покорщине, XVIII в. (г. Козелец Черниговской обл.) Фасады, разрезы (обмеры автора) (стр. 100)

Ратуша (магистрат) в Киеве, XVII—XVIII вв. Фасад и план. Чертеж арх. А. Меленского, нач. XIX в. (стр. 102)

Гражданские здания XVII—XVIII вв. Планы и фасады. Таблица (по обмерам ЦРМГУ, автора и др.) (стр. 103)

Киевская академия. Макет. Реконструкция Ю. Нельговского и Е. Горбенко. Музей НИИТИ АСИА УССР (стр. 104)

Бурса (коллегиум) в Новгород-Северске, XVII в. Фото (после реставрации ЦРМГУ УССР в 1954—1958 гг.) (стр. 105)

Трапезная Выдубецкого монастыря в Киеве, XVII—XVIII вв. План, разрез (обмеры НИИТИ АСИА УССР) (стр. 106)

- Трапезная Выдубецкого монастыря. Южный фасад. Фото автора (стр. 107)
- Трапезная Троицкого монастыря в Чернигове, 1677—1679 гг. Северный фасад. Фото автора (стр. 109)
- Трапезная Софрониевского монастыря (в окрестностях г. Путивля), XVII в. Разрез и план (обмеры НИИТИ АСИА СССР) (стр. 110)
- Типы зданий с башнями XVII—XVIII вв. Планы и фасады. Таблица (по обмерам ЦРМГУ, автора и др.) (стр. 112)
- Руины замка Хмельницкого в Субботове. Рисунок худ. С. Васильковского (стр. 113)
- Церковь Ильи в г. Коропе, XVII—XVIII вв. Фото. Планы (обмеры НИИТИ АСИА СССР) (стр. 114)
- Планы крепостных (монастырских) башен XVII—XVIII вв. (по обмерам ЦРМГУ) (стр. 114)
- Надвратная башня-колокольня Новгород-Северского Спасского монастыря, 1670—1699 гг. (обмеры Кацаурова). Музей АСИА СССР в Москве (стр. 116)
- Новгород-Северский Спасский монастырь, XVII—XVIII вв. Западная стена с наружной и внутренней стороны (стр. 117) (обмеры ЦРМГУ)
- Надвратная башня-колокольня Новгород-Северского монастыря. Фото Г. Логвина (стр. 118)
- Надвратная башня Гамалеевского монастыря, XVIII в. Фрагмент чертежа 1795 г. (ЦГИАЛ, ф. 1399, оп. 1, д. 843) (стр. 119)
- Угловая башня Троицкого монастыря в Чернигове, XVIII в. Фото автора (стр. 120)
- Надвратные башни-колокольни Глуховско-Петропавловского монастыря, XVII—XVIII вв. Рисунок — реконструкция К. Лопяло (по фото XIX в. и материалам автора) (стр. 122)
- Надвратная башня-колокольня Глуховско-Петропавловского монастыря. Главный вход. Рисунок — реконструкция К. Лопяло (по фото XIX в. и материалам автора) (стр. 123)
- Башни и колокольни XVII—XVIII вв. Планы и фасады. Таблица (по обмерам ЦРМГУ, автора и др.) (стр. 125)
- Троицкий собор в г. Трубчевске, XVI—XVIII вв. План (обмеры Трубчевского краеведческого музея) (стр. 130)
- Троицкий собор в Трубчевске. Фото автора (стр. 131)
- Церковь Ильи в с. Субботове, 1656 г. Фото Г. Логвина (стр. 132)
- Зальные и трехчастные трехкупольные здания XVII—XVIII вв. Планы и фасады. Таблица (по обмерам ЦРМГУ и др.) (стр. 133)
- Рождественский собор в г. Стародубе, XVII в. Фото автора (стр. 135)
- Николаевская церковь в г. Глухове, XVII в. Фрагмент интерьера. Фото автора (стр. 138)
- Церковь в с. Полонки Черниговской обл., XVIII в. Фото автора (стр. 139)
- Воскресенский собор в г. Сумах, 1702. Фото автора (стр. 140)
- Михайловская церковь в с. Воронезж Сумской обл., 1776 г. Фото автора (стр. 142)
- Крестообразные пятикупольные здания XVII—XVIII вв. Планы и фасады. Таблица (по обмерам ЦРМГУ, автора и др.) (стр. 143)
- Собор Крупицко-Батурицкого монастыря, XVII в. Фото С. Таранушенко (стр. 145)
- Собор и трапезная Выдубецкого монастыря в Киеве, XVII—XVIII вв. Фото автора (стр. 146)
- План церкви в с. Лютенки Полтавской обл., XVII в. (обмеры ЦРМГУ) (стр. 147)
- План Петропавловского собора в Новгород-Северске, XVII в. (обмеры автора и С. Таранушенко) (стр. 148)
- План Покровской церкви в с. Сорочинцах Полтавской обл., 1732 г. Пропорциональный анализ (стр. 148)

- Николаевский собор в г. Нежине, 1668 г. Фото нач. XX в. (стр. 149)
- Николаевский собор в г. Нежине. Пропорциональный анализ плана (стр. 150)
- Николаевский собор в г. Нежине. Пропорциональный анализ разреза (стр. 151)
- Спасский собор в г. Изюме, 1684 г. Пропорциональный анализ разреза (стр. 152)
- Екатерининская церковь в Чернигове, 1715 г. Пропорциональный анализ фасада (стр. 153)
- Софийский собор в Киеве, XI—XVIII вв. Пропорциональный анализ восточного фасада (по обмеру Софийского музея-заповедника) (стр. 155)
- Михайловский Златоверхий собор в Киеве, XI—XVIII вв. Пропорциональный анализ западного фасада (по обмеру Софийского музея-заповедника) (стр. 157)
- Георгиевский собор в с. Даневке, около Козельца, XVIII в. Пропорциональный анализ фасада (по обмерам НИИТИ АСИА УССР) (стр. 158)
- Георгиевский собор в с. Даневке. План (стр. 159)
- Троицкий собор в Чернигове, 1679—1695 гг. Западный фасад. Фото автора (стр. 160)
- Собор Братского монастыря в Киеве, 1690—1693 гг. Арх. О. Старцев. Южный фасад. Чертеж серед. XIX в. (стр. 161)
- Однокупольные здания XVII—XVIII вв. Планы и фасады. Таблица (по обмерам ЦРМГУ и НИИТИ АСИА УССР) (стр. 163)
- Вознесенская церковь в г. Коропе Черниговской обл., XVIII в. Фото автора (стр. 164)
- Типы многокупольных зданий прямоугольного плана XVII—XVIII вв. Планы и фасады. Таблица (по обмерам ЦРМГУ, архивным данным и др.) (стр. 165)
- Мгарский собор в г. Лубнах Полтавской обл., 1684—1692 гг. Арх. И. Баптист и М. Томашевский. Фрагмент интерьера. Фото (стр. 166)
- Троицкий собор в Чернигове, 1679—1695 гг. Аксонометрический разрез (по обмерам ЦРМГУ и автора) (стр. 168)
- Собор Крестовоздвиженского монастыря в Полтаве, 1689—1709 гг. Фото (стр. 173)
- Собор Крестовоздвиженского монастыря в Полтаве, 1689—1709 гг. Пропорциональный анализ плана (стр. 174)
- Собор Гамалеевского монастыря в Сумской обл., 1735 г. План (обмер НИИТИ АСИА УССР) (стр. 175)
- Собор Гамалеевского монастыря, 1735 г. Фото автора (стр. 176)
- Никольский собор в Киеве, 1690—1696 гг. Арх. О. Старцев. Макет. Музей НИИТИ АСИА УССР (стр. 178)
- Собор Георгиевского монастыря в с. Даневка, около г. Козельца. Деталь лепки на барабане купола. Фото Г. Логвина (стр. 183)
- Колокольня Софийского собора в Киеве, XVIII в. Маска на втором ярусе южного фасада. Фото М. Сопощко (стр. 184)
- Колокольня Софийского собора в Киеве. Фрагмент первого яруса. Фото автора (стр. 185)
- Колокольня Софийского собора в Киеве. Фрагмент второго яруса. Фото М. Сопощко (стр. 186)
- Колокольня Софийского собора в Киеве. Фрагмент третьего яруса. Фото М. Сопощко (стр. 188)
- Успенский собор Киево-Печерской лавры, XI—XVIII вв. Внутренний портал. Фото (стр. 189)
- Успенский собор Киево-Печерской лавры. Декоративное убранство восточного фасада. Фото (стр. 190)
- Коллегиум в Чернигове, 1700—1702 гг. Фото автора (стр. 192)
- Брама Заборовского в Киеве, XVIII в. Фото автора (стр. 193)
- Церковь в с. Сорочинцах Полтавской обл., портал. 1732 г. Фото автора (стр. 194)

Церковь Калнышевского в Ромнах, 1764 г. Перенесена в Полтаву в 1907 г. Сгорела во время Отечественной войны. Фрагмент иконостаса, мастер Сысой Шалматов. Фото (стр. 195)

Фрагмент павильона у Экономических ворот Киево-Печерской лавры, XVIII в. Фото автора (стр. 196)

Надвратная колокольня Новгород-Северского Спасского монастыря, XVII в. Фрагмент фасада. Фото автора (стр. 197)

Фронтоны зданий XVII—XVIII вв. Таблица (по обмерам и фото с натуры) (стр. 199)

Фронтоны зданий XVIII в. Таблица (по обмерам и фото с натуры) (стр. 200)

Фронтоны зданий XVIII в. Таблица (по обмерам и фото с натуры) (стр. 202)

Фронтоны зданий XVIII в. Таблица (по обмерам и фото с натуры) (стр. 203)

Церковь на Экономических воротах Киево-Печерской лавры, 1696—1698 гг. Фрагмент. Фото Г. Логвина (стр. 205)

Оконный наличник трапезной Троицкого монастыря в Чернигове, XVII в. Фото автора (стр. 206)

Оконный наличник церкви в Сорочинцах, XVIII в. Фото автора (стр. 207)

Собор Троицкого монастыря в Чернигове, 1679—1695 гг. Интерьер. Фото (стр. 208)

Типы пилястр и полуколонн в зданиях XVII—XVIII вв. Таблица (по обмерам ЦРМГУ, НИИТИ АСИА УССР и др.) (стр. 209)

Софийский собор в Киеве. Фронтоны (декор XVIII в.). Фото М. Сопочько (стр. 210)

Собор Елецкого монастыря в Чернигове, XII в. Барабан купола, XVII в. Фото М. Сопочько (стр. 212)

Купола и барабаны культовых зданий XVII—XVIII вв. Таблица (по обмерам и фото) (стр. 213)

Купола и барабаны культовых зданий XVII—XVIII вв. Таблица (по обмерам и фото) (стр. 214)

Лепной декор над порталом бурсы в Переяславе и окном Мгарского собора. Из книги Д. Яблонского «Порталы в украинской архитектуре XVII—XVIII вв.». Киев, 1955 (стр. 216)



О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр
Введение	5
Исторические и социальные предпосылки развития архитектуры на Левобережной и Поднепровской Украине в XVII—XVIII вв.	10
Состояние строительного дела	30
Строительные материалы	—
Строительные конструкции	38
Организация строительства	42
Некоторые вопросы планировки городов и архитектурных ансамблей . . .	46
Городские ансамбли	51
Внегородские ансамбли	74
Архитектура каменных зданий	79
Жилые здания	80
Общественные и хозяйственные здания	94
Оборонные башни и колокольни	112
Соборы и церкви	129
Декоративные особенности архитектуры Левобережья и Поднепровья в XVII—XVIII вв.	182
Заключение	219
Указатель литературы	225
Принятые сокращения	228
Список иллюстраций	229

Цапенко Михаил Павлович
АРХИТЕКТУРА ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ
XVII—XVIII веков



Стройиздат
Москва, К-31, Кузнецкий мост, 9



Редактор издательства Г. М. Анциферова
Внешнее оформление художника Ю. А. Маркова
Корректоры Л. С. Рожкова, И. В. Бошнякович
Художественная и техническая редакция Е. Л. Темкиной

Сдано в набор 24. X. 1966 г. Подписано к печати 24. IV. 1967 г.
Т-04090 Формат 70×90¹/₁₆ д. л. — 7,375 бум. л. 17,26 усл. печ. л.
(уч.-изд. 15,70 л.) Тираж 3000 экз. Изд. № А-IX-7328 Зак. № 1405
Цена 1 р. 76 коп.

Владимирская типография Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР
Гор. Владимир, ул. Победы, д. 18-б

1p. 76x.

